

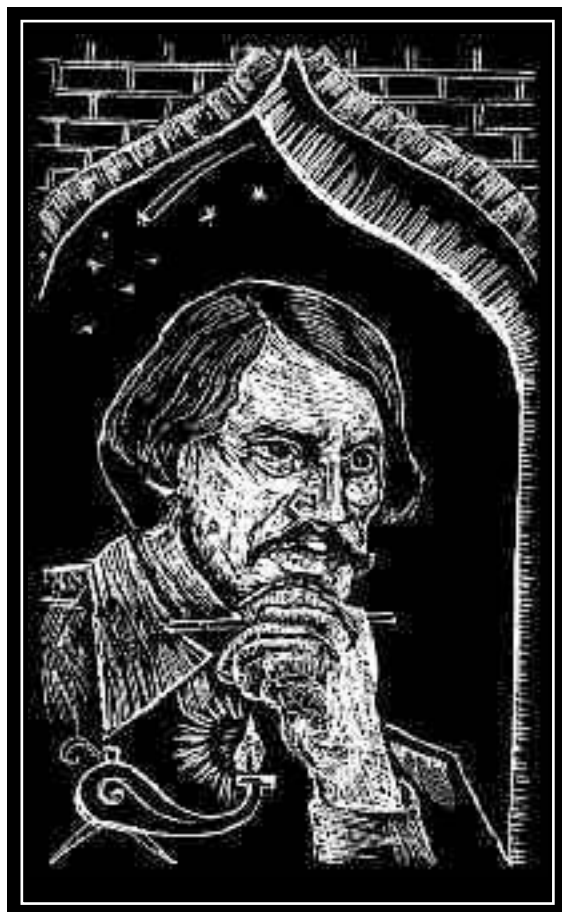
ЯННІСІДІН
КУКУЛІУ

УЕТОРУУ
МУДРОГО
СТРАХУКА

***Выражаем особую благодарность
профессору, доктору исторических наук
Илье Ханукаевичу Урилову***

*за теплые слова в память
Амала Даниловича Кукулиева
и помощь в издании второго тома сказок
издательского проекта
«Золотой сундук Амалдана Кукуллу».*

ЯМЯЛДАН КУКУЛЛУ

поэт, сказочник, фольклорист

Золотой сундук

**АМАЛДАН
КУКУЛУ**

**УСТОРУУ
МУДРОГО
СТРАННИКА**

Книга 2

**Амалданик
2007**

УДК 398: 82-34
ББК 82: 83.3
К89

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Составитель Д.А. Кукулиев
Автор комментариев Л.Э. Гутцайт

Амалдан Кукуллу
К89 Истории мудрого странника; Книга 2 / Амалдан Кукуллу. –
М.: Амалданик, 2007. – 208 с.: илл.
Перед вып. дан. авт.: Амалдан Кукуллу (Кукулиев Амал Данилович)
ISBN 978-5-901546-05-5

Вторая книга литературного наследия поэта, сказочника и фольклориста – Амалдана Кукуллу, посвящена сказаниям горских евреев, которые автор собирал, записывал и подвергал литературной обработке на протяжении всей жизни. Тексты приведены без изъятий и купюр с оригинала авторской рукописи. Книга продолжает серию посмертных изданий трудов Амалдана Кукуллу, куда входят пословицы, поговорки, поэтические и изыскательские работы талантливого писателя.

УДК 398: 82-34
ББК 82: 83.3

Compiler D.Kukuliev
Author of comments L.Gutzeit

Amaldan Kukullu
The stories of a wise pilgrim; Book 2/ Amaldan Kukullu.- (Kukuliev Amal Danilovich)
M.: Amaldanik, 2007.-208 p.: ill.

The second book of literary heritage of the poet, story-teller and folklorist Amaldan Kukullu is dedicated to mountain jews' legends. The author gathered, compiled and edited the stories during his life. The text is cited without any omissions or deletions from the author's original manuscript. The book continues the series of posthumous editions of Amaldan Kukullu's works, and includes proverbs, sayings, poems and research of the remarkable author.

ISBN 978-5-901546-05-5

© Кукулиев Д.А., наследник, составление 2007
Kukuliev D., heir, compiling, 2007
© Гутцайт Л.Э., комментарии, 2007
Gutzeit L., comments, 2007
© «Амалданик» ООО, оформление, 2007
«Amaldanik» publishing house, 2007

О проекте «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» говорят...

Рав. ДАВИДОВ ГАВРИЭЛЬ: «...с большой радостью и огромным удовольствием читал книги... замечательного горско-еврейского писателя и поэта Амалдана Кукуллу. Рад, что древние сказания горских евреев... сохранены им на века и теперь переданы потомкам... Наследие горских евреев, культурное и религиозное, неповторимы. У нашего народа большое будущее...»

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ: «...Амалдан Кукуллу один из ярчайших представителей нашего самобытного древнего народа... человек, посвятивший всю свою жизнь сбору исторических и культово-этнографических корней и сведений о гордом народе-горце, сохранившего свою иудейскую веру на протяжении тысячелетий...»

НИСАНОВ ЯХЬЯ ИСАЙЕВИЧ: «...об источнике, истоках, корнях вспоминают те, кто об этом мог какое-то время не помнить, и это именно то, чего не скажешь об Амале Даниловиче Кукулиеве. Поэзия, проза, диссидентский самиздат, признанность в литературных кругах – эти и многие другие высоты не отдалили его от вопросов о своих корнях и корнях своего народа. Это присуще большому сердцу народного писателя. И наконец-то этот народ получает доступ к его книгам...»

ЯКУБОВ МАНАШИР АБРАМОВИЧ: «...Книги имеют свою судьбу, Рукописи не горят. Рукописи не горят, если мы их издаём, книги имеют свою судьбу, но эту судьбу делаем мы тоже. Я испытываю чувство радости, благодарности, благоговения, восхищения за то, что издали, за то, что не забыли культуру своего народа...»

Спасибо Вам. Даниил Кукулиев

Сказка – это человек-сказитель, умноженный на воображение

Прежде чем перейти к изложению горско-еврейских сказок и сказаний, мне хотелось бы совершить беглый экскурс в земную историю моего народа¹.

Всем известно, что колыбелью евреев была и есть территория Иудеи, в том широком смысле как это понимали наши предки: когда с расколом объединенного израильского царства после смерти Соломона территории северного царства стали именовать Израиль, а южного – Иудея. После падения Израильского царства (721 г. до н.э.) название Иудея привилось постепенно для названия всей страны и сохранялось вплоть до подавления восстания Бар-Кохбы (135 г. н.э.), пока римский император Адриан в административном порядке не переименовал Иудею в Палестину.

Аврам – праотец наш был сыном Тераха, внуком Нохора, правнуком Сируха... десятым поколением потомков Сима, одного из трех сыновей Ноя. Сыновья Сима стали праотцами евреев, эдамитян, ассирийцев и арамейев; сыновья Хама стали праотцами ханаанян, египтян и эфиопов; сыновья Иафета расселились на островах в море.

Несмотря на то что земная история еврейского народа на протяжении нескольких тысячелетий была насыщена невероятным количеством ужасных событий, связь с Богом не прерывалась ни на миг. К месту будет напомнить, что во времена правления царя Давида (1010 – 970 г. до н.э.) и царя Соломона (970 – 931 г. до н.э.) шли постоянные войны с местными племенами, чтобы отстоять земли для строительства Первого Божего Храма. К месту также будет вспомнить и те жестокие времена, которые связаны с переселением ассирийским царем Саргоном II (в 721 г. до н.э.) большинства евреев Десятиколенного царства в Месопотамию, Хузестан и Мидию. И даже когда вавилонский царь Навуходоносор предпринял карательные походы против Иудеи (605 – 598 г. до н.э.), захватил и разрушил еврейский Иерусалим, а вместе с ним и Первый Иерусалимский Храм (587 г. до н.э.), уведя в плен большую часть жителей страны; несмотря на то что в период Римского владычества (63 г. до н.э. – 324 г. н.э.) и после разрушения Второго Храма (70 г. н.э.); и несмотря на многие невероятно трагические события, выпадавшие на долю моего народа, и даже теряя письменные свидетельства Моисеева Пятикнижия, дарованного Богом, он продолжал нести нерушимо свой союз с Богом, передавая Тору из уст в уста, не прерывая этот союз.

¹ Здесь публикуется в сокращённом варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.)

О памяти, что живёт в сознании человека, как сгусток образа и трепет души, ибо она есть то, о чём человек или племя и даже смешавшиеся племена, если они осознают значение, не скажу даже Бога, а Неба, не может забыть никогда. Эту память, пусть и приглушенную и уже отдаленную, знали и кавказские племена, среди которых более выделяющимся языческим племенем были хазары, приверженные к зороастрийской огнепоклоннической религии.

Образование Хазарского Каганата на территории всего Предкавказья, Северного Причерноморья, Нижнего и Среднего Поволжья и землях некоторых восточнославянских племен во главе с тюркской династией Ашина относят к VII веку. А уже в VIII веке сложилась система двоецарства, где каган из династии Ашинов исполнял представительские функции, а каган-бек из иудейских хазар фактически управлял Каганатом.

Так вот сошлюсь хотя бы на письмо хазарского каган-бека Иосифа, который, отвечая на письмо испанского еврея из Кордовского халифата Хасдая Ибн-Шафрута «...к какому роду принадлежат иудеи Хазарского царства», отвечал: «Хазары – иудеи, ведут своё происхождение не от Сима, первенца Ноя, а от Иафета, точнее, его внука Тогармы». И далее пишет: «Тогарма имел 10 сыновей, которых звали: Агийёр, Тирос, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-н, Хазар, Знур, Булгар, Савир. Мы – сыновья Хазара, седьмого...»

Источники свидетельствуют: когда в 861 г. н.э. хазарский языческий царь Булан решил объединить множество местных племен, а все эти племена числом 26 имели своих богов, в одну религию, то он устроил диспут, пригласив для этого религиозных деятелей из трёх, существовавших уже к тому времени монотеистических религий.

Христианский представитель, которым был византийский учёный-богослов Константин Философ, автор славянской азбуки, сказал, что, мол главное, – бессмертие души в загробной жизни. А на вопрос: «Где истоки вашей религии?» – ответил, – «В иудаизме».

Затем был приглашен представитель ислама, который также на вопрос: «Где истоки вашей религии», – ответил, – «В иудаизме».

Тогда хазарский правитель призвал к себе из Вавилона реш галута, т.е. буквально с древнееврейского, – «князя изгнания» иудейской религии и также спросил: «В чём суть вашей Веры?» На что тот ответил: «В законе Моисея, взявшего из рук Всевышнего, сотворившего по Слову Своему и Небо и Землю, Тору; спасшего и вас и меня от потопа, поглотившего грех человечества, и повелевшего соблюдать Его Закон».

Вот так и сошлись два древнейших племени Ноя и Аврама на территории Кавказа, а с ними вместе – те множества местных племен-язычников, когда, по результатам диспута, около 1.000.000 хазар приняли государственной религией Хазарии иудаизм.

Язык кавказских евреев – джугури относится, как говорит предмет языкознание, к индоевропейской (фарситской) группе, также исходящей от прапраязыка, на котором говорили до потопа и до вавилонских событий, – и таит в себе Тайну Божьего Слова.

Сказка у джугури – это человек-сказитель, умноженный на воображение, вознесенное в бесконечную, вселенскую степень плюс мечты, чаяния и быт народа. Иногда горские евреи Кавказа говорят: «Овсунечире зугуню хорунде», буквально: «Сказителя его язык кормит». Сказка – не стихи, а сказитель – не поэт. Если «рождение поэта – опасная все же примета», с рождением которого «меняется и рушится старый гнилой атрибут», как писал я в стихотворении «Творчество», – то сказка – это прославление, убажнение, кейф духа и воображения, мастерство и экстаз изложения в изустной форме сказителем своих чаяний и своего Я.

Часто сказки рассказываются в семейном кругу, особенно в длинные зимние ночи без всякого повода, чтобы «длинную, как кишка Шагаду, ночь сделать короткой». Хороший сказитель или просто рассказчик может не прерывать повествования много часов подряд. Он, как тот искусный ковровых дел мастер, который связывает разноцветные нитки в одно целое полотно, где не видно ни швов, ни узлов. Интонация рассказчика монотонная, ритмически стройная и немного таинственная. Ему не чужды различные эмфазы, жесты и пантомимика. Если рассказчику желательно обратить внимание аудитории на какой-то факт или эпизод, он делает небольшую паузу, иногда глубоко вздыхает, как бы переводя дыхание, и тем самым разряжает обстановку. При этом он кивает головой и гладит бороду или садится поудобнее, чтобы снова поведать о чем-то новом и интересном. Почти то же самое повторяют за рассказчиком пленённые и замороженные повествованием слушатели. Эти паузы в сочетании с интонацией повествования, эти вздохи и кивание головой, эта удобная посадка, которыми сказитель заставляет слушателя обратить на себя внимание и вновь «с головой» уйти в рассказ, являются выражением причинных, следственных и условных отношений. Все это в синтезе заставляет «обрамляющих» сказителя людей слушать молча, настороженно, с затаённым дыханием. Иногда, более беспокойные, эмоциональные слушатели, часто пожилые, свой восторг или удивление выражают вслух словом «Машалла!» или просто междометием «О!».

Итак, в чём же заключается национальная специфика джугурских сказок? Вопрос этот может рассматриваться в комплексе признаков: история и судьба народа; обычай, нравы и бытовые реалии; политические и религиозные воззрения; окружающая обстановка и соприкосновение с ней; влияние и преемственность культуры соседних народов; логика и здравый смысл мышления народа; родство и наличие в сказках других видов устного народного творчества, достоверные факты и образы действующих

лиц; своеобразие языка и художественные средства; типизация образов и композиции; персонажи и их взаимосвязь; идейно-тематическая направленность и содержание произведения; ассортимент сюжетов и манера рассказчика повествовать; географические и природные условия; архитектурные сооружения и многие другие факторы.

Уместно здесь будет заявить о широком бытовании среди горских евреев Кавказа, так называемых «библейских сказаний». Известно, например, что многие «библейские сказания» — «агадие» (даётся в горско-еврейском произношении – прим. сост.) вошли в фольклорный репертуар тех народов, которые находили в Библии пищу для своего воображения. Не были исключением и горские евреи Кавказа. Оно и понятно: мораль отвечала духовной потребности простого обездоленного человека. Относительно использования библейского материала горскими евреями Кавказа в устной повествовательной форме: почти такое же, как и у других народов Востока, т.е. все эти сказания настолько видоизменены, согласно «климатическим и географическим условиям», настолько перенаряжены, что могут жить самостоятельно, как и все сказки вообще.

Ещё хочется сказать несколько слов о том, как с детства пришлось мне слушать и полюбить сказки моего народа, а позднее навсегда связать свою жизнь с его фольклором. Сказать и о том, какие трудности встречались мной при записях и при переводе на русский язык.

Военные дни были пришибленные, неразговорчивые, мрачные, как и сами люди в ту пору. Матушку я видел только по вечерам. Утром, когда я просыпался, её уже не было дома: она уходила на работу незаметно, без шума, словно на крылышках. Поешь, бывало, оставленную на столе кукурузную кашу, макухи погрызёшь, кое-как накормишь этой кашей вечно плачущую сестрёнку, а затем посадишь на подоконник её да и сам взберёшься и останешься сидеть до прихода пугающей темноты в страхе и с дрожью в теле, затаив дыхание, пока мама не вернётся и не озарит собой и керосиновой лампой саклю.

Так было до тех пор пока к нам не приехал из другого города двоюродный дедушка (по отцу) с женой. Дедушка любил играть на комузе, и сочинять ёрламаго – частушки, а я молчал и слушал. А вскоре в нашу низкую, присевшую на корточки саклю (мне почему-то казалось тогда, что все дома, ушедшие по самые наличники окон в землю, сидят на корточках, а высокие с чердаками – стоят во весь рост), в гости к дедушке Шиколаю стал ходить всё чаще и чаще сосед – дедушка Маштанай, у которого под огромной лохматой папашой «рождались и жили забавные истории – сказки». Бывало, войдет он с холода, заберёт в себя дорогое, нелегко добытое моей матерью тепло и, сев на тахту, ближе к печке, лукавая пепельными глазами, скажет мне: «А ну, отцовский сын, достань из моей папашы овсунего – сказки!»

Мне было странно и непонятно, как же под его засаленной от пота папахой рождаются и живут сказки: ведь я их никогда не мог достать. Но всегда делал это с огромным желанием, часто выворачивая папаху наизнанку и встряхивая её. Тогда дедушка Маштанай смеялся и, поглаживая свою зеркальную лысину, говорил: «О, отцовский сын, сказка уже здесь, под этой лысиной. Садись и слушай!»

Я влезал на печку, сажал рядом сестрёнку, и старик начинал рассказывать про смелых дядек, которые сражались со злыми и страшными Дэвами и Аждага, Гари-Неме и Азраилами. Мне казалось, что богатыри – это мой отец и отцы соседских девочек и мальчиков.

Так детство моё, омрачённое и прерванное войной, уходило в мир сказки, в мир древний и таинственный, о котором рассказывал до глубокой ночи дедушка Маштанай. Много сказок приходилось слышать мне и из уст моей матери...

Были в моей практике разные случаи... По рекомендательному письму отца я приехал в родной мне с детства город Хасавюрт и, наполненный радостью предстоящей встречи и воспоминаниями, направился к дому популярного в городе сказителя Бирорле Назарова, моего далекого родственника и родного племянника дедушки Маштаная. Прочитав письмо, этот статный, но уже слабый здоровьем, преклонных лет человек, вскинул свои густые чёрные с рыжеватым оттенком брови и выдохнул: «Вааллах – «О, Худо!», сказать правду времени нет: дел много всяких, да и силы не те, что раньше. Стар стал...». Он встал в паузе, нацелил на меня вызнающий мысли собеседника взгляд и остался стоять так минуты две. В безмолвии стоял и я, чувствуя всем телом, как плотная, свинцовая масса обиды выдавливалась из меня раннюю радость, которую я с трепетом ощущал в себе всю дорогу сюда и которая заполняла собой каждую мою клетку. Выразительнее всего обида выдавала себя на лице моём, и, особенно – в глазах, застывших в прищуре, в холодном сумраке, словно сосульки на морозе к закату бессолнечного дня. «Шутка ли, приехать из другого города, в данном случае из Москвы, с остановкой в Махачкале в доме моих родителей и вернуться «порожняком», – думал я с грустью и обидой.

Видимо, хозяину дома от холода глаз моих стало неловко, морозно; он вычитал в них мою обиду на него и поэтому вдруг сказал: «Ладно, ради отца твоего и уважения к тебе, сынок, из сотни сказок две-три расскажу!.. Сначала садись... покушай!.. С дороги отдохни!..» Он распорядился подать на стол суфле – ужин.

Только поздно вечером, когда в доме горели уже лампочки, добрый и гостеприимный хозяин стал рассказывать сказки. Желающих послушать собралось немало: жена его, внуки, зять с женой, невестка и несколько соседей, и даже племянница с мужем тоже мастером сочинять всевозможные небылицы или экспромтом предать осмеянию кого-нибудь из общих знакомых.

Вначале рассказ у Бирорле Назарова не клеился: он забывался, останавливался, смотрел то на одного из слушателей, то на другого, словно старался прочесть их взгляд. Но постепенно, одухотворённый эмоциональной реакцией аудитории, он увлёкся и стал рассказывать интересно, то повышая, то понижая голос, часто меняясь в лице в соответствии с разворачивающимися действиями в сказке...

Более двухсот сказок записано мною из уст горских евреев Кавказа, его народных мудрецов. В моих дорожных тетрадях и магнитофонных лентах значатся и другие записи – это частушки, пословицы и поговорки, детский фольклор, анекдоты и – просто забавные истории, ценные воспоминания. Фольклор моего народа мало изучен, он как забытый, брошенный пустырь, который нужно вспахать, дать взрасти на пользу людям, фольклористике, нравственному и духовно-историческому единению людей в назидательной мудрости.

Немало трудностей встречалось и при переводе на русский язык. Первое, с чем пришлось столкнуться на этом этапе работы – обилие диалектизмов, вульгаризмов, штампов; чрезмерное присутствие в сказках рассказчика, его отступлений и ремарок, часто не несущих никакой нагрузки в произведениях, а напротив, разрушающих динамику повествования; полемика рассказчика со слушателями, его собственная реакция, выражающаяся, например, в возгласах: «Гочу хуби» – «Так ему и надо», когда отрицательные персонажи наказываются; или: «Хать! Хать!» – возглас, выражающий радость, торжество самого рассказчика по поводу того, как герой сказки разделяется с противником и т.п.

Главное, что сохранено при переводе, – это литературная сторона: сюжет, композиция, завязка, такие особенности, как ритм и стиль, фразеологические и идиоматические выражения, пословицы и поговорки, проклятия и пожелания. Сохранены характерность и типичность образов, мудрость, красота слова, меткость образных выражений, присущих горско-еврейским сказкам. При переводе важно было дать сильное представление о строе джугурской речи, понимая при этом, что нельзя механически пересаживать на почву русского языка всю джугурскую фразу, но сохраняя перспективу и пропорцию джугурского предложения.

Некоторые сказки заканчиваются выражением: «Во галам, во салам!» В переводе это значит: «И перо (в руки) и привет (от рассказчика)!» Это выражение я с превеликим удовольствием заимствую у своего народа и адресую вам, дорогие мои читатели.

Амалдан Кукуллу
поэт, сказочник, фольклорист

Бессмертный Немюрюм

или в одном древнем городе страны гор два преданных друга. Так они привыкли друг к другу, что и дня не могли прожить, чтобы не повидаться.

И вот случилось так, что один из друзей по имени Дердохош заболел и слёг в постель. Каких только лекарей и знахарей не приглашали родители Дердохоша, чтобы вылечить сына от постигшего его недуга. Но никто и никак помочь ему не мог. С каждым днём он, подобно горящей свече, таял, худел, уходил в беспамятство. Но был у Дердохоша друг по имени Немюрюм, что значит «бессмертный». Он ни на минуту не отходил от постели больного. День сменялся ночью, ночь – днём, но он и глаз не смыкал: всё сидел у изголовья друга, стараясь хоть как-то разделить его участь и тем самым утешить, облегчить недуг.

Но неизвестная болезнь, в конце концов, свершила своё неоправимое, коварное дело, и Дердохош умер. Предали тело усопшего земле и разошлись. Немюрюм места себе не мог найти – так сильно он переживал смерть своего друга. Целыми днями и ночами думал о случившемся.

«Почему же люди умирают? – не переставая думал он. – Разве нет такого места, где никто и никогда не умирает?» – вопрошал он сам себя, тербя душу, будоража ум.

Шли дни, а вопросы эти не покидали его. И вот в один из дней Немюрюм обратился к своей матери:

– Неужели и ты умрёшь, как и мой друг?

Мать очень удивили эти слова, и ей даже подумалось, что сын её сошёл с ума.

– Если прадеды, деды, отцы наши не умирали, то и я не умру, – шутя ответила мать. – Ничего вечного нет. Все живут, пока за ними неумолимая смерть не придёт. Никого ещё не было на свете, чтобы не умер... Перестань думать и переживать о смерти друга.

– Нет, мать, я твоим словам не верю. Я буду жить всегда... Я не умру, – ответил Немюрюм матери, – да и имя моё об этом говорит, – заключил он.

– Пусть недруги твои умрут, – ответила мать.

– Мама, я не верю в то, что нет такого места, где бы люди были бессмертны. – Я найду это место, обязательно найду.

– Нет, сынок, такого места на земле. Все под этим Небом рождены для смерти.

– А на Небе тоже умирают? – спросил сын.

– Кто его знает, сынок, – ответила мать.

– А я знаю, – возразил сын, – на Небе не умирают...

И велел сын матери собрать хурджун в дорогу.

– Я должен найти то место, где люди не умирают, – убеждённо повторял сын.

Как только мать не упрашивала сына, чтобы он образумился, не делал глупости, не оставлял её одну... Но сын и слушать не желал, ибо решил он доказать и себе и людям, что есть такое место, где человек не должен умирать.

Матери ничего не оставалось, как сложить в хурджун лепёшек и сказать сыну в дорогу добрые напутствия.

И на следующий день, едва солнце коснулось гор, сын, прощаясь, успокаивал свою мать, что он вернётся домой уже бессмертным.

Со слезами на глазах проводила мать сына в дорогу, а сама осталась одна.

Шёл Немюрюм день, второй; месяц шёл, второй месяц; мимо городов и сёл шёл; озёра и реки переплывал. Все эти места, где он проходил, ему были знакомы. Прошло много, очень много месяцев, как юноша находился в дороге, и места, где он теперь проходил, были пустынные – ни одной сакли, ни одного аула, ни одной живой души. Скучно, тоскливо стало юноше. Даже птицы здесь не летали. И вдруг впереди он увидел старое чинаровое дерево. Подошёл ближе и видит: на дереве сидит соловей и поёт свои песни, да так поёт, что прямо за душу берёт. Обрадовался юноша встрече и предложил птице стать ему другом. Соловей охотно согласился, но юноша неожиданно спросил его:

– Ты умрёшь или нет?

– Конечно, умру, – отвечает соловей. – Каждый год с моих крыльев опадает по одному пёрышку. А когда земля под этим деревом застелится моими перьями, я упаду на них и умру.

– Нет, тогда я не согласен дружить с тобой, – ответил юноша. – Я, Немюрюм, что значит «бессмертный». А иду я туда, где никто и никогда не умирает.

Соловей рассмеялся над словами юноши и говорит:

– Куда бы ты не пошёл, как бы тебя не звали, смерть придёт, умрёшь и ты... Вечного ничего нет.

Не поверил юноша словам соловья, взвалил он свой хурджун на плечи и пошёл дальше.

Кто знает, сколько он шёл, но когда солнце трижды зашло и трижды взошло, дошёл он до одной речки и видит: под большим дубом лежит пятнистый олень с огромными ветвистыми рогами.

– Давай дружить с тобой, – обратился Немюрюм к животному.

– Дружить так дружить, – согласился рогатый олень.

– А ты умрёшь или нет? – спросил его юноша.

– Конечно же умру, – недоумённо ответил олень, – все мои предки умерли, и я умру... Каждый год на берегу вот этой речки с моей головы опадают рога, а потом вырастают новые. Но когда земля под деревом застелится моими рогами, то я свалюсь вот здесь у речки и умру.

– Тогда не хочу я с тобой дружить, – сказал юноша и добавил: – Я иду туда, где никто и никогда не умирает.

Сказал так юноша и зашагал дальше.

Прошло ещё несколько дней, и юноша незаметно для самого себя оказался на вершине горы, у самого Поднебесья. Здесь ему повстречался горный петух, который сидел на огромном дереве и смотрел на взбирающуюся в гору дорогу, по которой шёл Немюрюм.

– Эй, человек, куда путь держишь? – крикнул путнику горный петух. – Как ты сюда попал? Здесь никогда ни одной человеческой души не бывало.

Юноша ответил:

– Уважаемый горный петух, ищу я себе друга и никак не найду... Давай дружить с тобой.

Горный петух обрадовался и сказал:

– Мне тоже хочется иметь друга.

А Немюрюм и спрашивает его:

– А ты бессмертен или нет?

– Сколько лет живу на этом свете, но подобного вопроса мне не приходилось слышать! – удивился горный петух и добавил: – Когда наступает время смерти – все умирают: и люди, и животные, и даже деревья... Умру и я, когда мои разноцветные перья осыпятся и на их месте вырастут белые.

– Нет, тогда мы не можем быть друзьями, – сказал юноша и продолжил: – Я, Немюрюм, что значит «бессмертный». Я должен оправдать значение своего имени, чего бы мне это не стоило.

Попрощался Немюрюм с горным петухом и пошёл своей дорогой искать то место, где никто и никогда не умирает.

Долго шёл он, но никого так и не встретил. Кругом было пустынно. Только на сороковой день, когда солнце всходило из-за гор, юноша, уставший и в лохмотьях, добрался до одной Поднебесной крепости. Подошёл он к её каменным стенам и видит: сидит у окна красавица. Если у человека два глаза, то нужно ещё два глаза, чтобы смотреть на неё и любоваться, утешая тем самым душу свою, измаявшуюся в суете земной жизни.

– Куда путь держишь, юноша? – спросила красавица.

– Иду туда, где никто и никогда не умирает, – ответил Немюрюм.

– Здесь это место, – сказала красавица.

Обрадовался Немюрюм, что наконец-то нашёл то место, где никогда не умирают. Попросил он красавицу, чтобы она впустила его в крепость, а красавица ему в ответ:

– Добрый юноша, для этого тебе надо много мудрых книг прочитывать, в душу Небесную истину вобрать и жить с любовью ко всем и даже к врагам своим.

– Но где мне взять такие книги, добрая красавица? – спросил Немюрюм. Не успел он ещё что-то сказать, как вдруг перед ним образовалась каменная обитель среди яблоневого сада. Вошёл юноша под расписные своды каменной обители, а там огромное количество старинных божественных книг на полках лежит. И стал юноша читать эти книги да умом душу наполнять, а через некоторое время он почувствовал как возносится к Небу, а с языка так и просятся мудрые, благодатные речи. А ещё через какое-то время он поднял глаза свои к Небу и всей душой возжелал вознестись в Небесные владения, где никто и никогда не умирает.

Едва возжелал он себе такое, как сверху показалась светящаяся верёвка, которую опускала из окна Поднебесной крепости уже знакомая ему красавица.

– Добрый юноша, пришло твоё время жить в моей Поднебесной обители, – сказала красавица.

И Немюрюм взобрался по светящейся верёвке прямо в Поднебесную крепость.

Стал он жить вместе с красавицей, да так хорошо и счастливо, как вольно или невольно мечтает жить каждый человек. Всё, чего бы он не пожелал, тут же исполнялось и наполняло душу радостью и благодатью.

Прошло неизвестно сколько времени, как Немюрюм стал жить со своей любимой красавицей, и за всё это время ни чуточки не состарился. Здесь счёт времени не вёлся, как на земле, и ничто здесь не старило, не угнетало человека. Потому Немюрюм не знал, не ведал о том, сколько же времени прошло с тех пор как он, оставив свою мать, ушёл из дому.

Но однажды Немюрюму вспомнились родные места, мать, которую оставил, знакомые, друзья, и решил он вернуться назад, хотя бы на время. В один из дней, когда его жена стирала бельё, он сказал ей, что очень хочет побывать, хотя бы два-три дня, в родных местах, повидаться с матерью, друзьями и знакомыми, рассказать о Стране бессмертия, о своей красавице...

А она между тем рассмеялась и говорит, что много веков прошло с тех пор как он пришёл в страну, где никто и никогда не умирает, а там, где он жил в давние, очень давние времена, никого не осталось из тех, кого он знал, все умерли, а на смену им приходили и уходили другие поколения.

Но не поверил Немюрюм словам своей жены и настоял на своём.

– Ну что же, если тебе очень хочется проверить правоту моих слов, то можешь собираться в дорогу... Счастливого пути!.. – сказала она, всем сердцем чувствуя, что-то недоброе должно с её мужем случиться... Ведь женское сердце как воск – оно плавится от пылающего огня любви. Собрала она Немюрюму в дорогу разного кушанья, сложила всё в хурджун и ещё дала ему с собой четыре яблока из Поднебесного сада.

– Возьми эти яблоки в дорогу. Они тебе пригодятся, – сказала красавица. – Но смотри не урони их и не ешь... А теперь ступай!..

Взял Немюрюм четыре яблока, положил их в карманы, пообещал вернуться и ушёл.

Долго ли шёл он, сильно ли уставал – это ему знать. Но известно, что шёл он той же дорогой, по которой некогда шёл в Страну бессмертия, где никто и никогда не умирает.

Дошёл он до огромного дерева, а под деревом на перьях лежат косточки какой-то птицы. Немюрюм сразу понял, что это косточки того самого горного петуха, которому он предлагал свою дружбу. Наклонился Немюрюм и поцеловал кости птицы. Но когда он наклонился, из кармана выпало одно яблоко. И Немюрюм заметил, что волосы на его голове поседели.

Попрощался Немюрюм с костями горного петуха и пошёл своей дорогой – к родным местам.

Долго ли шёл, сильно ли уставал – это ему знать. Но через много дней он подошёл к тому месту, где когда-то встретился ему рогатый олень. Подошёл он к речке и видит: под дубом лежат рога и кости того самого животного, которому он предлагал свою дружбу. Нагнулся Немюрюм и поцеловал кости оленя. Но когда нагибался, то из кармана выпало ещё одно яблоко. В это время Немюрюм почувствовал, что сильно постарел и силы его стали оставлять.

Отдохнул Немюрюм какое-то время и пошёл своей дорогой – к родным местам.

Долго ли он шёл, сильно ли уставал – это ему знать. Но нам известно то, что через какое-то время он дошёл туда, где на чинаре сидел соловей и пел свои прекрасные песни. Подошёл Немюрюм к дереву и видит: лежат на перьях косточки того самого соловья, которому он предлагал свою дружбу.

«Да, правы были все они: ничего вечного нет. Всё живет, пока смерть не придёт», – подумал Немюрюм и, нагнувшись, поцеловал косточки умершего соловья. Но когда он нагибался, то выронил из кармана и третье яблоко. И тут-то Немюрюм почувствовал, что ноги уже отказываются его носить. Вырезал он из чинары палку и, опираясь на неё, пошёл дальше – к своим родным местам.

Ещё через какое-то время Немюрюм добрался наконец-то до родного города, где когда-то похоронил своего дорогого друга Дердохоша.

Вошёл он в родной город и видит: всё здесь изменилось, ничего узнать невозможно. Шёл он по улицам и не мог встретить ни одного знакомого, всё здесь не так, как раньше было: и сакли, и люди, и одежда – всё другое.

Стал Немюрюм жителей города расспрашивать о своей матери, но никто не помнил, не знал такой женщины. Повели тогда Немюрюма к одному двухсотлетнему старцу, чтобы расспросить у него о матери. Но и этот старик не смог её вспомнить. Только слышал от других, что жила здесь когда-то, в очень давние времена, одна старушка и умерла она с именем сына своего на устах, который отправился искать то место, где никто и никогда не умирает, и не вернулся.

Услышал Немюрюм горькие слова старца и сильно опечалился. Напрасно вернулся он в эти места. Лучше бы послушался совета своей жены и не уходил из Страны бессмертия. Лучше бы жил он там в своей Поднебесной крепости да книги древние читал, душу свою ублажал, а в голове мудрость веков откладывал.

Утром, когда солнце ещё только начинало просыпаться ото сна, пошёл Немюрюм на кладбище, отыскивал могилу матери и долго-долго плакал. Наплакавшись, решил он вернуться в те места, где осталась его жена-красавица и где никто и никогда не умирает.

Нагнулся Немюрюм над могилой матери и поцеловал надгробную плиту. Но когда он нагибался, из кармана выпало последнее – четвёртое яблоко. И вот тут-то Немюрюм почувствовал, что нет у него больше сил. Сел он на землю и заснул. Спит он, и снится ему сон: с высокого Неба спускается к нему рыжебородый старик дан-Амалдан и говорит: «Я, как и ты, искал страну, где никто и никогда не умирает. Искал и нашёл. А найдя, не стал возвращаться обратно в земную суету. Похоже, читая мудрые книги, не принял ты всей глубиной души Истину Страны бессмертия, гласящую: придя в Страну бессмертия – назад в земную суету не возвращаются... Не послушался ты совета своей красавицы-жены, нарушил законы бессмертия, а потому умрёшь и будешь похоронен здесь, на земле».

«О, попечитель мой, – вскричал Немюрюм, обращаясь к рыжебородому старичку дан-Амалдану, – что же мне делать, чтобы снова вернуться в эту прекрасную и благодатную Страну бессмертия?»

«Предаться снова дороге и назад не оглядываться», – ответил рыжебородый старичок дан-Амалдан.

Немюрюм хотел было послушаться доброго совета и снова предаться дороге в Страну бессмертия, но в это время к нему подошёл Азраил и говорит: «Куда тебе, старому, дороге дальней и нелёгкой доверяться... Не дойдёшь, пропадёшь дорогой неведомо где... Ты видишь, вот я уже яму копаю».

Немюрюм встал и, еле-еле передвигая ноги, приблизился к Азраилу и глуховатым голосом спросил:

– Кому копаешь эту яму?

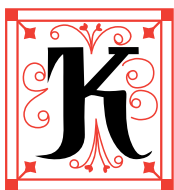
Азраил и отвечает:

«Тут один сомневающийся старик умирает, а я ему могилу копаю... Он такого росточка, как и ты. Будь любезен, ляг в эту яму, я измерю, подойдёт она ему или нет». Немюрюм залез в яму, лёг и протянул ноги. А Азраил тем временем взял у него душу, и Немюрюм умер. Засыпал Азраил землей яму и, взмахнув крыльями, улетел искать очередную наполненную земными страстями душу...

И вправду сказывают в народе: достигнув истины, от неё не отдаляются. А отдалившись, знай: погибель свою обретёшь от земной суеты.

Так случилось и с Немюрюмом. Не оправдал он Божественное значение своего имени. А жаль!

Бежон и Менежон

Жогда-то в очень давние времена, когда на земле были ещё дэвы, жил богатырь по имени Рустам, сын Зола. Он был заступником народа, защитником добра и справедливости.

Где бы не затевалось сражение, Рустам всегда седлал своего скакуна и мчался расправиться с обидчиками.

Однажды Рустам победил в сражении дэвов; после этого он привёл домой маленького дэва и стал его растить.

Шло время. В один из дней отец Рустама – Зол, прогуливаясь по двору, увидел маленького дэва. Он тут же позвал к себе сына и говорит:

– Глупец! Для чего ты привёл этого злодея в мой дом? Ты что забыл, что змея и маленькая остаётся змейей? – Зол схватил маленького дэва за ноги и разорвал на куски, а сыну дал хорошую оплеуху.

Обиделся Рустам, сел на своего скакуна и умчался из отцовского дома, где остались жена Рустама и его шестилетний сын по имени Бежон.

Семь лет прошло, как Рустам уехал из отцовского дома. Бежон по утрам ходил учиться в школу, а вечерами возвращался домой.

Нелегко было Золу без сына. Он был уже стар, да и жены у него не было. Дошли до дэвов слухи о том, что Рустам обиделся на своего отца и уехал жить в крепость за семью горами. Предводитель дэвов собрал свой отряд и говорит:

– Пока Рустама нет, надо отомстить старому Золу за все его проделки.

И дэвы ринулись на падишахство Зола. Когда они перешли границу, жители хотели преградить им путь. Но нет, не тут-то было. Дэвы пригрозили горожанам и говорят:

– Сходите к вашему падишаху и скажите: если через три дня он не выйдет сражаться с нами, мы предадим его падишахство огню.

Пришли гонцы к Золу и доложили обо всём. Задумался Зол: «Как быть? Я уже стар, а Рустам на меня в обиде!»

Приказал тогда Зол зурначам выйти на площадь и играть сбор богатырей. Собрались пахлеваны, а Зол и говорит им:

– Наша земля, города наши, народ наш в опасности. На нас напали дэвы. Они грозятся предать всё огню... Есть ли среди вас люди, которые любят меня и готовы вступить в сражение с дэвами? Если есть, то пусть подойдут, выпьют со мной чашу шербета и дадут клятву верности.

Но никто не подошёл и не выпил с ним чашу шербета.

– С дэвами только Рустам может сразиться. Нам они не под силу, – ответили богатыри.

В это самое время из школы возвращался сын Рустама – Бежон. Смекнул он в чём здесь дело, но, ничего не сказав, прошёл мимо.

Зол-падишах и на второй день созвал на площадь богатырей и опять предложил им распить с ним чашу шербета в знак верности. Но ни один из богатырей не осмелился осушить эту чашу. И Бежон, возвращаясь из школы, прошёл мимо.

Созвал богатырей Зол и на третий день и вновь предложил им испить с ним чашу шербета. Но и на сей раз никто не вызвался

сражаться с дэвами. Но тут вдруг появился Бежон. Он подбежал к Зола и схватил его за руку, чтобы взять у него чашу шербета. Но Зол не выпустил из своих рук чашу.

– Эй, дед мой!.. Третий день я вижу в твоих руках эту чашу. Для кого ты приготовил её? – спрашивает Зола внук.

– Для тех, кто разделит со мной моё горе, – отвечает Зол.

– Я выпью с тобой эту чашу. Дай её мне. Я сын Рустама, внук Зола и не позволю унижить честь нашего рода. – Бежон выхватил из рук Зола чашу и выпил шербет. Затем он надел на себя богатырские доспехи, вскочил на коня и мигом очутился там, где дэвы ожидали решения Зола.

Срок уже истекал, и дэвы были готовы напасть на город падишаха Зола и уничтожить всех горожан. Но тут они увидели, что к ним в богатырских доспехах скачет мальчик необыкновенной красоты.

– Наверное, гонец с письмом, – решил главный дэв.

Услышал это Бежон и говорит:

– Нет, я не с письмом явился, а принёс вам смерть.

Рассмеялся предводитель дэвов и отвечает:

– Да я на тебя дуну, и ты в небо взлетишь!

– Герой слов на ветер не бросает, – говорит Бежон. – Выходи на поле битвы, будем биться. Или тебе умереть или мне.

Стали они бороться. Долго боролись. Как не старался главный дэв сдвинуть Бежона с места, но так и не смог. Стоит Бежон, как дуб, вросший корнями в землю.

Но вот Бежон собрал свои силы и свалил главного дэва на землю. Затем выхватил из ножен свой кинжал и отрезал ему голову. Дэвы увидели, что у сына Рустама сила такая же, как у его отца, и повернули, ушли обратно в свое царство дэвов.

А Бежон положил в хурджун голову главного дэва, чтобы удивить деда, и направился в сторону дома.

По пути он остановился у реки, смыл с кинжала кровь злодея и собрался было идти дальше. Но тут ему повстречался зять Зола. Поздоровались они, расспросили друг друга откуда, мол, и куда.

Бежон рассказал ему всё как было и показал голову главного дэва.

– Покажу её деду. Вот удивится, – радуется Бежон.

«А почему бы не мне похвалиться перед стариком Золом», – думает зять и говорит:

– Ты лучше, пока не поздно, поезжай в падишахство Эршефиёна. У этого падишаха есть красавица дочь. Он отдаст её замуж за того, кто докажет свою богатырскую доблесть. Я верю, что ты будешь лучшим, и красавица будет твоей. А голову дэва я отвезу Золу и расскажу ему о твоей победе.

– Хорошо, – согласился Бежон.

Отдал он дяде хурджун с головой главного дэва и поскакал в падишахство Эршефиёна.

Пришёл зять к Золу и, показывая голову дэва, говорит:

– Я убил злодея.

– А Бежона не встретил там? – встревожился Зол.

– Нет, – отвечает зять.

– Наверное, дэв убил его, – решил Зол, стал бить себя в грудь и рыдать. Он сбросил падишахские одежды, облачился в траур, обсыпал себя золой и сел у холодного очага.

А Бежон тем временем, не зная ни дня, ни ночи, находился в пути. Вскоре добрался он до города падишаха Эршефиёна.

«Как же быть? – задумался Бежон. – Ни знакомых нет у меня здесь, ни друзей, ни крыши над головой... Пойду-ка я в чайхану. Там наверняка кто-нибудь есть».

Пришёл он в чайхану, а там сидят гуляки.

– Салам алейкум! – приветствует их Бежон.

– Алейкум салам! – отвечают гуляки.

Усадили они его рядом и стали расспрашивать: «Откуда и куда путь держишь? Чей сын и зачем пришёл сюда?»

Рассказал им Бежон, кто он и откуда, а потом и спрашивает:

– Друзья, какие новости в вашем городе?

Рассказали Бежону и о дочери падишаха Эршефиёна. Она так прекрасна, что во всём мире не сыскать другой такой красавицы. А зовут её Менежон. Дворец падишаха стоит посреди города, а дом его дочери Менежон – на окраине. Позади её дома – горы, а впереди – море. С берега моря до окна дома Менежон отец протянул канат и объявил: кто пройдёт по этому канату к дому его дочери,

за того он её и отдаст. Из многих падишахств, из многих земель приезжают сюда красавцы-богатыри. Но никто из смельчаков не смог пройти по канату до окна.

– Ну а ты, случаем, не за этим ли приехал сюда? – спрашивают гуляки Бежона.

Бежон промолчал. Догадались они, что и Бежон прибыл попытать счастья, и стали его отговаривать:

– Образуься. Не рискуй! Пропадёшь ни за что.

– Да что вы, – хитрит Бежон, – Я просто посмотрю на других... Вы только покажите мне это место.

Повели его гуляки и показали то место, где протянут канат. Посмотрел Бежон, и снова все вернулись в чайхану. Поздно ночью разошлись гуляки по домам, а Бежон отправился в караван-сарай.

Ещё солнце не успело подняться над землёй, как Бежон пришёл занять очередь, чтобы попытать счастья. Часов в десять забили в барабаны, заиграли зурначи. Весь народ от мала до велика собрался сюда. Вышел на балкон и сам падишах Эршефиён со своими векилами и везирами. Все ждут, волнуются. Но никто из богатырей не решается попытать счастья. Не выдержал Бежон и быстро взбежал на канат. Вот идёт он по канату, а его новые друзья увидели это и замерли от страха.

– Пропадёт, пропадёт, – волнуются они за Бежона.

Когда Бежон прошёл половину пути, везир и векил говорят Эршефиёну:

– Почтеннейший падишах, этот мальчишка будет твоим зятем!

Рассмеялся Эршефиён и отвечает:

– Не прыгай в яму, не зная, что на дне.

Солнце успело уже пройти до середины неба, а люди всё ждут, чем же кончится эта затея.

Вот Бежон прошёл больше половины пути. Остановился, передохнул и снова пошёл. Вдруг одна нога соскочила с каната, но он всё-таки сумел удержаться. Наконец добрался он до окна, за которым скрывалась красавица, и затанцевал от радости на канате.

Громче забили барабаны, звонче заиграли зурначи. Все были рады победе смелого джигита.

- Эй, дочь падишаха, открой окно, – кричит Бежон.
- Подожди, я должна переодеться, – отвечает красавица.

Бежон не стал дожидаться, толкнул ногой окно и вошёл. Увидели они друг друга, и любовь вошла в их сердца.

День и ночь молодые супруги не отходили друг от друга. Бежон рассказал ей, откуда он и чей он сын. Ещё крепче привязались они друг к другу. А Эршефиён всё это время не находил себе места: «Сыновья падишахов, беков, ханов приходили свататься к моей дочери, а я не отдал, – думал он. – Выдумал это зрелище, а теперь моя дочь досталась какому-то ничтожному мальчишке... У него ещё и усы не выросли».

Созвал Эршефиён своих советников и говорит:

- Придумайте, как избавиться от такого зятя... Не по душе он мне.

Подумали советники и решили: от дома Менежон до дворца падишаха проложить дорогу и застелить её коврами. На середине дороги вырыть огромную яму. Когда молодой зять пойдёт к падишаху, он дойдёт до этого места и провалится.

Как порешили, так и сделали.

И вот в один из дней Бежон направился в гости к падишаху. Дошёл он до середины дороги, ступил на ковёр и мигом очутился на дне глубокой ямы. Увидели это слуги падишаха и быстро завалили её огромной каменной глыбой. Потом побежали к падишаху и доложили, что дело сделано. Обрадовался Эршефиён и послал дочери письмо, в котором писал: «Дорогая дочь, твоего супруга по моему приказу сбросили в яму. Он ещё слишком молод, а тебе нужен настоящий богатырь. Откажись от него, и я выдам тебя за другого».

Менежон отвечает отцу: «О, отец мой, сколько горя ты принёс многим семьям из-за меня. Сотни богатырей погибли из-за твоей выдумки. А этот юноша своим подвигом покорил меня, и я останусь с ним. Никто другой мне не нужен».

Приказал Эршефиён привести к нему несговорчивую дочь.

– Если будешь упрямиться, не жить тебе во дворце, – говорит отец дочери

- Я буду верна Бежону, – ответила красавица.

Выгнал падишах свою дочь на улицу, а на её дом повесил огромный замок.

На сердце – камень, на глазах – слёзы, ходит бедная Менежон по базарам и продаёт свои дорогие наряды. На полученные деньги покупает еду. Большую часть опускает через маленькую щель в яму Бежону, а меньшую ест сама. И так изо дня в день.

Прошло много дней, всё продала с себя красавица и осталась наедине со своим горем. Пришлось бедной Менежон, дочери падишаха, ходить по дворам нищенкой. Добрые люди сочувствовали ей и подавали кто что мог. А она большую часть относилась своему Бежону, а меньшую ела сама.

Дошли до Эршефиёна слухи, что дочь его собирает милостыню и кормит Бежона.

Тогда издал бессердечный падишах приказ: «Кто подаст милостыню дочери моей Менежон, дом того негодника будет предан огню».

Испугались горожане падишахского гнева и перестали помогать девушке. День стал ночью, ночь – могилой для бедной красавицы Менежон. Как же быть? Стала тогда она выходить на дорогу и просить милостыню у проезжих и прохожих чужеземцев: большую часть отнесет Бежону, а меньшую съест сама. И так каждый день.

Но наступили холода, реже стали появляться чужеземцы. И вот в один из дней вышла бедная Менежон в поисках куска хлеба. На одной из улиц города она встретила дервиша. Он играл на сазе и пел песни. Когда народ разошёлся по своим домам, а дело было к ночи, Менежон протянула дервишу руку за милостыней. Видит дервиш: перед ним стоит красавица, во всем мире красивее не сыскать. На глазах у неё слёзы и сама в лохмотьях. Проникся дервиш жалостью к красавице, дал ей несколько монет. Купила она на эти деньги ломоть хлеба и кусок сыра: большую часть отнесла Бежону, меньшую съела сама.

На следующий вечер Менежон опять подошла к дервишу и опять протянула руку. И на этот раз дал ей дервиш немного денег. Купила она ломоть хлеба и кусок сыра: большую часть отнесла Бежону, а меньшую съела сама.

Пришла Менежон к дервишу и на третий вечер, посмотрела по сторонам и, убедившись, что за ней никто не следит, вновь протянула руку. Удивился дервиш странному поведению девушки и спрашивает:

– Эй, красавица, я сам нищий дервиш, но всё-таки могу дать тебе кое-что. Ответь мне: почему ты всегда приходишь с темнотой и почему оглядываешься по сторонам? Может быть, у тебя горе и я могу помочь?

– Добрый дервиш, моё горе никакими весами не взвесить, – отвечает Менежон.

– Положи на мои весы, я взвешу, – говорит дервиш.

Но нет, не положила она своё горе на чужие весы: горе одного – другому что пух.

– Скажи мне, дервиш, где твоя Родина? Откуда ты и куда идёшь? – спрашивает Менежон.

– У меня нет Родины. Я хожу из одного падишахства в другое. Пою свои песни и так живу под этим небом, – отвечает дервиш.

– А будешь ли ты, дервиш, в падишахстве Зола? – спрашивает Менежон, а сама всё плачет.

– Пройду я два падишахства, третьим будет падишахство Зола, – отвечает дервиш.

Сняла Менежон с головы платок, бросила его к ногам дервиша, упала на колени и говорит:

– Добрый дервиш, не осуди меня за то, что я обнажила свою голову. Ещё никто не видел мои волосы, но перед тобой я это сделала. Умоляю тебя: будешь в падишахстве Зола, пропой им такие слова:

*Менежон, Менежон,
Из падишахства Эршефиёна.
Полюбила смелого Бежона.
Ой, Бежон, бедный Бежон!*

– Могилами своих предков клянусь исполнить твою просьбу, – говорит дервиш. – Пусть небо и земля будут свидетелями. Эту ночь я сделаю днём для тебя!

На этом попрощались Менежон и дервиш, пожелали друг другу всего хорошего и разошлись. Менежон осталась опять одна со своим горем. Целыми днями в лохмотьях и босиком ходила она по дорогам и искала встречи с чужестранцами. Выпрашивала у встречных милостыню и тем кормила Бежона и питалась сама.

В сказках всё быстро делается, а на деле – долго.

Прошло несколько месяцев, и дервиш наконец добрался до падишахства Зола. Увидели его джигиты и пригласили на площадь петь песни. Много собралось народу послушать. Дервиш повесил на шею свой саз и начал петь:

*Менежон, Менежон,
Из падишахства Эршефиёна.
Полюбила смелого Бежона.
Ой, Бежон, бедный Бежон!*

Услышали люди, что дервиш в песне повторяет имя Бежона, примчались к своему падишаху и говорят:

– Почтеннейший наш Зол, хватит тебе сидеть на золе. Вставай, пойдём на площадь. Там дервиш поёт песни про Бежона.

– Никакие песни дервишей мне не помогут, – ответил Зол. – Пока жив, с зола не встану.

– Тогда разреши нам пригласить дервиша сюда. Пусть он споёт перед тобой, – сказали богатыри.

Согласился Зол. Привели дервиша, усадили и попросили спеть. Поёт дервиш, а падишах не слушает. Сидит на золе и лицо как зола.

Но вот дервиш запел:

*Менежон, Менежон,
Из падишахства Эршефиёна.
Полюбила смелого Бежона.
Ой, Бежон, бедный Бежон!*

Услышал падишах Зол имя Бежона и вскочил со своего места.

– Позовите ко мне дочь, – распорядился он.

Прискакали джигиты в город, где жила дочь Зола, и говорят:

– Отец ваш велел передать: «Если даже у рта кружка с водой, отставь её и срочно явись».

Растерялась Бонуш, дочь Зола, и спрашивает:

– Что случилось?

– Не знаем, – ответили джигиты.

Бонуш быстро переделалась в одежду богатыря, вскочила на коня и, не сказав мужу ни слова, примчалась к отцу.

– Отец, что случилось? – ещё со двора крикнула Бонуш.

– Позвал я тебя послушать песни дервиша, – отвечает Зол. – Спой, дорогой дервиш, свои песни.

Повесил дервиш на шею свой саз и начал петь.

Выслушала Бонуш песни дервиша и говорит:

– Отец, сколько же мы будем ждать Бежона?

– Вот потому-то я и вызвал тебя, дочь моя, – отвечал Зол. – Я уже стар. А Рустам ушёл из отцовского дома, обиделся на меня. Хочу выслушать тебя. Что будем делать? – говорит Зол.

– Отец, пусть зарежут самую большую козу из твоего стада, а шкуру отдадут мне. Сегодня вечером Рустам будет здесь, – говорит Бонуш.

Зарежали самую большую козу. Содрали с неё шкуру и отдали Бонуш. Взяла она козью шкуру и к каждому волосу привязала по одному колокольчику. Затем завернула шкуру в вату, чтобы звона колокольчиков не было слышно, вскочила на коня и поскакала за семь гор, где был Рустам.

В эту ночь Рустам, вернувшись с охоты, поужинал и лёг спать. А Бонуш привязала в укрытии своего коня, быстро вскарабкалась по канату на крышу, натянула на себя козью шкуру и стала у трубы звенеть колокольчиками. Подула в трубу – труба волком завывала. Услышал Рустам звон колокольчиков и страшный вой и удивился.

– Кто на моей крыше? – спрашивает он.

– Я, Азраил. Пришёл забрать твою душу... Давай её сюда, – кричит в трубу Бонуш.

– Дорогой Азраил, – отвечает Рустам, – много лет как я обиделся на своего отца и ушёл из дома. Прошу тебя, дай мне ещё немного жизни, чтобы я мог повидаться с семьёй и отцом. Потом можешь забрать мою душу.

– Хорошо! – кричит в трубу Бонуш. – Даю тебе время попрощаться с родными.

Пока Рустам одевался в свои доспехи, Бонуш слезла с крыши, вскочила на коня и мигом вернулась к отцу.

– Отец, Рустам сейчас будет здесь, – сказала она.

Не прошло и нескольких минут – земля и небо задрожали.

– Это Рустам скачет, – сказала Бонуш и вышла встречать брата.

Въехал Рустам во двор, слез с коня и вбежал в дом.

– Дорогой отец, прости меня! Я свою душу должен Богу отдать. Азраил приходил за ней.

– Дорогой брат, – прервала его Бонуш, – то был не Азраил, а я.

– Как?! – удивился Рустам.

– Сейчас не время рассказывать, – отвечает сестра, – лучше войди в ту комнату и послушай, о чём поёт дервиш.

Вошёл Рустам в комнату и услышал песню дервиша.

Понял Рустам, что с Бежом что-то неладное случилось, и заплакал.

– Где, где мой сын? – обратился он к собравшимся.

Рассказали отцу всё, как было. Выслушал Рустам рассказ дервиша и решил отправиться на поиски сына.

Сборы были недолгими. Бонуш, Рустам и его жена оседлали коней, наполнили едой хурджуны и тронулись в путь. По дороге к ним присоединился и муж Бонуш.

В сказках всё быстро делается, а на деле – долго. Доехали они до падишахства Эршефиёна, переночевали в караван-сарае, а утром Рустам и муж сестры отправились в горы на поиски Бежона. Сестра и жена Рустама остались в караван-сарае, чтобы к возвращению мужчин приготовить еду.

Пусть женщины готовят обед, мужчины бродят по горам в поисках Бежона, а я расскажу про бедную Менежон.

В этот день, как и всегда, Менежон вышла на дорогу, чтобы встречать чужестранцев и просить у них милостыню, и видит: в караван-сарае остановились какие-то люди.

Пришла она к караван-сарая, вся в лохмотьях и босиком, протянула руку и стала просить милостыню. Жалко стало Бонуш и матери Бежона эту нищенку. Завели они её в дом и угостили пловом и супом. Менежон съела суп, а плов завернула в свой рваный платок и, поблагодарив добрых людей, заторопилась к Бежону...

Вечером, усталые и голодные, вернулись Рустам и зять Зола. Поужинали они и легли спать. Наутро мужчины вновь отправились

на поиски Бежона. Женщины остались готовить еду. В полдень к ним опять пришла Менежон и снова попросила милостыню.

Завели они её в дом и опять угостили пловом и супом. Съела девушка суп, а плов сложила в свой рваный платок и, поблагодарив добрых людей, заторопилась к любимому Бежону.

Догадалась Бонуш, что эта девушка похожа на ту, о которой рассказывал дервиш, и ждёт, чем же всё это кончится.

На следующее утро, когда мужчины уже в который раз отправились на поиски Бежона, Менежон снова пришла за милостыней. И на этот раз перед девушкой поставили плов и суп.

Съела девушка суп, а плов сложила в свой рваный платок и собралась было уходить, но Бонуш преградила ей путь и спрашивает:

– Дочка, кому ты каждый раз носишь плов? Ведь мы угощаем тебя.

Менежон испуганно посмотрела по сторонам. Ей почудилось, что эти люди сейчас отведут её к отцу, и она заплакала. И откуда столько слёз! Каждая слеза, как орех.

– Не плачь, дочка! Мы тебя не обидим. Скажи, кому ты носишь еду.

– Я Бежону ношу, – сквозь слёзы говорит девушка.

Услышав имя Бежона, Бонуш и мать Бежона бросились обнимать и целовать девушку.

– Ты же моя невестка! Мы услышали о тебе от дервиша и пришли сюда, – говорит мать Бежона и плачет.

Словом, как вам описать всё это! В слезах друг друга купаются...

Вскоре вернулся и Рустам. Вошёл и видит: в комнате от слёз потоп.

– Что случилось, говорите скорее! – закричал Рустам.

– К чему расспросы, лучше обними и поцелуй свою невестку! – отвечают женщины.

Обнял Рустам девушку и тоже стал плакать:

– Где сын мой? Где Бежон?

Рассказала девушка о том, как её отец издал приказ выдать дочь за того, кто пройдёт по канату, и о том, как много джигитов погибло от дурной затеи отца. Рассказала и о том, как Бежон прошёл по канату и стал её мужем, и как Эршефиён бросил её любимого в глубокую яму; и поведала как она носила ему еду все эти месяцы...

Девушка рассказывает, а женщины плачут. Всё до конца рассказала она родителям Бежона.

Девушку тут же искупали и переодели в новые платья.

– Слышишь, брат,ними со своего пальца кольцо и дай мне, – сказала Бонуш.

Снял Рустам кольцо и передал сестре. Бонуш наложила полную чашку плова, а в плов положила кольцо.

– Дочка, отнесёшь плов Бежону. Когда он будет есть, то увидит кольцо и спросит тебя: «Где ты взяла это кольцо?» А ты скажи, что за ним приехали родные и что завтра утром высвободят его из ямы.

Взяла Менежон чашку плова и пришла к яме, где вот уже много месяцев томился её любимый Бежон. Опустила она плов в яму, а сама стоит и ждёт.

Вдруг из ямы Бежон кричит:

– Менежон, откуда ты взяла это кольцо?

Девушка рассказала ему всё как есть, а вечером вернулась в караван-сарай к родителям Бежона.

На следующий день Менежон привела всех к яме, где сидел Бежон. Яма была завалена огромной глыбой. Рустам поднял одной рукой эту глыбу и забросил далеко в овраг.

– Эй, Бежон, сын мой, лови канат, – крикнул Рустам.

– Отец, я не выйду отсюда до тех пор, пока голова мужа твоей сестры не будет в этой яме, – закричал из ямы Бежон.

– О! Что ты болтаешь?! Этому не бывать! – ответил Рустам.

– Тогда тяни свой канат обратно, – закричал Бежон.

Рассердился Рустам на сына и говорит:

– Сто лет будешь сидеть в этой яме, а голову мужа моей сестры я всё равно не отрублю.

Вернулся Рустам в караван-сарай сердитый и расстроенный. А Менежон, обливаясь слезами, осталась сидеть у ямы.

– Менежон, зачем ты плачешь? Успокойся! – кричит ей снизу Бежон.

– Как же мне не плакать. Столько мук перенесла я, пока дождалась приезда твоих родителей, – говорит Менежон, – а теперь каких дней ещё дожидаться?

Жалко стало Бежону свою любимую.

– Хорошо! Если они ещё раз придут за мной, я выйду из ямы, – говорит он.

Прибежала Менежон в караван-сарай, упала на колени перед Рустамом и говорит:

– Сходите и вытащите Бежона из ямы ради меня, ради всех моих мук.

Ничего не оставалось Рустаму делать, взял он канат и отправился к яме. Вместе с ним пошли и остальные. Вытащили они Бежона, а тот подбегает к зятю Зола, выхватывает из его ножен кинжал и замахивается, чтобы отсечь ему голову.

Но Рустам успел схватить его за руку и дал сыну хорошую оплеуху.

Вмешались женщины, успокоили отца и сына, примирили их, и все вместе отправились во дворец падишаха Эршефиёна.

– Злодей, выходи на площадь, будем биться, – говорит Бежон Эршефиёну. – Кто кого: или тебе умереть, или мне.

– Да я тебя, как вошь, раздавлю, – возмутился Эршефиён.

Услышал Рустам как Эршефиён оскорбил сына и коснулся кинжала.

– Успокойся, отец, я сам с ним рассчитаюсь, – говорит Бежон и вновь обращается к Эршефиёну:

– Мужчина слов на ветер не бросает.

Не выдержал злодей Эршефиён и вышел на площадь. Начали они бороться. Бежон так сдавил Эршефиёна, что тот замертво упал на землю.

В тот же день Бежон разделался со всеми придворными Эршефиёна: связал их канатом и бросил в ту самую яму, где долгое время томился сам.

– Пусть подохнут! – сказал Бежон.

– И без твоего проклятия они подохнут, – сказали старцы города. – Их некому любить! Только любовь может сохранить человека.

Стали тут горожане просить Бежона стать их падишахом.

– Дорогие мои, – говорит Бежон, – мне надо ехать в падишахство деда. Вы лучше скажите, кого назначить падишахом.

– Кого угодно, лишь бы был справедливым, – ответили горожане.

Тогда Бежон пригласил тех гуляк, которые распивали с ним чай, и хозяина чайханы. Чайханщика назначили падишахом, а гуляк – его везирами и векилами.

– Эти люди не подведут, – сказал Бежон.

На следующее утро Бежон и все его родные попрощались с горожанами и новым падишахом и тронулась в путь: Бежон и Менежон – впереди, а остальные – сзади.

Долго ли ехали, коротко ли, доехали до того самого места, где Бежон победил дэвов. И тут Рустам говорит мужу своей сестры:

– Пусти коня в галоп и порадуй старого Зола хорошей вестью!

Узнал старый Зол о благополучном возвращении всех и велел зурначам выйти встречать победителей.

Встретил старый Зол своего внука Бежона, обнял его, расцеловал. Даже на радостях прослезился. Рассказал Бежон деду о проделках зятя; о том, как тот обманул его, Бежона, и забрал голову дэва. Выслушал дед и говорит:

– Мне не нужен такой зять. В моем роду ещё не было подлого человека.

Обрадовался Бежон, сорвал с дерева яблоко и со всей силой запустил им в зятя. Яблоко попало в спину, выскочило из груди. Зять упал и больше не встал. Увидел Рустам, что сын убил мужа сестры, обнажил свой кинжал и направился к Бежону, чтобы отрубить ему голову.

– И очень правильно сделал, туда ему и дорога, – преградив брату путь, сказала Бонуш, – это из-за него наш отец сидел на золе. Спрячь свой кинжал!

Тут Бежон подвёл к деду свою невесту-красавицу.

По душе пришлась старому Золу девушка. Приказал он ради такого торжества зарезать сорок баранов, выкатить из погребов сорок чанов вина.

Сорок дней и сорок ночей пировали гости во дворце легендарного Зола-богатыря, соблюдавшего древнейшие традиции своего народа. Много понаехало с ближних и дальних мест почётных гостей. Все радовались радостью старого Зола, поздравляли его с тем, что нашёлся внук Бежон, и с тем, что он привёл с собой такую красавицу-невесту. Зол почтительно кивал головой в знак благодарности и отвечал:

– За всю эту радость надо благодарить этого человека, – и Зол указывал на сидящего рядом с ним дервиша.

Вскоре, говорят, Зол женил дервиша на своей дочери Бонуш. И стали все жить, не зная ни горя, ни нужды. Каждый получил своё: гости пили, ели; тот, кто должен был жениться – женился; та, которая должна была выйти замуж – вышла; кто должен был радоваться – узнал радость; кто должен был получить по заслугам – получил; а кто должен был узнать эту историю – узнал.

А что же осталось мне?.. Наверное, открыть свой волшебный золотой сундук и, достав оттуда новую сказку, рассказать вам. Но при одном условии – чтобы вы запомнили и рассказали другим. Ведь сказки живут в веках и кочуют по всему лику земли, и все их любят и слушают!

Три сына старого ошира

ил, говорят, в одной южной стране в давние времена всеми почитаемый ошир. Какого только добра не было у этого богача! Был у него большой дворец с богатыми кладовыми, глубокими подвалами и множеством слуг. В подвалах хранились кованые сундуки полные золота и серебра. Огромный сад с плодовыми деревьями и всевозможными кустарниками. Диковинные птицы пением и трелями наполняли этот сад! Его дворец украшали пурпурные, благоухающие всеми пряностями мира розы, мраморные бассейны и фонтаны. Да что там говорить, если кому-нибудь случалось побывать во дворце этого богача и полакомиться плодами его сада или просто подышать воздухом в этом саду, то до смерти невозможно было забыть этот счастливый миг. Кто хоть раз в своей жизни побывал во дворце этого ошира, тот постоянно помышлял хотя бы ещё раз побывать там.

Была у этого богача и красивая жена, которую он очень любил, да и она его любила безмерно. Как говорится, живи себе и довольствуйся тем, что Богом дано. Но нет, ни богатства, ни сказочный

сад, ни красивая жена не радовали глаза и сердце богача. Белый свет был ему не мил – и всё из-за того, что не было у него детей.

Богач понимал это и потому был до глубины души встревожен и опечален.

«Я ещё молод, но стану же я старым, беспомощным, – постоянно думал он, – чьё сердце будет болеть обо мне? Кому останется всё мое богатство?».

От таких мыслей день для богача делался ночью, а ночь – могилой.

Иногда, говорят, он помышлял привести в дом вторую жену, дабы иметь ребёнка, но совесть и чувства, которые он питал к своей красавице-жене, да к тому же законы его религии не позволяли ему решиться на такой недостойный шаг. Он отгонял от себя дурные мысли и продолжал верить и надеяться, что жена ещё родит ему ребёнка, ибо знал: вера, надежда, любовь – эти три основы жизни – должны являть себя в своей правде.

Но шли годы, и ничего не менялось в жизни богача. Тогда он решил призвать на помощь знахарей и мудрецов в надежде, что они хоть как-то смогут помочь беде. Как не старались, чего только не советовали знахари и мудрецы, но всё это оставалось на словах и никаких результатов не давало. И обратился тогда богач ко всем жителям своего города с такими словами: «Тому человеку, который поможет избавить от бесплодия жену мою и сделать так, чтобы она стала матерью, а я отцом, – тому я дам из моей казны всё, что пожелает».

Из уст в уста, из уха в ухо передавались эти слова. И каждый старался помочь бездетному богачу, посоветовать ему всё то, что они знали или слышали на этот счёт. Двери его ворот не знали покоя – так много было людей желающих помочь, а ещё больше было желающих пройти по благоухающему сказочному саду.

Люди приходили и уходили, а у жены богача всё оставалось без изменений. А между тем время неустанно двигалось, проглатывая дни и недели, и тем самым старя всеми почитаемого бездетного богача и его бесплодную жену.

И вот в один из дней обращение богача к людям, тщетно пройдя по городу и его окрестностям, докатилось до другого города,

где жили странствующие купцы. И решили купцы помочь непоправимому горю бездетного богача и его жены.

– Наш путь, так или иначе, мимо его города проходит, – сказал один из них, – заедем в город и угостим его жену яблоками, которые росли в садах Эдема. Кто знает, может она и родит... Ведь были же случаи, когда бесплодные вкушали эти плоды и рожали.

Вскоре купцы отправились в дорогу; от восхода и до самого захода они были в пути и наконец добрались до стен города, где жил бездетный богач. Постучались они в один из домов, что находился на окраине города, и стали ждать. На стук вышла хозяйка дома. И когда она открыла ворота, купцы увидели перед собой сгорбленную старушку, которая поначалу испугалась незнакомых людей, но, распознав в них странствующих купцов, успокоилась.

– Добрый вечер! – сказали купцы.

– Вечер добрый! – ответила старушка. – Что вам нужно?

– Гостей принимаешь? – спросил один из купцов.

– К врагам пусть в дом не приходят гости, – ответила хозяйка. – Заходите!

Вошли купцы в дом, расположились кто где мог и не знают с чего начать свой разговор. А хозяйка между тем раздула очаг и выложила на стол всё, что у неё было, чтобы накормить гостей.

Когда всё было съедено, и хозяйка стала убирать со стола, гости спросили у неё о новостях в городе.

– Слава Богу, всё хорошо, все живы, здоровы, – ответила старушка. – Правда, есть одна новость. У местного богача есть всё, что глаза человека пожелают, а вот ребёнка нет. Жена не рожает. И вот этот богач обратился с просьбой: кто поможет его бесплодной жене стать матерью, а ему отцом, тому – всё, что пожелает, из своей казны отдаст. Много разных знахарей и мудрецов приходило с советами, но от этих советов жена богача не стала матерью... Вот какие дела, дети мои, – сказала старушка с горечью.

Купцы переглянулись.

– Ну а ты ходила с советом к богачу? – спросили купцы.

– Нет, не ходила. Что я могу им, несчастным, посоветовать, – отве-

тила старушка. – Я никаких заклинаний не знаю. Если бы знала, то сама не осталась бы на старости лет одна.

Посоветовались купцы и решили отдать яблоки, которые они принесли, доброй старушке с тем, чтобы богач вознаградил её.

– Мы дадим тебе три яблока из садов Эдема, а ты отнеси эти яблоки и отдай жене богача. Пусть она каждый день по одному яблоку чистит и ест, а кожуру отдаст кобылице. Через девять месяцев, девять дней, девять часов и девять минут у неё родится ребёнок, а у кобылицы – жеребёнок, – сказали купцы старушке.

В эту ночь до самого рассвета старушка от радости не смогла сомкнуть глаз. А утром чуть свет она проводила своих гостей в путь, пожелав им, как подобает, доброго пути, и заспешила во дворец богача. Постучалась она в кованые ворота и стала ждать.

Удивились гаравоши, кто бы это мог в такую рань стучаться. Открыли ворота и видят: перед ними стоит сгорбленная старушка с узелком в руке.

– Мне нужно богача видеть, – говорит старушка и тут же добавляет. – А жена его дома?

Догадались гаравоши в чем тут дело и мигом доложили служанке, а та – своему хозяину.

– Пусть войдёт! – приказал ошир.

Провели старушку к богачу. Вошла она. Как посмотрела на расписные ковры и вазы, которые украшали дом хозяина, да так и забыла, зачем пришла. Стоит и молчит, будто лишилась языка.

– Говори, с чем пришла? – спросил богач.

– Мне твое здоровье и благополучие нужно, – вдруг заговорила старуха и развязала узелок. – Я для твоей жены лекарство принесла... Вот возьми эти три яблока и отдай жене. Пусть она каждый день по одному яблоку чистит и ест, а кожуру отдаст кобылице. Через девять месяцев, девять дней, девять часов, девять минут, у неё родится ребёнок, а у кобылицы – жеребёнок.

Обрадовался богач приходу старушки, усадил её в золотое кресло, угостил вкусными яствами и спрашивает:

– А есть ли правда в том, что ты говоришь?

– Почтенный человек, плюнь мне в лицо, если вру. Ведь эти яблоки из сада Эдема странствующими купцами привезены и мне дарованы, – сказала старушка.

Поверил богач старушке, взял яблоки, а ей в подол насыпал много золотых монет и сказал:

– Если твои заверения сбудутся, то я дам тебе из моей казны всё, что пожелаешь.

Поблагодарили они друг друга, и старушка ушла.

Отдал богач жене все три яблока, разъяснил ей, что она должна делать с ними, и стал молить Всевышнего об исполнении их желания.

Прошло время, и точно в срок у них родился сын.

Ожеребилась и кобылица, которой жена богача отдавала кожуру от яблок.

Обрадовался богач и приказал устроить пир для всего города.

– Режьте баранов, доставайте вина! Приглашайте гостей! Зовите музыкантов!.. Пусть все приходят разделить со мной радость! – кричал богач с балкона. Вскоре все узнали о радости уважаемого ошира.

Стали люди сходиться. Ни одного человека, даже детей, не осталось в городе, кто бы не пришёл. Все приняли участие в этом пиршестве. А за старушкой счастливый отец послал золотую карету.

Семь дней и семь ночей не смолкала музыка во дворце безмерно счастливого богача.

На восьмой день богач пригласил старушку в свою сокровищницу и говорит:

– Всё, что пожелаешь, бери... Ты осчастливила меня.

Разбежались глаза у бедной старушки, не верится ей, что она может брать всё, что пожелает. Долго стояла она в растерянности, но наконец наполнила свой подол золотыми монетами, отбила поклонны щедрому богачу и ушла. Дорогой ей встретилась бедная, многодетная семья. Жалость и сострадание охватили старушку, и она не сдержалась, чтобы не отсыпать часть своих золотых монет со словами: «У дающего бери, просящему – дай!»

Шли дни, недели, месяцы, богач ещё крепче полюбил свою красавицу-жену. А спустя три года жена родила ему второго сына. В эти же дни ожеребилась и кобылица. Отметил богач пиршеством и эту свою радость. Все плясали и пели, пили и ели, шутки шутили и всевозможные были и небылицы рассказывали, прошлые времена вспоминали.

Спустя несколько лет жена богача родила третьего сына, ожеребилась и кобылица. Если тогда во дворце богача семь дней и семь ночей не смолкала музыка, то на сей раз, все сорок дней и сорок ночей без устали играли музыканты. Все радовались и веселились, а больше всех сам богач – счастливый отец уже троих сыновей.

Много лет прошло с того дня, как отпраздновал богач появление в своем доме третьего сына. Состарился, сгорбился за эти годы богач, от его гордой осанки ничего не осталось. Теперь он ходил с палочкой, с трудом переставляя ноги. Он знал, что всё на свете не вечно. Но пока глаза его ещё видят, а язык говорит, решил старый богач позаботиться о своих сыновьях: построить им большой дом под одной крышей, где для каждого из трёх сыновей будут отведены одинаковые покои.

Как решил старый отец, так и сделал. Построили мастера прекрасный дом под одной крышей и пришли доложить своему хозяину. Осмотрел старый отец построенный дом и велел принести для каждого из сыновей одинаковые ковры и сундуки, и прочими дорогими вещами дом украсить. По душе пришлось богачу всё, что сделали мастера.

– Это в дар сыновьям, в память обо мне, – сказал он.

Через несколько дней велел богач для каждого сына сшить по одинаковому наряду, чтобы одна нитка была золотая, а другая серебряная. И ещё заказал он сделать три красивые сбруи для коней. А потом повелел богач кузнецам выковать три сабли, чтобы все три были одинаковые, из самой крепкой стали и из золота.

Когда всё было готово, богач отправился в новый дом своих сыновей и оставил каждому из них сбрую, саблю и наряды. После этого он облегчённо вздохнул и вернулся к себе.

На следующий день богач позвал слуг и сказал им:

– На сей раз я позвал вас, чтобы вы в моем дворе вырыли огромную яму, обложили эту яму горным камнем, а на пол постелили дубовые доски. В эту яму нужно спустить трёх скакунов, которых принесла кобылица, съевшая кожуру яблок. Проведите в эту яму желоба, по которым бы могли давать корм и воду скакунам. А потом завалите яму скалой.

– Всё будет сделано по твоему приказу, – сказали слуги.

За сорок дней слуги вырыли огромную яму и сделали всё как велел хозяин.

Шли годы. И вот в один из дней богач сильно заболел и слёг в постель, он чувствовал, что ему больше не встать. И позвал он тогда к себе жену и говорит:

– Я знаю, что скоро умру и всё, что есть у меня, останется моим сыновьям. Они уже большие, и я верю, что они тебя в обиду не дадут, да и моему имени не дадут на землю упасть, ведь они сыновья такого уважаемого всеми богача, как я! И вот прошу тебя, дорогая, когда сыновья возмужают, ты покажи им дом, который я выстроил для них, а также место, где спрятаны три скакуна и скажи: «Это подарок вам от отца. А там поступайте, как знаете».

– Я всё исполню так, как ты наказываешь, – сказала жена.

Вскоре ошир умер. Много народу пришло попрощаться с умершим. Женщины плакали, причитали, восхваляя покойника. Близким желали здоровья и терпенья. Осталась жена покойного богача вместе с тремя сыновьями в печали, не зная, как ей жить дальше, что делать, как воспитывать детей.

Но в один из дней жена покойного богача говорит сама себе:

– Если в море вода перестанет прибывать, то и море высохнет. А если сидеть ничего не делая, да и слуг кормить, одевать, обувать, то так можно и всю казну разбазарить.

На следующий день жена покойного богача распустила слуг, а сама стала наниматься к другим местным богачам делать всякую работу: то бельё стирает, то воды принесёт, то двор или покои подметёт. А на деньги, которые ей платили за труд, кормила себя и троих своих сыновей.

У людей глаза есть. Видели всё это горожане и стали между собой поговаривать.

– Как только ей не стыдно стирать грязные чужие тряпки, – говорили одни.

– Неужели она нуждается в этом? Ведь от мужа у неё большая казна осталась... Честь покойного мужа позорит, – говорили другие.

– Да чтобы ей, дурочке, золу на голову сыпать, – возмущались третьи, – совсем за детьми перестала смотреть... Целыми днями по улицам бегают... Не было детей – плакала, а родились – ценить не стала... Бедные дети!..

Брань эта осталась с теми, кто её произносил, а жена покойного богача каждый день ходила на подённую работу и на заработанные гроши себя и детей кормила.

В один из дней жена покойного богача, как и всегда, была на работе, а дети на улице играли в джай с другими детьми. По улице, от источника, с кувшинами на спине, проходили женщины. Увидели они чумазых и оборванных детей покойного богача и разговорились.

– Бедные дети, совсем без присмотра остались, а матери за стиркой чужих тряпок всё некогда, – сказала одна из женщин.

– Разве она нуждается в этом. От мужа большая казна осталась, – сказала другая женщина.

– Какой был человек! Каким почётом и уважением пользовался! – с сожалением сказала третья.

Разговор двоих ветер до третьего донесёт. Так случилось и на сей раз. Разговор женщин ветер донёс до младшего сына покойного ошира.

«Значит, наша мать от нас всё скрывает! – подумал мальчик. – Она честь моего отца о землю бьёт!»

И решил он тут же поговорить с матерью. Оставил он игру в джай и, ничего не сказав братьям, отправился на поиски матери и, найдя, так и прикусил палец от стыда и позора: мать жёлтой глиной мазала стены у одного богача. Предстал мальчик перед матерью и говорит:

– Мама, я есть хочу, пойдём домой!

– Сходи домой и поешь. Я что с собой, что ли еду таскаю, – ответила мать, разводя испачканными глиной руками.

– Нет, я без тебя и шага не ступлю, – сказал мальчик и затопал ногами.

– Ну и не надо, – сердито ответила мать.

Разозлился мальчик на слова матери, набрал камней и стал бросать в стену, которую обмазывала мать. Увидела это хозяйка дома, у которой работала женщина, и стала стыдить мальчика.

– Пусть сейчас же мать идёт домой! – заупрямился младший сын покойного богача.

Ничего не оставалось делать матери. Вымыла она руки, и они отправились домой.

Когда они вошли в дом, мальчик снова обратился к матери:

– Я хочу есть. Испеки мне сейчас же чурек. Если не испечёшь, то я всё, что есть в доме, побросаю на пол.

Удивилась несчастная женщина такому поведению сына, стало ей до слёз обидно, но она сдержала себя и покорно растопила тонур. Затем принесла муки, замесила тесто и принялась на доске его раскатывать лаваша. А когда мать стала закладывать лепёшки в тонур, сын подошёл близко к огню и говорит:

– Скажи правду, что осталось нам от отца в наследство. Если не станешь говорить, то я сожгу в огне свои руки.

Мать стала кричать и осыпать сына проклятьями, то просила Бога, чтобы он вразумил сына, то желала ему, чтобы он исчез в седьмом подземелье, но юноша не слушал её и ещё дальше просовывал руки в огонь, и требовал говорить правду.

– А ну посмотри мне в глаза, – вдруг сказала мать.

Они посмотрели друг другу в глаза: сын со злобой, а мать – с радостью, что сын её стал взрослым.

– Пусть будет по-твоему, скажу всю правду, – сказала она. – Быстрее убери руки и зови сюда своих братьев. Пусть и они слышат.

Позвал младший сын своих братьев, и мать стала рассказывать:

– От отца вашего осталось вам большое богатство, но он наказывал мне, чтобы я вам ничего не говорила до тех пор, пока вы не подрастёте. Но вижу, вы теперь ни за что от меня не отстанете... Идите за мной... Я покажу вам наследство вашего отца.

Все трое сыновей последовали за матерью. Привела их мать к яме, где вот уже много лет находились трое скакунов.

– Сдвиньте эту скалу, – сказала мать.

Сдвинули братья скалу и увидели спрятанных в яме трёх великолепных скакунов: шерсть на них под солнцем лоснилась, да так, что слепила глаза смотрящих.

– Каждому по одному, – сказала мать. – А теперь идёте дальше.

Направились они к дому, который покойный отец построил в наследство своим сыновьям. Идут они – мать впереди, а дети – сзади; идут, спешат братья, друг друга обгоняют: не терпится им скорее узнать, куда их мать ведёт.

Наконец провела она их через двойное ограждение, подвела к красивому дому с балконами, построенному из золота и серебра, и, протягивая сыновьям ключи, сказала:

– Под одной крышей будете жить. Такова воля отца была.

– Этот дом нам?! – удивились сыновья. – А мы все эти годы думали, что это чужой дом, как-никак за оградой стоит.

– Это ваш дом, дети мои, – со слезами радости на глазах произнесла мать.

Когда братья, открыв двери, вошли в свои покои, так пальцы и прикусили от увиденного. Таких ковров и ваз им ещё не приходилось видеть. У стен стояли кровати, и над каждой, на ковре, висело по золотой сабле и по богатому наряду, сотканному из золотых и серебряных нитей. А в самых дальних комнатах братья увидели сбрую для скакунов и оружие. Здесь же стояли три кованых сундука, в которых хранились золотые монеты и драгоценные камни.

Показала им мать всё и говорит:

– Покойный отец, да будет ему земля пухом, а небо – раем, умирая, наказывал мне передать вам всё это и сказать: «Это подарок вам от отца. А теперь поступайте как знаете»... Вот так-то, дети мои.

Когда младший сын увидал всё это, то не сдержался, чтобы не упрекнуть свою мать.

– Как же ты при таком наследстве могла заниматься подёнщиной и мыть чужую грязь? Или ты хотела честь нашего отца позорить?

– Если в море вода перестанет прибывать, то и море высохнет. А если сидеть ничего не делая, да и слуг кормить, одевать, обувать, то можно было бы и всю казну разбазарить, – ответила мать.

Услышав такое объяснение, обняли дети свою мать, к груди прижали и наказали ей не заниматься больше подёнщиной.

– Мы уже, как видишь, не маленькие, – сказали они.

– Увидели бы глаза отца вас такими, от радости жил бы он ещё долго – всплакнула мать.

Вскоре братья вывели скакунов из ямы, оседлали их, оделись в свои одинаковые, дорогие наряды, привязали к поясным ремням золотые сабли, вскочили на своих резвых коней и выехали за дворцовые ворота.

Едут они по улицам своего города – важные, красивые – один другого красивей! – в дорогих нарядах, ну просто загляденье! – а под ними как говорится, «не конь, а огонь», так и гарцуют, будто не по земле, а по воздуху несутся, да так, что шёлковые гривы ветер развеивает.

– Чьи это юноши? Откуда они, такие красавцы? – спрашивали горожане друг друга.

– Наверное, из какого-нибудь падишахства, – говорили они.

Едут братья, слегка похлёстывая своих скакунов, а городские дети то и дело забегают вперёд, радуются, видя такое зрелище.

И так объехали сыновья покойного богача все улицы города, а к вечеру, радостные и довольные, вернулись домой. Отвели они своих скакунов на место, переоделись в обычную одежду и пришли к матери. Нужно сказать, что, пока сыновья объезжали город, мать приготовила бараний плов, достала из подвалов многолетние вина и пригласила детей к столу.

Обрадовались братья, увидев приготовленное матерью кушанье. Первый раз после смерти мужа накрыла она богатый стол.

– Ну, дети, садитесь, пока не остыло, – сказала она.

Долго сидели в этот вечер мать и три сына за столом. Они ели вкусный плов, пили ароматные вина, шутили, загадывали друг другу загадки, рассказывали небылицы. А мать смотрела на всё это и от радости готова была расплакаться.

На следующий вечер мать снова собрала детей за стол на вкусное кушанье. Как и вчера, братья ели, пили, шутили, вспоминали добром покойного отца, и тут мать сказала:

– Дети мои, вот вам три железных прутика. Кто из вас согнёт их все вместе?

Братья удивились затее матери. К чему бы это она?

– Давай я согну, – предложил старший сын. Взял он из рук матери все три железных прутика и стал гнуть. Как не старался, но так и не смог их согнуть. И наконец, убедившись в бессмысленности своих стараний, передал прутья среднему брату, но тот тоже не смог согнуть.

– Попробуй-ка ты, – сказал средний брат младшему.

Взял младший брат прутья и тоже стал гнуть. Долго напрягал он свои силы, и всё же слегка согнул.

– Ещё, ещё, – радостно просила мать.

– Больше не могу, – признался младший сын и бросил прутья на пол.

Сыновья посмотрели на мать и стали просить её сказать причину этой затеи.

– А теперь возьмите по одному пруту и попробуйте согнуть, – не отвечая на просьбы сыновей, сказала она.

Взяли братья по одному пруту и с лёгкостью согнули.

Догадались дети, к чему задала им мать эту загадку, и пообещали ей, что все трое братьев всегда будут вместе.

– Будете вместе дружны, вас никто не сможет одолеть, как и вы не смогли согнуть три вместе соединённых прута, – пояснила мать и добавила: – Где дружба в цене, там всегда победа.

В этот вечер братья принесли в свой новый дом сшитый из коровьей шкуры бурдюк, наполнили его коровьей кровью и молоком, повесили под потолком в коридоре и договорились между собой: если одному из братьев придётся отлучиться из дома и его где-то постигнет беда, то из бурдюка будет капать кровь. Если же всё будет хорошо, то из бурдюка будет капать молоко. Но если из бурдюка начнёт течь кровь, то каждый из братьев должен немедленно спешить на выручку попавшему в беду.

Шли дни, недели, месяцы. Братья жили в дружбе и согласии, да и хозяйство, оставшееся им в наследство от отца, вели умело и прибыльно, чем приумножили добрую молву о себе по всему городу и честь покойного отца не предавали забвению.

Всё было бы хорошо. Но однажды старший брат решил отправиться в странствие, посмотреть как живут люди в других краях. Надел он свой дорогой наряд, оседлал своего скакуна, привязал к поясному ремню золотую саблю и, попрощавшись с матерью и братьями, ускакал, сказав, что через неделю будет дома.

Прошла неделя, а старший брат не возвращается. Прошла ещё неделя, и вдруг братья видят: из бурдюка капает кровь.

– С нашим братом что-то случилось, – встревожился средний брат. – Я поеду к нему, узнаю в чём дело.

Оделся средний брат в свой дорогой наряд, оседлал своего скакуна, привязал к поясному ремню свою золотую саблю, попрощался с загрустившей матерью, а младшему брату сказал:

– Поглядывай на бурдюк!

Прошла неделя с того дня, как уехал средний брат, а мать и младший сын всё поглядывают на бурдюк. А из бурдюка по-прежнему кровь капает: значит, средний брат ещё в пути или не может отыскать старшего брата. К концу второй недели младший брат увидел, что из бурдюка кровь уже не капает, а течёт.

– Мои братья в беде! – воскликнул младший брат. – Я должен спешить на помощь.

Оделся младший брат в свой дорогой наряд, опоясался своим золотым поясом, повесил к поясу золотую саблю, вскочил на своего огненного скакуна и, обращаясь к матери, сказал:

– Живыми или мёртвыми привезу братьев домой.

Расплакалась мать, прощаясь с младшим сыном, и дала ему в дорогу амулет.

– Возьми с собой этот амулет. Он сохранит тебя... Ну а теперь поезжай. Да поможет тебе Бог! – сказала она.

Хлестнул младший брат своего скакуна, и конь мигом рванул с места, да так, что пыль столбом поднялась.

Долго скакал юноша и наконец доскакал до развилки дорог. Остановился он и думает: «По какой же дороге поехали мои братья?»

Почуял конь, что его хозяин скачет на выручку братьев, а значит, и коней, на которых они ускакали, и помчался в сторону восхода солнца.

Три дня и три ночи не сходил юноша со своего скакуна. Днём дорогу ему освещало солнце, а ночью, как факелы, горели глаза коня. На четвёртый день к полудню доскакал юноша до одной зелёной равнины, в конце которой виднелись пышные сады. А за садами возвышались зубцы крепости и башни городских стен, вздымавшиеся к небу. На пути к этой крепости стали попадаться люди, одетые в траурные одеяния. Даже дети, погонявшие ослов, и те были одеты в чёрное.

– Что бы это всё значило? – встревожился всадник и скорее погнал коня к крепости. – Будь что будет! – решил он.

Когда юноша подъехал к воротам, ему встретилась пожилая женщина с кувшином на плечах. Она была одета, как и другие встречные, в траурное одеяние.

– Почтенная, прости меня, – обратился юноша к ней. – Почему все люди, которые мне встречались вблизи этой крепости, ходят в трауре?

Подняла женщина на всадника глаза, опустила наземь кувшин и сказала:

– О, сынок, и не спрашивай. У нашего падишаха есть одна-единственная дочь, которую он очень любит. И вот уже скоро год как она заболела, и никто её не может излечить. Какие только траты не делал отец – всё напрасно. Дочь с каждым днём сохнет и сохнет. Лекари говорят, что если её не напоить молоком серны, то она умрёт.

– Почему же не дадут ей молока серны? – удивился юноша.

– О, добрый юноша, не так-то легко достать это молоко, – ответила женщина, – говорят, что в каком-то падишахстве живёт один пастух и у него в стаде есть единственная серна, молоко которой и может излечить дочь падишаха.

– Почему же не послать кого-нибудь к этому пастуху? – спросил юноша.

– О, это не так просто. На пути к падишахству есть горы, а в горах обитают три злых аждага. Много юношей отправлялось туда, и ни один не вернулся. Как говорится: туда пошли – назад не пришли.

Не стал юноша больше ни о чём расспрашивать, хлестнул он коня своего и мигом очутился в городе-крепости, где жил отец больной девушки. Едет он по городу – не город, а сказочный рай. Дворцы и каменные дома, сады и цветники, бассейны и фонтаны – всё пора- жало взор приехавшего сюда впервые. Вскоре юноша подъехал к падишахскому дворцу, постучал в расписные ворота. На стук ответил привратник.

– Доложи падишаху, что его хочет видеть странник, – сказал младший сын покойного богача.

Обрадовался падишах, услышав слова привратника. «Наверное, молоко серны привезли!» – подумал он и бегом помчался к воротам. Открыл ворота и видит: перед ним на коне сидит юноша необыкно- венной красоты. Если у человека два глаза, то ещё нужно два, чтобы смотреть на него! Одежда на нём золотом блестит! А конь под ним будто на иголках, то и дело цокает копытами, гарцует!

– С чем приехал, юноша? – спросил падишах и первым привет- ствовал его поклоном.

Соскочил младший сын ошира с коня и, ответив на приветствие поклоном, сказал:

– Приехал помочь твоему горю.

Провёл падишах доброго юношу в свои расписные, богатые покои. Приказал слугам накрыть в честь гостя стол.

– Почтенный падишах, благодарю за гостеприимство, но я не при- коснусь к угощениям, пока не помогу твоему горю... Ты лучше расска- жи, куда мне скакать, чтобы достать для твоей дочери молоко серны?

Вздыхнул падишах и говорит:

– Что же тебе, дорогой, рассказать?.. Много добрых и смелых юношей обещали помочь моему горю. Вот уже скоро год, а обеща- ния тех джигитов не исполняются.

Жалко стало юноше несчастного отца больной девушки, и он сказал:

– Почтеннейший падишах, да продлятся дни твои в добре и

радости, я поскачу туда, несмотря ни на какие трудности, и достану для твоей дочери молоко серны.

Посмотрел падишах в глаза юноше, жалко стало ему посылать его на явную гибель, и он сказал:

– Если бы можно было достать молоко серны, то хотя бы один из сорока юношей, которые отправились за этим самым молоком, вернулись бы... Ты лучше возвращайся домой.

– Нет, ты должен рассказать мне куда ехать, – настаивал юноша.

Ничего не оставалось делать падишаху. И он рассказал о том, что неподалёку от крепости Чиме-Чина высятся неприступные горы, в этих горах живут три аждага. У первой горы – одноголовый аждага, у второй – двухголовый, а у третьей – трёхголовый. Если пройти за четвёртую гору, то там живёт пастух, а у этого пастуха, говорят, в стаде есть одна серна. Молоко этой серны и нужно моей дочери. Если моя дочь выпьет это молоко, то будет жить, – а если нет, то умрет.

Ничего больше не сказал юноша падишаху. Пожал ему крепко руку, отбил поклон и, вскочив на своего скакуна, выехал за ворота.

– Худо хармах ту! – сказал вслед падишах.

У храбрецов нет слов, у них – дела.

Много аулов и городов проскакал юноша. Семь дней и семь ночей находился он в пути. Семь рек и семь лесов прошёл, на семи дорогах побывал и, наконец, достиг огромной пустыни, где ни одной травинки не росло. Там, где кончалась пустыня, начинались горы. Вот туда-то и направил юноша своего коня. Скачет конь по раскалённой пустыне и от боли ржёт: больно ему ступать – копыта плавятся. Да и всаднику не легко. Сверху солнце голову печёт, да так сильно, что голова кругом идёт, а снизу раскалённый песок жаром дышит.

Кто храбр – любые трудности преодолеет.

Три дня и три ночи скакал юноша по пустыне, а на четвёртый день вдруг поднялся сильный ветер, такой сильный, что глаза не видят, рот не дышит, уши гложут, впору лечь и умереть. Но как бы то ни было подъехал юноша к подножию горы и видит: сидит на вершине одноголовый аждага, а изо рта у него клубами вихри несутся, да так сильно, что камни с горы катятся, а коня, как соломинку, сносит назад.

Хлестнул юноша своего скакуна три раза. Хлестнул он первый раз – искры посыпались, а конь оторвался от земли. Хлестнул второй раз – огонь высек, а конь в небеса поднялся, выше той горы, на которой сидел одноголовый аждага. Хлестнул он коня в третий раз, да так сильно, что всё небо запылало, а конь камнем стал падать вниз к тому самому месту, где сидел и исторгал вихри одноголовый аждага.

Когда же конь приблизился к аждага, юноша обнажил свою золотую саблю и ослепил злодею глаза. Закрыв аждага глазищи своими ручищами, а юноша не растерялся и с размаху отсек ему голову. Покатилась голова чудовища вниз по одну сторону горы, а юноша поскакал вниз по другую сторону. Спустился он к подножию горы, а тут непролазное топь-болото начинается. Хотел было юноша пустить коня своего через болото, но не решился – болото вмиг могло засосать и коня его, и самого юношу.

Как быть? Как проехать это топь-болото?

Перед каждым новым делом отдых нужен, чтобы снова за дело браться. Решил отдохнуть и юноша. Стал он коня загонять в расщелину горы – ведь дело близилось к ночи, да и небо уже звёзды свои поразвесило, – а конь сопротивляется, не хочет в расщелину лезть: ржёт, копытами стучит. Рассердился юноша на коня своего и, взяв его под уздцы, стал силой тянуть к расщелине. Но не тут-то было. Упрямится конь и ещё сильнее ржёт да копытами стучит. Чувал верный конь, что в расщелине находится душа убитого аждага, превратившаяся в огромную трёхголовую змею. В любую минуту могла эта змея ужалить их и отомстить за то, что убили одноголового аждага. Но юноша, ничего не подозревая, продолжал всё настойчивее загонять своего скакуна в расщелину. Но все его усилия были напрасны: конь ни в какую не подчинялся воле хозяина, назад пятился да удила грыз.

Наконец устал юноша возиться со своим скакуном. Оставил он его, а сам вошёл в расщелину скалы и лёг спать. Верно говорится: чем усталость сильнее, тем и сон крепче. Так случилось и с младшим сыном покойного богача. Едва успел он прилечь на камень, как тут же уснул крепким богатырским сном. Только конь его остался

верен своему чутью. Встал он у входа в расщелину и глаз не отводит от спящего хозяина. Чуюл конь, что в любую минуту могла коварная трёхголовая змея ужалить джигита смертельным ядом. Оно так бы и случилось, если бы не чутьё коня. Вдруг слышит конь в глубине расщелины какой-то шорох. Это ползла огромная трёхголовая змея. Вот уже расстояние в три тела змеи их разделяет, а юноша все спит и опасности не чувствует. А змея уже совсем приблизилась, жало своё обнажила, вот-вот ужалит.

Как увидел это конь, заржал в четверть силы, копытами по скале ударил, да так сильно, что кусок от скалы отлетел, а юноша спит и ничего не слышит. Заржал тогда конь вполсилы и сильнее ударил по скале – глухой и тот бы проснулся, а юноша только с боку на бок перевернулся – и всё тут. А змея уже у самого лица юноши жалом водит. Заржал тогда конь во всю свою мощь, ударил копытом по скале, искры высек. Упали искры на спящего юношу, а он только почесался. Заржал тогда конь в четвертый раз, да так сильно, что мёртвый и тот бы вскочил. Но как же быть живому? Открыл юноша глаза и видит прямо перед собой трёхголовую змею, которая ужалить его хочет. Не стал юноша мешкать, тут же вскочил на ноги и обнажил свою золотую саблю. Как увидела коварная змея ослепительный блеск сабли, тут же от боли в глазах отвернулась и стала убегать. Но не тут-то было: догнал юноша злодейку, отсёк ей сразу все три головы, распорол змее живот, а оттуда – о чудо! – выехали на своих скакунах оба его брата. Обрадовался младший сын покойного богача, увидев своих братьев и их скакунов живыми и невредимыми, бросился их обнимать. А верный конь его, узнав своих братьев-коней, заплясал от радости.

– Как же эта змея вас живыми проглотить сумела? – спросил, наконец, младший брат.

– Она сначала ужалила нас и усыпила, а как проглотила, мы и не знаем, – ответили братья.

– Здесь какая-то древняя тайна, – сказал младший брат и продолжил: – Ну ладно, радости радостями, а начатое дело до конца доводить надо. Ждите меня здесь, отдохайте, сил набирайтесь. Если же я попаду в беду, не мешкая, спешите мне на помощь.

Сел младший брат на своего верного скакуна и поскакал через болото ко второй горе, где жил двухголовый аждага. Долго ли скакал юноша, нет ли, вяз ли конь его в топь-болоте или поверху нёсся, но наконец доскакал он до подножия второй горы. И вдруг – надо же такому случиться – почуял двухголовый аждага, что к горе человек приближается, и стал грязью плевать. Плюнул один раз куском грязи – юноше в лицо угодил и глаза залепил. Плюнул во второй раз – коню ноги залепил. Плюнул в третий раз – по самое брюхо конь увяз, да так, что с места сдвинуться не может.

Понял юноша, что медлить нельзя. Каждая минута может смертью стать. Хлестнул он три раза коня своего. В первый раз хлестнул – искры посыпались, а конь оторвался от земли. Во второй раз хлестнул – огонь высек, а конь в небеса, выше той горы, на которой сидел двухголовый аждага, взвился. Хлестнул юноша в третий раз – всё небо запылало, а конь камнем начал падать вниз к тому самому месту, где сидел и плевался грязью двухголовый аждага. Когда конь приблизился к чудовищу, юноша обнажил свою золотую саблю и ослепил ему глаза. Глазам аждага больно стало, прикрыл он тогда их ручищами, а юноша немедля отсёк ему сначала одну голову, а затем и вторую. Скатились головы вниз в одну сторону горы, а юноша, даже не отдохнув, поскакал к третьей горе, где жил самый страшный злодей – трёхголовый аждага. На пути к этой горе лежала до травинки выжженная долина. Земля на ней дымилась и дымом своим выедала глаза и коню, и всаднику, душила горло.

Долго ли скакал юноша через сожжённую местность или недолго, но, наконец, конь довёз своего хозяина к подножию третьей горы. Увидел трёхголовый аждага, что к его горе подъехал человек, и стал испускать из ноздрей мощное пламя. Испустил первый раз – на склоне горы лес загорелся: не пройти, не проехать. Испустил второй раз – скалы стали плавиться и клочкотать.

Не стал юноша ждать, пока злодей испустит огонь третий раз. Хлестнул он своего коня – искры высек, а конь оторвался от земли. Хлестнул во второй раз – огонь высек, а конь в небеса, выше той горы, на которой сидел трёхголовый аждага, взвился. Хлестнул

юноша коня своего в третий раз – всё небо огнём запылало, а конь камнем стал падать вниз к тому самому месту, где сидел и выпускал пламя трёхголовый аждага.

Как увидел трёхголовый аждага прямо на него летящего огненно-го коня с всадником на спине, дыхнул он огнём сразу из трёх пастей и опалил смелого скакуна. Почуяли кони старших братьев запах горящего конского волоса и стали ржать, грызть удила, копытами стучать. Догадались старшие братья, что их младшего брата постигла беда.

– Младший брат в беде. Надо торопиться, – сказал средний брат старшему.

Вскочили они на своих верных скакунов, и кони мигом доставили их к нужному месту.

Сабля в руках одного – это полпобеды, а сабли в руках троих – это полная победа.

Так случилось и с братьями. Вовремя подроспели они на помощь младшему брату. Не успел трёхголовый аждага снова опалить огнём младшего брата, как не то с неба, не то из-под земли на все три его головы обрушились удары. Младший брат своей золотой саблей отсёк противнику одну голову. Из горла аждага хлынула кровь и стала заливать и тушить охваченный огнём лес. Ударил средний брат – отсёк злодею вторую голову. И полилась кровь на расплавленные скалы. Ударил старший брат своей золотой саблей и отсёк аждага его последнюю, третью голову. Хлынула из горла кровь, обрызгала опалённого скакуна младшего брата, и волосы на теле коня перестали гореть.

После каждого труда отдых нужен, чтобы силы восстановить и за новое дело взяться. Так поступили и братья. Отпустили они своих коней погулять, порезвиться друг с другом, да и сами присели отдохнуть. Поговорили о разном, поведали о своих приключениях, вспомнили старушку-мать и её наставления: «Будете дружны, вас никто не сможет одолеть, как и вы не смогли согнуть три вместе сложенных прута».

– И вправду, поодиночке мы бы не одолели трёхголового чудовища, – сказал старший брат.

А средний добавил:

– Где дружба в цене, там всегда победа.

– Вот так мы и должны поступать всегда, – сказал младший брат и вдруг воскликнул: – Смотрите! Смотрите!

Посмотрели братья туда, куда показывал младший брат, и удивились. Там, где только что была выжженная долина, вдруг вырос город с каменными дворцами и домами, с нарядно одетыми людьми и всякой живностью, с пышными садами и пёстрыми цветниками.

Удивились братья такому чуду и даже слегка испугались.

«Здесь какая-то древняя тайна», – думал каждый из них, но ничего не знал, не ведал о том, что некогда здесь до появления на вершине горы трёхголового аждага было древнее поселение, где люди жили по праведным законам древности. Но когда в горах этих поселился злодей и стал испускать на этот мирный город огненное пламя, постепенно весь город сгорел дотла и покрылся пеплом. А когда братья убили трёхголового аждага, из его горла хлынула кровь и залила выжженную долину. Город опять ожил и принял прежний вид. Но братья ничего об этом не знали, не ведали и не попытались узнать, так как очень спешили раздобыть молоко серны, чтобы спасти больную дочь падишаха той страны, которая им встретилась на пути.

Сели они на своих коней и поскакали туда, где за четвёртой горой жил тот самый пастух, в стаде которого была та самая серна.

Долго ли они скакали или нет, но сказывали сказители, что семь раз солнце прогнало с лица неба Луну, и семь раз она вновь появлялась. Но как бы то не было, наконец, они подъехали к одному полю и видят как на этом поле пасутся сорок коров, четыре быка, а среди них и одна серна. А рядом на холме сидит пастух и на дудочке играет. Так искусно играет, что самым певчим соловьям впору поучиться его мастерским руладам.

Подъехали братья к пастуху, спешили с коней своих, отбили ему низкие поклоны. Пастух как увидел живых людей, так обрадовался, что даже стал приплясывать под звуки своей дудочки: как-никак семь лет не ступала здесь нога чужестранца, и всё из-за злых аждага, которые жили в горах и преграждали сюда дорогу.

– Каким чудом сумели вы пройти через горы?! – спросил пастух удивлённо, хотя и сам догадался, что таким джигитам и злые аждага не угроза. Но как бы то не было попросил он братьев ответить на свой вопрос.

И рассказали сыновья ошира, как они вступили в схватку с чудовищами и убили всех троих. Затем они поведали, зачем прибыли сюда, и стали ждать ответа.

Выслушал их пастух и говорит:

– Я дам вам молоко серны, но с одним условием, – предупредил он и рассказал братьям о том, что у него было три дочери. Одну дочь, которой только исполнилось семнадцать лет, Чиме-Чин падишах насильно пленил и увёл в свою страну и отдал в жёны своему непутёвому сыну. Недолго ей, бедняжке, пришлось быть в неволе. Изжил её со свету сын Чиме-Чин падишаха, и она теперь покоится в земле. А недавно, я слышал, задумал он жениться на средней моей дочери. Но я не хочу этого и потому предлагаю своих дочерей вам в жёны. Женитесь на них – получите молоко серны. Откажетесь – не видать вам этого молока.

– Отец, а где же ваши дочери-красавицы? – спросили юноши.

Пастух вместо ответа заиграл на своей дудочке, и на звуки этой свирели, словно белые лебеди, плавно и легко ступая, из хижины вышли две девушки и подошли к тому месту, где стояли три сына покойного богача.

Если у человека два глаза, то нужно ещё два, чтобы смотреть на них. У каждой из этих девушек-красавиц по семь кос спускались до самой земли, а большие и тёмные глаза их были такие, что смотрит в них человек и чувствует, как душа его, словно воск на солнце, плавится, и ничего с этим человек не властен сделать.

И вправду! – ни одной девушке мира не сравниться с ними, ни красотой, ни стройностью стана, ни походкой.

Как увидели старший и средний братья этих красавиц, тут же влюбились и, казалось, ради этой любви могли совершить любые подвиги, а если надо и умереть. Слава Богу, умирать не понадобилось: как увидели красавицы сыновей ошира – красивых и статных, – тут же их полюбили и уже не могли разлюбить.

Посмотрел младший брат на своих старших братьев и сразу понял, что сердца их слились с сердцами этих красавиц и ничем их теперь не разнять.

– Ладно, беру ваших дочерей в жёны двум моим братьям, – сказал младший сын покойного богача.

Обрадовался пастух, что Бог послал его дочерям достойных женихов, и поспешил расспросить добрых молодцев, кто они, где живут и как долг путь к ним.

– А вдруг вздумается мне в гости к вам приехать, – полушутя, полусерьёзно сказал пастух.

Рассказали братья всё как есть, о матери-старушке поведали, а пастуха заверили в том, что дочерям его будет хорошо у них, что ему не следует беспокоиться, и пригласили его самого в гости.

Наконец, когда все разговоры иссякли, младший брат напомнил, что пора возвращаться, так как больная дочь падишаха может, не дождавшись молока серны, умереть.

Вскоре пастух поймал в стаде серну, надоил в глиняный сосуд молока и передал младшему из братьев. А утром, едва забрезжил рассвет, старшие братья посадили на скакунов невест своих, младший брат положил в хурджун глиняный сосуд с молоком серны, вскочил на своего коня, и все, попрощавшись с добрым пастухом, тронулись в обратный путь.

Сорок дней и ночей были они в пути, в трёх городах останавливались, любопытству предавались. Первый город, в котором они остановились, был тот самый, который ожил после того как братья вместе убили трёхголового аждага, жившего на вершине горы.

Стали братья расспрашивать горожан первого города, каким чудом здесь, на этой сожжённой долине, появился прекрасный город.

– Дети мои, историю нашего города тремя словами не расскажешь, – сказал братьям один старец. – Если это вам интересно, то оставайтесь ночевать, и я расскажу всё как есть.

Согласились братья на ночлег, и старец пригласил их к себе в дом.

– Город наш очень древний, – начал старец свой рассказ. – Был он построен в давние времена, когда люди не знали, кого слушать

и кому верить. Когда каждый делал всё, что ему вздумается. Ну, скажем, вздумалось кому-то бить поклоны скале – и он бил. Или захотелось другому посмотреть, в каких хоромах и дворцах живут под землёй мыши, – он всю жизнь рыл землю. Но так как у мышей нет подземных дворцов и хором, то и весь труд был глупым и напрасным. И вот в те глупые времена, один человек решил построить здесь, на этом месте, дворец. Сказано – сделано. Собрал он сорок человек и стал им приказывать.

«Принесите кусок скалы и положите сюда», – говорил этот человек.

И сорок мастеровых приносили и клали куски скалы друг на друга. Затем человек приказал на положенные друг на друга куски скалы положить ещё и ещё. Так был построен наш город, а человек стал хозяином города. Правда, город не сразу стал таким большим и красивым. Каждый новый правитель что-нибудь да строил... Короче говоря, всё делалось так, как и должно было делаться. Умирили одни правители, их сменяли другие. Умирили люди, им на смену рождались новые. И так сотни лет. Но однажды, когда на смену умершему правителю пришёл наш правитель, на город обрушилась беда. А причиной послужило то, что жена нашего правителя была бесплодна. Решил он тогда жениться во второй раз. Выискал себе девушку, назначил день свадьбы, а первую жену выгнал. Разгневалась первая жена и решила отомстить. А между тем наш правитель отпраздновал свадьбу с новой женой и на том успокоился. Шли дни, но и на этот раз у правителя не родилось ни одного ребёночка. А ему ой как хотелось иметь хоть одного наследника. Известное дело – не всегда всё, что нам хочется, может исполниться. Выгнал он и вторую жену, а вместо неё привёл во дворец третью. И вторая жена затаила на него лютую злобу. Но годы шли, а покои правителя так и не оглашались детским криком. Выгнал он и третью жену и женился в четвёртый раз. Решила и третья жена отомстить бывшему супругу. Месть местью, а у нашего правителя так и не было детей. И на этот раз выгнал он жену свою и взял новую. Семь раз он женился и семь раз выгонял своих жён. Но восьмая жена, прежде чем дать своё согласие, пригласила в свидетели трёхголового аждага и сказала будущему своему мужу:

«Я согласна стать твоей женой, но с одним условием. Будет у нас ребёнок – хорошо, но если не будет, то обещай, что не выгонишь меня».

«Пусть сгорит и пеплом покроется мой город, если я когда-нибудь выгоню тебя», – поклялся правитель и приказал играть свадьбу.

Семь дней и ночей без устали играли музыканты, веселя подвыпивших гостей. Но всему приходит конец; на восьмой день гости разошлись, оставив виновников торжества наедине с тем, чтобы они доверились друг другу и достигли желаемого. Семь лет они доверялись друг другу, но наследника у них не было. Ни богатство его казны, ни божий свет, ни жена-красавица – ничто не радовало глаза и душу старого правителя. Всё больше и больше терзала его неутолимая жажда иметь наследника, который бы занял наконец-то родовой престол и приумножил его богатства. Но не всегда человеческие желания достигают своей цели – на всё воля Господня. Решил правитель испытать своё счастье в последний, девятый раз. Выгнал он восьмую жену из дворца и хотел было жениться ещё раз. Но в это самое время на город обрушился огонь. Семь дней и ночей горел наш город и, наконец, весь сгорел и пеплом покрылся.

А дело было вот как. Слышал трёхголовый аждага, как правитель поклялся восьмой жене: «Пусть сгорит и пеплом покроется мой город, если я когда-нибудь выгоню тебя». Со дня этой клятвы прошло семь лет, и вот все эти семь лет трёхголовый аждага с нетерпением ждал, пока правитель выгонит и восьмую жену, а он, аждага, даст волю своим злодеяниям. Как узнал злодей, что правитель выгнал и восьмую жену, обрадовался безмерно и стал на город наш испускать вихри огня то из ноздрей, то из пасти трёх своих голов. До тех пор испускал, пока не сгорел весь город и его жители. Семь лет назад наш город и все его жители были превращены в уголь и пепел. Но на восьмой год на сожжённый город хлынула кровь из горла убитого трёхголового аждага, и город и все его жители – о чудо Небес! – снова ожили, и всё стало так, как было раньше. Говорят, что этого аждага кто-то убил. Кто именно, мы не знаем, но теперь каждый день возносим во здравие нашего спасителя добрые молитвы, – сказал в конце своего рассказа старец и воскликнул: – Жить вечно нашему спасителю!

Все присутствующие в доме старца люди разом упали на колени, коснулись лбом земли, затем привстали и, воздев к небу руки, вместе обратились с молитвами на устах к Богу.

Поняли братья в чём тут дело, но о том, что этот трёхголовый аждага был убит ими, так и не сказали.

– А жив ли тот правитель? – спросил старца младший брат.

Горожане предложили братьям пройти во дворец правителя. Вошли братья во дворец и видят: на правительственной ложе полулежит какой-то тощий человек. Если он сегодня жив, то в завтрашний день может не войти – настолько он был безразличен ко всему происходящему вокруг и даже к тому, что город каким-то чудом ожил. Всякий, кто видел правителя таким, не мог не посочувствовать ему, не пожалеть его. А у некоторых людей вид правителя вызывал и слёзы сострадания, и они плакали и причитали, будто он уже лежал на смертном одре. Жалкий вид правителя и у братьев – гостей города – вызвал сострадание, а заодно и желание хоть как-то облегчить его горестную участь. Они подошли к нему, отбив поклоны, поцеловали край его халата и остались стоять рядом, не зная, с чего начать разговор. Но правитель как полулежал на ложе, так и остался полулежать, будто не его приветствуют и не к нему пришли во дворец.

– Почтенный человек и правитель города, мы с добром пришли к тебе. Посмотри на нас и доверься, – сказал тогда младший брат.

Правитель нехотя повернул голову и холодно проговорил:

– Теперь мне никакое добро не нужно. Я жду спасителя моего города. На днях я видел сон, будто ко мне приехал он, отбил поклоны и предложил облегчить мое тяжкое горе. Я хотел оставить ему своё наследство, но тут я проснулся, и теперь вот я дожидаясь прихода моего спасителя. Не знаю, есть ли правда в моём сне или нет, но я продолжаю ждать и верить, что он придёт. – Тут правитель с любопытством посмотрел на трёх добрых юношей и вдруг спросил: – Не вы ли убили этого проклятого трёхголового аждага и спасли мой город и его горожан?

Братья посмотрели друг на друга, не зная, признаться или промолчать. Известное дело: герои не любят хвалиться. Пусть их другие хвалят. Но младший брат всё же сказал:

– Это наш старший брат убил трёхголового злодея.
– А чем можете доказать? – спросили присутствующие жители города.

Обнажили братья свои золотые сабли, блеск этих сабель ослепил всем глаза и заставил поверить в правоту их заслуживающего похвалы подвига.

– Ладно, спрячьте свои сабли, – сказал правитель. – У меня есть одна редкая птица, она всё знает. – Правитель наконец-то встал со своего ложа, прошёл в соседние покои и принёс птицу. – На кого она сядет, тот и убил аждага, – сказал он и выпустил птицу.

Полетела птица, и села всем троим братьям на головы: сначала на голову старшего брата, потом – среднего, а затем и младшего.

– Значит, вы все вместе убили этого злодея? – спросил правитель.

– Да! – поспешили подтвердить присутствующие здесь две дочери пастуха и добавили, что одна из них – невеста старшего брата, другая – среднего.

Ничего не оставалось делать братьям, и они рассказали всё как было. Рассказали о том, как их старушка-мать задала им троим загадку с тремя железными прутьями... Всё как есть рассказали и стали ждать, что же будет дальше.

– Да, верные слова: где дружба в цене, там всегда победа, – молвили присутствующие здесь старцы.

Наконец и правитель сказал своё слово.

– Скоро я умру, – обратился он к трём юношам, – и потому доверяю одному из вас быть правителем. Также завещаю и своё богатство.

Сначала братьям не хотелось расставаться друг с другом, но потом младший брат сказал старшему:

– Оставайся! Живи здесь со своей красавицей. Если что случится, мы тут же прискачем.

– Ладно, брат, – отвечал старший. – Буду правителем, достойным доверия жителей этого города.

В честь такого события три дня и три ночи в городе шёл пир, а на четвёртый день два других брата, а вместе с ними и красави-

ца-невеста среднего брата сели на своих коней и тронулись в путь туда, где их с нетерпением дожидался отец больной девушки.

Долго ли они находились в пути или нет, мне неизвестно, да и это уже не столь важно, но когда братья переехали гору, то увидели: на том месте, где они некогда проезжали и где было непролазное топь-болото, теперь раскинулся огромный сказочный город, окружённый садами и виноградниками. Удивились братья такому чуду и решили узнать тайну преобразования.

Подъехали они к городским воротам и видят: над воротами нарисован тот самый двухголовый аждага, которого на пути к пастуху убил младший брат, а сверху над изображением высечено название города – Хофтэгиз, что значит – Семь близнецов. Въехали они в город – и ахнули! Никогда ещё они не видели такого красивого города со сказочными дворцами и каменными домами, с расписными нишами и мраморными порталами, а во дворцах – огромные бассейны с фонтанами. А на стенах везде и всюду нарисованы шесть девушек-красавиц, и все они как две капли воды похожи друг на друга.

Братьям очень понравился город. Понравился этот город и невесте среднего брата.

Посоветовались они и решили провести в этом сказочном городе несколько дней, чтобы осмотреть его как можно лучше. Расположились в караван-сараях, накормили своих коней, сами поели, наслаждались прохладой бассейна и журчанием фонтанов, а к вечеру пошли к самому древнему жителю этого города.

– От него наверняка мы узнаем историю города, – сказал младший брат.

Предстали они перед старцем, отбили поклоны и попросили его поведать им историю этого сказочного города.

– Это долгая история, – сказал самый древний житель. – Хватит ли у вас терпения и мужества выслушать её до конца?

– Хватит! – ответили гости.

– Ну, тогда садитесь поудобнее и слушайте, – сказал самый древний житель города и начал рассказывать: – В какой-то далёкой стране в те времена, когда рождение девочки считалось величайшим

позором, жена одного правителя родила семерых дочерей. Правитель разгневался на жену и убил её, а младенцев отвёз в безлюдную пустыню и бросил. О, бедные детки, как они жалобно плакали, призывали хоть кого-нибудь на помощь. Так жалобно и громко, что Бог услышал их плач и стал кормить их то молоком, то кашкой. И так с Божьей помощью и молитвами природы семь сестёр-близнецов и выжили. Но однажды, когда сёстрам исполнилось семь лет, пошли они к озеру, что по ту сторону горы находится, и стали из этого озера воду пить. Едва они наклонились над гладью воды, как тут же увидели своё отражение. Увидели – и диву дались! Все семь сестёр, как две капли воды, похожи друг на друга, да и красотой никакая девушка не могла бы сравниться с ними. Днём своей красотой они смущали солнце, а ночью – луну. Да что и говорить, всякий, кто хоть раз видел красавиц, не мог бы их позабыть.

Дни шли за днями, год за годом, а семь сестёр-близнецов жили в безлюдной пустыне, не зная, что кроме них, где-то ещё есть люди, которые общаются друг с другом, путешествуют из одной страны в другую, ведут торговые и другие сделки.

Но так как у сестёр-близнецов не было встреч с другими людьми, и они не слышали человеческую речь, то общаясь между собой, стали свои мысли выражать рисунками. Надо было им сказать, что они похожи друг на друга, то каждая рисовала облик какой-нибудь сестры на камне и руками объясняла, что она похожа на остальных сестёр. Но однажды одна из сестёр нарисовала нечто похожее на сказочный дом и показала другим, а затем все вместе стали, глядя на этот рисунок, строить из разноцветных камней дом, а построив, стали все вместе в нём жить... Так было положено начало нашему городу.

Шли годы, и с годами сёстры росли. Они уже умели говорить изображениями так, что даже самый искусный живописец, увидев эти рисунки, мог бы позавидовать не только мастерству, но и той убедительности, понимания вложенного в них смысла общения.

Но в один из дней случилось так: мимо этих мест проезжали верхом на верблюдах какие-то люди, которые стали для нас, горожан, теперь

уже далёкими предками. Увидели люди каменный, расписной дом и решили никуда больше не ехать, а поселиться здесь, на этом месте. Вошли они в дом и замерли, увидев перед собой семь девушек-красавиц, как две капли воды похожих друг на друга. Стали их расспрашивать, кто они, когда и каким образом оказались здесь. А сёстры испугались, молчат и не понимают, что от них хотят эти незнакомцы.

Наконец, девушки осмелели и стали кое-как, то картинками, которые они тут же рисовали растёртыми в порошок разноцветными камнями, то жестами, то какими-то никому не понятными возгласами объяснять, кто они и что могут делать. Поняли люди, что все рисунки, которые они видели, сделаны не кем-нибудь, а этими семью сёстрами-близнецами. Удивились этому караванщики, увидев мастерство сестёр-близнецов, а старший караванщик, обращаясь к своим спутникам, сказал:

– Зачем нам где-то искать лучших мест? Останемся здесь, построим город, а девушки эти нам его украсят.

Один сказал – остальные поддержали.

Начали караванщики строить здесь дворцы и храмы, сажать сады и виноградники. Растить верблюдов и овец разводить. Ни одного сооружения не осталось, чтобы сёстры-близнецы его не разрисовали. Все стены и все мостовые, цветники и бассейны, арки и ниши – везде и всюду были разукрашены их изображениями и изображениями животных и птиц. За несколько лет наш город стал таким красивым, что и вправду никакой другой город земли не мог с ним сравниться.

Всё шло хорошо, так хорошо, что лучшего и желать не нужно было. Но однажды прослышал двухголовый аждага о нашем сказочном городе и стал завидовать лютой завистью. Задумал он лишить наш город умельцев, а умельцами города были эти семь сестёр-близнецов. Поселился злодей на вершине гор и стал девушек-близнецов по одной в горы уносить: унесёт и в скалу превратит. Зависть, которая поселилась в нём, не давала ему покоя, всё мучила, терзала его сознание и душу. Прилетел он первый раз в наш город, схватил одну из сестёр, унёс её в горы, ударил о скалу и девушка-красавица тут же

стала бездыханным камнем. А одна из сестёр-близнецов решила запечатлеть навеки образ своей сестры. Нарисовала она на стене дома её изображение, чтобы знали потомки, кто основал этот город.

Спустя некоторое время двухголовый аждага вновь явился в город. На сей раз унёс он в горы вторую сестру. Ударил он девушку о скалу, – и она тоже стала бездыханной скалой.

Другая сестра в память о похищенной сестре нарисовала на стене её образ, дабы знали потомки, кто основал этот прекрасный город.

Так двухголовый аждага по очереди похитил всех семерых сестёр-близнецов и всех их превратил в бездыханные скалы. Но каждая из оставшихся в живых сестёр-близнецов рисовала на стенах образы похищенных, дабы знали все, кто основал этот прекрасный город. Но когда аждага похитил и превратил в скалу последнюю из сестёр-близнецов, то её уже некому было нарисовать в память потомкам.

Вот уже много веков стоят эти семь сестёр-близнецов, превращенные коварной волей двухголового аждага в семь скал, а на городских стенах по известной вам причине нарисованы всего шесть сестёр-близнецов.

На этом месте рассказчик прервал рассказ, погладил свою седую бороду и замолчал. Кто знает, сколько бы он так молчал, если бы невеста среднего брата не спросила:

– А что же было дальше?

И вот тут-то рассказчик, довольный тем, что наконец-то речь зашла о дальнейшей судьбе семи сестёр-близнецов и его родного города, продолжил свой рассказ словами:

– А дальше было вот что. Решил двухголовый аждага подчинить нас всех себе. Он даже ещё при жизни последней из сестёр-близнецов приказал ей на воротах города изобразить себя, дабы все-все знали, кто правитель этого города. Хотя этот аждага и возомнил себя нашим правителем, мы отказались повиноваться ему и выполнять его приказы. Стал тогда злодей месить в озере землю и превращать его в топь-болото. Затем он заглатывал эту грязь и плевался ею до тех пор, пока наш город и все его обитатели совсем не скрылись под толщей грязи. Наш древний город и вправду стал похож на непролазное топь-болото.

Много веков находились мы на дне болота. И вот совсем недавно вся эта толща грязи была смыта кровью двухголового аждага, и город наш вместе с его обитателями ожил... Кто-то убил чудовище, но только кто, мы не знаем. С того самого дня как ожил наш чудный город, все мы, его жители, каждый день читаем добрые молитвы во здравие нашего спасителя.

Старец закончил рассказ, окинул всех присутствующих мудрым взглядом, устало откинулся на своём ложе и замолчал. Молчали и гости, находясь под впечатлением услышанного. Они не знали, что и говорить, потому и молчали, словно бы некто незримый отнял у них язык и тем был доволен.

Кто знает, сколько бы длилось это молчание, если бы снова первой не заговорила невеста среднего брата.

– А нельзя ли расколдовать окаменевших сестёр-близнецов? – спросила она старца.

Старейший житель города Хофтэгиз погладил свою длинную седую бороду и ответил:

– Их можно расколдовать только искусной игрой на дудочке... Сёстры-близнецы очень любили музыку. Бывало, усядутся они под деревом, где пели соловьи наших мест, и целыми днями с наслаждением слушают соловьиную трель.

Как услышала невеста среднего брата эти слова старца, тут же радостно воскликнула:

– Мой отец так умеет играть на дудочке, что и соловьям не сравниться...

– Может быть, он своей игрой расколдует этих бедных сестёр-близнецов? – сказал кто-то из присутствующих жителей города.

И тут младший сын покойного богача, ничего не сказав, выбежал во двор и, вскочив на своего верного коня, хлестанул его три раза. Взвился конь в небо и вскоре домчал своего доброго хозяина к месту, где жил тот самый пастух – отец двух девушек-красавиц, которые стали невестами двух старших сыновей покойного богача из той самой страны, о которой вам, дорогой читатель, уже известно.

Вошёл юноша в дом пастуха и прямо с порога закричал:

– Отец, бери свою дудочку и скорее в древний город Хофтэгиз. Нужно музыкой расколдовать превращённых в скалы семь сестёр-близнецов.

Не стал пастух ни о чём расспрашивать и, наказав соседскому мальчику пасти стадо, вскочил на своего скакуна. Вскоре вместе с младшим сыном покойного ошира они прибыли туда, где их очень и очень ждали.

Привели горожане пастуха к горе, усадили на пёстрые ковры, которые здесь по такому случаю расстелили, и попросили играть на дудочке.

Сел пастух поудобнее и начал играть. Так он искусно играл, что от его игры кустарники цвели, а колючки в пышные розы превращались! Люди слушали-слушали и не могли устоять на месте, начинали в такт этой чудесной музыки приплясывать. А что касается певчих соловьёв, то все они, услышав эти прекрасные трели пастушьей дудочки, не могли с ней соперничать, а потому замерли на ветках деревьев и слушали музыку с замиранием сердца. Вот так очаровал пастух своей игрой всех, кто здесь находился, а дочь его так рада была тому, что отец её пленил всех искусной игрой, что всё это время и глаза её, и улыбка выражали восторг и ликование! Только заколдованные двухголовым аждага семь сестёр-близнецов оставались бесчувственными скалами.

Семь часов без устали и передышки продолжал играть пастух, и только на восьмом часу все увидели, как скалы начали трескаться, и огромные глыбы, слоями отваливаясь, с шумом покатались вниз. Обрушились горы, и заколдованные двухголовым аждага сёстры-близнецы ожили по пояс. Повели они глазами по сторонам, изумляясь всему здесь происходящему, посмотрели вниз – собравшиеся люди глаза попрытали; посмотрели вдаль – даль озарилась ярким светом, посмотрели они вверх – солнце на лице неба потускнело. А пастух продолжал играть всё звонче и звонче на своей волшебной дудочке. До тех пор он играл, пока все семь сестёр-близнецов совсем не ожили и с улыбками на лицах не стали спускаться с горы вниз. Так они плавно и нежно ступали, будто не людьми были,

а лебедями, плывущими по глади воды. Подошли они и всем низко поклонились. А затем все семь сестёр-близнецов подошли к пастуху, каждая по очереди ему поклонилась.

– Отныне, добрый человек, ты будешь правителем нашего древнейшего города, – в один голос сказали все жители города пастуху.

Растерялся пастух от такого неожиданного предложения и отвечает:

– У меня есть стадо овец, оно без меня пропадёт.

Стали горожане просить пастуха оказать честь сёстрам и остаться в городе, а пастух всё своё твердит, мол, стадо пропадёт.

Тогда своё слово, обращённое к пастуху, сказал младший сын покойного богача:

– Быть тебе правителем этого древнейшего города! Народ и семь сестёр-близнецов хотят этого. Отказать – грех великий.

Не решился пастух возразить доброму юноше, но предупредил, что стадо своё обязательно пригонит и будет пасти.

– Да будет по-твоему, – сказали жители города.

В честь того, что, спустя много лет, все семь сестёр-близнецов были расколдованы, а у города Хофтэгиз стал новый правитель, все жители города решили, как и подобает в таких случаях, отметить это величайшее событие народным гуляньем и сорокадневным пиршеством.

Как решили, так и сделали. Разукрасили жители дворцы и улицы разноцветными полотнищами, пригласили лучших музыкантов и поваров города – и пиршество началось. Все пили и произносили торжественные речи, ели вкусные яства и плясали, кто где может, и до упаду.

Только младшему сыну покойного богача было не до плясок и вкусных яств, лицо его выражало печаль и озабоченность. Сердце юноши тревожилось о больной девушке, которой он должен был привезти молоко серны. Сказал он об этом брату, а брат и говорит, мол вместе поедем.

– Нет-нет, – возразил младший брат среднему, – ты пока гуляй, а я мигом доставлю дочери падишаха молоко серны и тут же вернусь.

Согласился средний брат, пожелал младшему брату доброго пути и скорого благополучного возвращения. Но не тут-то было: заподозрили горожане, что их почётный гость собирается покинуть их,

и преградили ему дорогу.

– Никуда не поедешь, пока с нами не поделишь нашу радость, – сказали они.

– Я должен обязательно спасти от смерти больную девушку. Она и отец её надеются и ждут, когда я привезу им молоко серны и спасу несчастную от неминуемой смерти.

– Ладно, раз так, поезжай и тут же возвращайся, – сказал своё слово самый древний житель города и поспешил предупредить: – Пока слюна высохнет, чтобы ты вернулся. – Он плюнул на пол, как бы тем самым обязав юношу скорее возвращаться.

– Как сказал, так и будет, – ответил младший сын покойного богача.

Выйдя во двор, он ловко вскочил на своего верного скакуна и три раза хлестнул его. Хлестнул в первый раз – конь от земли оторвался. Хлестнул второй раз – конь в небеса взвился. Хлестнул в третий раз – конь доставил своего хозяина в тот самый город, где жила больная девушка.

А время было ночное. Подъехал юноша к падишахским воротам, постучался и стал ждать. Открыли расписные серебряные ворота, юноша передал им лекарство со словами: «Для падишахской дочери», – и, хлестнув своего верного коня, исчез в ночи.

Вернулся он в город Хофтэгиз, а там пир вовсю идёт. Сел младший сын покойного богача на своё прежнее место и тоже стал есть, пить, веселиться.

Сорок дней и сорок ночей веселился весь город. Сорок ночей люди жгли плошки и не снимали с себя праздничные наряды. На каждой улице и в каждом доме играли музыканты и били в барабаны барабанщики. Они как бы спорили между собой: кто искуснее и лучше играет.

Известно, у каждого начала есть и свой конец. На сорок первый день пиршество кончилось, и горожане вернулись к своим делам. Приступил и пастух к обязанностям правителя города. Сёстры-близнецы тоже стали заниматься прежним ремеслом – расписывать стены и ниши города, а также мостовые, фонтаны и бассейны, удивляя, как и раньше, горожан своим несравненным живописным мастерством.

Спустя несколько недель младший сын покойного богача, а вместе с ним и его средний брат со своей невестой собрались в дорогу. До самых городских ворот с шумом провожали горожане дорогих гостей – спасителей их города. И вот гости доверились дороге...

Долго ли они находились в пути или нет, это не столь важно, но когда они переехали гору, то услышали стуки молотков по наковальням. Посмотрели братья в ту сторону, откуда доносились эти стуки, и видят: там, где раньше была огромная безлюдная пустыня, теперь раскинулся город, а над городом вьётся голубой флаг. Удивились братья такому чудесному превращению. Въехали они в город и видят: здесь живут оружейники и у всех свои кузни и мастерские, а возле них сложено множество различного оружия.

– По какой надобности вы смастерили столько оружия? – спросил одного оружейника младший сын покойного богача.

– А вы кто такие? – сердито произнёс в ответ оружейник.

Рассказали братья, кто они, откуда и куда едут.

– Вижу, добрые вы воины, – выслушав гостей, наконец, сказал оружейник. – Значит, вас интересует для какой надобности мы изготавливаем столько оружия? Тогда слушайте и не перебивайте... Рассказ будет долгим.

Сели оба брата, а с ними и красавица-невеста – дочь пастуха – и стали слушать.

– Мы, жители этого города, – начал один из оружейников, – воины. Много раз нам приходилось воевать, и мы всегда побеждали. Но однажды нашему предводителю приснился сон, будто бы к нему с неба спустился ангел и сказал: «Добрый воин, слава о тебе и твоих воинах известна нам, небожителям... Быть тебе хозяином и земли и неба. Для этого ты должен покорить и звёзды и Луну».

Сказал так ангел и улетел на небо.

На следующий день наш предводитель собрал нас всех и рассказал свой сон. Затем он обратился к нам с такими словами:

– О, воины! Я должен подчинить себе все звёзды и Луну. Стать хозяином и земли, и неба... Нужно готовиться к бою!

Затрубили трубы, забили барабаны, и мы пошли туда, где всегда

прячется Луна. Преграждали нам дорогу крутые склоны гор, повсюду зияли страшные пропасти и ущелья. Днём наши головы жгло солнце, а ночью наши тела и душу приводили в дрожь холодные облака, которые всё время окутывали вершины гор. Но мы шли, падали, расшибали колени, скатывались вниз, но снова и снова карабкались вверх, в гору. Долго продолжался наш путь, но мы шли, не зная ни сна, ни отдыха. Дело прошлое, но, наконец, добрались мы до вершины скалы и стали ждать пока взойдёт Луна. Когда стало темнеть, на небе появился лик Луны, а чуть позже – всё её звёздное, небесное воинство. И вот тут-то наш предводитель приказал нам стрелять в Луну и в звёзды.

Начали мы стрелять, долго и яростно стреляли, так яростно, что горы дрожали, скалы рушились, а звёзды по-прежнему смотрели на нас и, дразня, улыбались, видя тщетность наших усилий.

Разозлился вконец наш предводитель и приказал стрелять до тех пор, пока с ночного небосвода все звёзды не будут сбиты. До самого восхода солнца стреляли, но так ни одну звезду и не сбили. Днём мы отдыхали, а ночью опять и опять с яростью стреляли, но только ни одной звезды сбить так и не могли.

Семь ночей продолжался бой, а на восьмую ночь между нашими воинами и воинами Луны пролетел одноголовый аждага. Увидав это страшное летающее чудовище, все испугались, и началась паника. А наш предводитель выстрелил в это летающее чудовище и попал ему в ногу. Рассвирепел аждага, подлетел к нашему предводителю и проглотил его, да так быстро, что мы даже не успели что-то предпринять. Потеряв предводителя, мы вернулись в город, а одноголовый аждага поселился в наших горах и стал засыпать наш город песком. Семь месяцев, не переставая, летало над городом это чудовище, выпуская изо рта песок и засыпая наш город вместе с нами, и, наконец, мы оказались под толстым слоем песка, а над нами образовалась безлюдная пустыня. Много веков пробыли мы под песком, но совсем недавно чья-то кровь хлынула с гор и смыла толщу песка, а мы ожили. Мы боимся, что этот самый одноголовый летающий аждага может вновь засыпать наш город. Потому мы теперь готовим-

ся пойти войной на этого аждага и убить его, – закончил свой рассказ оружейник.

Братья рассказали оружейникам, что одноголового аждага уже нет, он убит, и ничто городу не угрожает.

Оружейники города не поверили сказанному.

– Его целая армия не сможет убить, – сказали они.

Тогда младший брат рассказал всем историю о своей золотой сабле и верном коне.

– Если то, что ты говоришь, правда, то будь нашим правителем, – сказали оружейники города.

– Стать вашим правителем я не могу, меня мать дома заждалась, да и другие дела ждут впереди, – ответил младший сын покойного богача и добавил: – Если не возражаете, пусть вашим правителем будет мой средний брат, который помогал мне убить аждага.

– Мы не возражаем! – согласились оружейники города.

По такому случаю был устроен пир, люди поздравляли друг друга, радовались. И с этого времени средний брат стал правителем в городе оружейников и поселился во дворце вместе со своей прекрасной невестой, а младший брат обнял крепко-крепко своего среднего брата и дочь пастуха, пожелал им здоровья и, запрыгнув на своего верного скакуна, отправился в дорогу.

Долго ли он скакал или нет, но когда проехал четверть пути до родного дома, где его и его братьев заждалась мать, то конь под ним стал ржать, грызть удила, бить копытами о землю. Насторожился и всадник, почувствовав запах гари. Поднял он голову и видит – все небо дымом затянуто. Не стал он медлить и поскакал туда, откуда несло гарью.

Пусть он скачет, а я пока расскажу вам, в чём было дело.

А дело было вот в чём. Прослышал Чиме-Чин падишах, что пастух отдал своих дочерей замуж за каких-то юношей из далекой южной страны. Разгневался он и решил отнять дочерей пастуха у этих юношей, а самого пастуха убить. Собрал своё войско и внезапно напал на город Хофтэгиз, где правителем по просьбе горожан и семи сестёр-близнецов стал пастух.

Узнали горожане, что войска Чиме-Чина в сторону их города

идут да на пути своём всё огню предают, собрали войско и стали на защиту своего города.

Долго противостояли жители города Хофтэгиз натиску войск Чиме-Чина. Но сила была на стороне нападавших. Защитники города стали отступать, и казалось, вот-вот войска Чиме-Чина ворвутся в город, будут бесчинствовать, грабить, и самое страшное, убьют правителя города – бывшего пастуха, а заодно и сестёр-близнецов. Но не тут-то было: почувствовали сыновья покойного богача запах гари, догадались, что здесь что-то неладное происходит и поспешили на помощь. Примчались они и видят: войска Чиме-Чин падишаха под барабанный стук со знамёнами вступили на земли города и каждого встречного убивают.

– Э-гей-гей! – крикнули братья и, обнажив свои золотые сабли, напали на войска Чиме-Чин падишаха и вмиг разбили их. Кто успел унести ноги – остался жить, а кого ноги подвели – тут же смерть нашли.

Так дружные братья, помня наказ своей матери – быть всегда вместе, вновь одолели сильного врага, а в честь такой победы, как и подобает в таких случаях, устроили празднество.

Пусть они празднуют победу, а я расскажу вам о больной девушке – дочери падишаха, которой младший сын покойного богача доставил молоко серны, а сам тогда вернулся на пиршество в город Хофтэгиз.

С того времени, как младший сын покойного богача отправился к пастуху за молоком серны для больной падишахской дочери, прошло семь лет и семь месяцев. Долго опечаленный падишах – отец девушки – ждал дня, когда кто-то из тех юношей, пожелавших помочь его горю, привезёт молоко серны и спасёт от верной смерти любимую дочь. Ждал он, ждал, да и перестал ждать. Много всяких врачей посетили дворец падишаха за это время, но никто и ничем не смог помочь дочери падишаха. А между тем бедная дочь падишаха с каждым днём всё таяла и уже, казалось, была обречена на верную смерть. Страшно переживали это горе отец и мать девушки, не зная всё это время ни сна, ни покоя и не снимая с себя

траурное одеяние. В траурных одеждах продолжали пребывать и все жители этого падишахства.

– Через семь недель и семь дней дочь падишаха умрет, – предсказали лекари.

И вот в это самое смертельно опасное время для дочери падишаха прискакал на своём добром коне младший сын покойного богача, передал молоко серны, а сам умчался на пиршество в город Хофтэгиз.

Передали слуги молоко серны своему падишаху.

– Откуда? Кто привёз? – спросил падишах.

– Какой-то юноша вручил нам и тут же ускакал... Мы не успели разглядеть его, – сказали слуги и стали молить Бога излечить болеющую дочь своего правителя.

Обрадованный отец стал поить свою больную дочь молоком серны. Семь дней по одной ложке давал он ей это молоко, и вот, наконец, девушка стала поправляться, а вскоре и по комнате ходить, а потом и во двор вышла.

Не стану утруждать ваши головы, а скажу лишь то, что она с каждым днём стала хорошеть и обретать свою былую красоту. Обрадовались горожане, сняли с себя траурные одеяния, облегченно вздохнули: радость падишаха – их радость, горе падишаха – их горе.

А вскоре дочь падишаха совсем поправилась, похорошела, да так, будто и болеть-то не болела. Решил отец скорее выдать свою дочь замуж.

– Надо жениха тебе выбирать, – сказал он дочери.

А дочь в ответ:

– Я стану женой того, кто достал мне молоко серны.

Ничего не оставалось делать падишаху, пригласил он к себе глашатаев и велел им побывать во всех городах разных стран и объявить о том, что отдаст свою красавицу-дочь за того, кто добыл и привёз ей молоко серны и тем спас её от смерти.

В каких только городах и странах не были глашатаи, объявляя указ своего правителя. Но случилось так, что дорога привела их в тот самый город Хофтэгиз, где в это время сыновья ошира праздновали победу над войском Чиме-Чин падишаха.

Пришли глашатаи на базар, держа в руках щит, на котором

была изображена главная башня города их падишахства, и стали объявлять:

– Слушайте! Слушайте! Падишах нашей страны велел найти человека, который доставил для больной его дочери молоко серны. За этого человека он отдаст свою красавицу-дочь. Если кто знает или кто слышал об этом человеке и сообщит нам, тот получит сто золотых из падишахской казны.

А нужно сказать, что в это самое время сыновья покойного богача были на этом самом базаре. Услышали они, о чём вещают глашатаи, поначалу удивились тому, что услышали, а затем, поняв, что к чему, подошли к глашатаям и обо всём рассказали.

Выслушали их глашатаи и спросили:

– А кто же из вас в ту ночь доставил молоко серны?

Старшие братья указали на младшего и, обращаясь к нему, сказали:

– Иди, брат, испытай и ты своё счастье.

Вскоре братья простились, и младший сын покойного богача вместе с глашатаями предался дороге.

Долго ли они были в пути или нет, но, наконец, добрались до места. Обрадовался падишах, увидев знакомого юношу, – некогда гостя его дома, – и спрашивает:

– Это ты доставил для моей дочери молоко серны, а сам ускакал?

– Да, – отвечает юноша.

– Как же тебе удалось победить страшных чудовищ? – полюбопытствовал падишах.

– О, это долгая история, – ответил юноша.

– Нет-нет, ты расскажи, мне интересно, – попросил его падишах.

– Ну, ладно, – согласился юноша.

Вскоре в тронном зале собралось много народу. Была здесь и дочь падишаха. Как увидел юноша такую красавицу, так всем сердцем и влюбился. А она и вправду была красива и мила и казалась не просто девушкой, а самой феей. Нужно сказать, что и юноша ей пришёлся по душе: это было видно по тому как она не сводила с него глаз, будто боялась, что – не дай Бог – стоит ей отвести свой взгляд в другую сторону, как тут же этот самый юноша, – её спаситель

может исчезнуть и больше никогда не появиться перед её очами, и очи эти покроются мраком, а душа будет постоянно тосковать.

– Ну, ладно, рассказывай, как ты победил страшных чудовищ? – снова обратился падишах к юноше.

И младший сын покойного богача рассказал собравшимся обо всём, что было. Все слушали с замиранием сердца и удивлялись, слыша о том, что и присниться не могло, не только правдой быть.

Когда юноша закончил свой рассказ, а слушавшие облегчённо вздохнули, переводя дыхание, падишах подошёл к сыну покойного богача, обнял его крепко-крепко и поцеловал, а затем сказал:

– Сын мой, если душе твоей угодно полюбить мою дочь, я с огромным желанием отдам тебе её в жены.

Младший сын покойного богача, отбив поклон в знак благодарности, сказал:

– Я затем и ехал сюда, отец.

Сорок дней и сорок ночей не смолкали звуки музыки и дробные стуки барабанов. На всех площадях народ веселился, шутил, ел вкусные кушанья, пел песни и слагал во множестве оды в честь храброго жениха и красавицы – невесты. На свадьбе были и братья со своими жёнами, и даже пастух приехал со своей волшебной дудочкой и играл на ней. Так искуссно играл, что никто не мог усидеть на месте: все танцевали. Танцевал со своей красавицей-невестой и жених. Все смотрели на них и всей душой радовались, особенно отец и мать невесты.

На сорок первый день, когда гости разошлись, жених и невеста вошли в свои опочивальни и вскоре, обняв друг друга, поняли – они для того и были рождены на свет, чтобы всегда быть вместе.

А ещё через семь дней, все трое братьев вместе со своими жёнами-красавицами сели на своих добрых коней и отправились в тот самый город, где они родились, и где с волнением ждала их мать.

Долго ли они ехали или нет – это уже не столь важно, но когда, добрались до родного города, три раза с гордостью и как бы приветствуя его, объехали и лишь затем приблизились к родительско-

му порогу. Как увидела мать едущих верхом сыновей своих, тут же бросилась им навстречу, стала целовать их, плакать от радости. Да что и говорить, она была уже старенькой, слегка сгорбленной. Разве тут не состаришься в тревожных думах об уехавших в долгое странствие сыновьях – ведь от них всё это долгое время не было никаких вестей.

Верно говорит народ: если впереди радость, горе остается позади. Обрадовалась старушка-мать, что её глазам наконец-то предстали сыновья живыми, невредимыми, да ещё с такими жёнами-красавицами; провела она их всех в дом, который когда-то выстроил сыновьям покойный отец. Войдя в отцовские покои, сыновья облегченно вздохнули, сбрасывая с себя дорожную усталость.

Вскоре мать приготовила вкусные кушанья, нарвала в саду яблоч, груш, на огороде – всякие овощи – и всё на стол. Затем пригласила она соседей и знакомых – пусть, видят, какими богатырями стали её сыновья, да и каких себе красавиц в жёны взяли, – и стала угощать.

– Ешьте, ешьте, – то и дело говорила она всем, подкладывая то одно, то другое кушанье, а особенно и с любовью угощала она своих невесток.

После вкусного и сытного угощения она попросила своих невесток рассказать о том, где они были, что видели и как собираются дальше жить.

Рассказали и сыновья всё, как было. Все слушали и восторгались их подвигами, особенно старушка-мать.

Несколько дней спустя оба старших сына, собираясь в обратный путь, предложили матери ехать с ними.

– Мать, – сказали они, – поехали с нами, в наше падишахство, погости у нас. А жить потом можешь, у кого захочешь.

Посмотрела мать на своих сыновей, да так, будто выбирая, у кого сначала погостить, и, приняв решение, сказала:

– Ладно, уговорили. Погощу у каждого из вас, посмотрю, как вы там живете, да и вернусь обратно.

Собралась старушка-мать в дорогу и поехала со старшими сыновьями. Погостила она то у одного, то у другого, порадовалась от ду-

ши их радостям, а жить вернулась обратно под родную крышу, где остался со своей красавицей-женой младший сын.

– Старших сыновей люби на расстоянии, а с младшим – не расставайся, – сказала сама себе старушка-мать.

Стали все три сына покойного богача жить со своими жёнами-красавицами в своих падишахствах на радость друг другу и особенно старушке-матери. Шли годы, у всех братьев родились дети, да такие красивые, будто спорили друг с другом в красоте. Старушка-мать постоянно навещала то одного сына, то другого, забавлялась их детьми, радуясь от всей души за таких прекрасных сыновей и внуков. Но жила она всегда у младшего сына и с ещё большей радостью забавлялась с его детьми.

Правда, если вдруг случалась какая беда, братья тут же приходили друг другу на выручку и всегда все вместе, дружно избавлялись от неё.

Да, права была мать троих сыновей, когда сказала им: «Где дружба в цене, там всегда победа». Не забывайте об этом и вы, дорогие читатели.

Истории мудрого странника

Было это или не было, только жил некогда в одном ауле старый пахарь. Был у него клочок скудной, не благодатной земли, которую он из года в год со всей присущей ему любовью к земле обрабатывал и засеивал этот клочок кукурузными семенами в надежде на то, что осенью, собрав хороший урожай, хоть как-то прокормит себя и семью свою. Но вся трудная жизнь пахаря и жизнь его семьи, состоящей из любящей и кроткой жены и трех малых деток, всецело зависела от того, каков осенью выдастся урожай и какую часть возьмёт себе староста аула. А староста имел привычку брать большую часть урожая, а оставшейся едва-едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду. И эта беспроектная нужда тяготила пахаря. В такие минуты он задавал себе вопрос: «Есть ли на свете человек, у которого бы не было горе?»

Однажды он обошёл все семьи аула и всех спрашивал: «Есть ли в их семье какое горе или беда?» – и оказалось, что у всех были свои беды и горести. У одних коза-кормилица пала; у других ребёнок утонул в горной реке; у третьих, как и его самого, угнетала нужда; у четвёртых и того хуже – с голоду пухли и умирали близкие; у пятых кого-то из семьи ни за что ни про что заточили в зиндан...

– А есть ли вообще на свете человек без горя? Или только на долю моих односельчан такая участь выпала? – спросил тогда опечаленный пахарь у своих земляков.

И те отвечали:

– Кто знает! Может быть, в больших городах и живут люди без горя, безбедно.

И вот тут-то пахарю в голову пришла мысль: отправиться странствовать, чтобы узнать: «Есть ли на свете человек без горя?»

Семь дней и семь ночей собирался пахарь в путь. Ни сна, ни отдыха не знал он все эти дни и ночи – то чарыки и одежду свою чинил, то часть своей еды откладывал, чтобы взять в дорогу. На восьмой день жена сложила в хурджун кукурузных лепёшек, а он вырубил себе в дорогу посох, ведь недаром говорят: «Путнику посох, что друг и попутчик», – и стал прощаться со своей горемычной семьей и односельчанами.

Весь аул пришёл проводить пахаря, все желали земляку здоровья и силы в нелёгком странствии.

– Земляки мои, помните, я не вернусь до тех пор, пока не узнаю, есть ли на свете человек без горя или нет? – сказал, прощаясь, пахарь и отправился в нелёгкий путь.

Долго шёл бедный пахарь под гору. Много раз над ним всходило то солнце, то луна, а он всё шёл и шёл, опираясь на посох. Наконец, горы остались далеко позади, а впереди показалась жёлтая пустыня. Здесь нестерпимо палило солнце, а ветер швырял горячие песчинки в лицо. Вдруг до слуха старого пахаря донёлся звон бубенцов, стук барабанов, переливчатые звуки флейты и пронзительные крики погонщиков. Пахарь заслонил лицо рукой, прячась от несущихся навстречу песчинок, и посмотрел вперёд. Навстречу шёл извивающийся в бесконечном пространстве караван верблюдов, навьюченных товарами.

Бедный пахарь обрадовался, что наконец-то встретил людей, у которых, как видно, нет ни горя, ни бедности, и заспешил к ним, нащупывая посохом себе дорогу.

– Добрый день, почтеннейший, – сказал он человеку в чалме и в дорогом чёрном халате. – Да пусть будет дорога твоя радостной.

– Да будет и твой день добрым, – ответили ему встречные. – Быть твоей дороге радостной... Откуда и куда путь держишь?

Рассказал им старый пахарь, кто он, откуда путь держит и зачем.

– Эй, человек правды, значит, ты идешь искать: есть ли на свете человек без горя? – сказал ему человек в чалме и чёрном дорогом халате. – Так слушай, я расскажу тебе о себе...

Человек в чалме приказал остановить караван и напоить утомившихся в долгой дороге животных. Затем сошёл с коня, расстелил на песке расписной ковёр, устало опустил на него и жестом руки повелел пахарю присесть рядом.

– Значит, ты хочешь знать: есть ли на свете человек без горя? – переспросил он пахаря. – Тогда слушай... Я поведаю тебе о себе... Я купец из далёкой приморской страны. Всю свою жизнь живу тем, что езжу в другие страны, закупая там товары, ну, скажем, фарфор, хрусталь, шелка, табак, порох и многие другие товары, и всё это перепродаю в своей стране. Казна моя, как догадываешься, не из бедных была и есть. Но раньше меня не радовало это богатство. Жена не могла родить мне сына. Каких только не приглашал я лекарей из других далёких стран, сколько не тратил денег, никто не мог помочь моему горю. Уже голова моя стала лысеть, а к пятидесяти годам я совсем полысел, а ребёнка у нас так и не было. Но однажды одни люди посоветовали отправиться мне в далёкую страну Чиме-Чина и купить у падишаха этой страны три яблока из его сада. Отправился я в эту страну; много мук и трудностей испытал в пути. Когда проезжали пустыню, поднялся такой ветер, какого в жизни своей не видывал, не знал. Караван мой заблудился и потерялся в этой проклятой пустыне. Три дня и три ночи дул этот страшный, злой ветер, гоня барханы песка. На четвёртый день ветер стих, будто его совсем и не было. Поднялся я с земли, отряхнул с себя песок, протёр глаза, посмотрел направо, потом налево, а от каравана моего и следа не осталось. Кинулся искать, туда побежал, сюда побежал, а караван свой так и не нашёл, а тут ещё во рту пересохло, пить хочется, умираю. Такое в пустыне, говорят, бывает... Вот и со мной случилось... Лёг я тогда в песок, схватился руками за голову, плачу и всё на свете кляню. «Ну, – думаю, – смерть моя пришла»... Сколько

я так лежал – не помню. Помню, что кто-то поднял меня, напоил водой, в чувство привёл... А это были купцы, которые тоже шли в страну Чиме-Чина за товаром. Рассказал я им, кто я, что со мной случилось, куда и зачем шёл. Пожалели они меня и взяли с собой.

Прибыл я в страну Чиме-Чина, предстал перед падишахом и рассказал ему о своих невзгодах и мучениях и попросил у него три яблока от бесплодия.

«Цена этим трём яблокам очень большая, тебе не по карману будет», – ответил он мне.

Я ему говорю: «Любую цену назначай, я готов заплатить, только бы был у меня наследник... Всё у меня есть, но нет наследника, кто бы взял в руки мою казну».

«Если так просишь, то полмешка золотыми», – назвал цену падишах.

Послал я в свою страну гонца. Написал в письме жене всё как есть и велел передать через этого гонца мешок золота.

Привез гонец мешок золота, заплатил я ему за труд, затем полмешка отдал падишаху страны Чиме-Чина. Купил у него эти три яблока, а на оставшееся золото накопил немного разных дорогих товаров и направился лицом к родным местам.

Не стану утруждать твою голову, человек правды, а скажу, что съели мы с женой эти яблоки, и у нас родился сын небывалой красоты. От радости ни я, ни жена места себе не находили, радостью наполнились наши до этого печальные сердца. По такому случаю устроил я пир небывалый. Семь дней и семь ночей гостям не было конца... Нанял я семь нянек, чтобы за сыном смотрели, вовремя кормили, сказки рассказывали, а когда вырос и грамоте научили. Так они за ним смотрели, так его растили и холили, что и за падишахским сыном так не смотрели. Кормили его вкусными обедами, рассказывали ему интересные сказки, ни на миг его одного не оставляли, всё, что есть лучшего, – всё для него делалось. Так он рос, не зная ни в чем отказа. И вот снова отправился я за товарами в страну Чиме-Чина. Думаю: «На старости лет приумножу свою казну». Пристал ко мне сын и говорит: «Я уже взрослый, хочу мир посмотреть». Не стал я ему отказывать, душа не пошла на это. Думаю: «Пусть едет со мной!»

Взял я его с собой. Едем, а он обо всём увиденном расспрашивает меня. Хоть и четырнадцать лет ему, всё же интересно знать, что к чему и для чего. Всему радуется, целует меня, обнимает за то, что я его с собой взял.

А когда мы прибыли в страну Чиме-Чина, он так и прикусил от удивления палец. Красота там какая! А дома будто на картинках нарисованы. Все разные, расписные!.. Вот он и удивлялся всему.

Пробыли мы там две недели, а он, бедный, возьми и заболей: губы опухли, на теле появились язвы. Стала его лихорадка бить. Каких только врачей я не звал на помощь. Даже врачей самого падишаха привёл. И всё напрасно. За три дня превратился он в сухой хворост и умер... Вай-вай, что я перенёс тогда!.. На теле своём живого места не оставил. Голову о камни и стены бил, тело и руки искусал, исщипал. Вот смотри! – Купец снял с себя папаху и показал свою в шрамах лысую голову. – Шутка ли, – продолжал он, – не было сына у меня на старости лет, наконец родился, и вот тебе: когда вырастил, выучил, человеком сделал, хотел казну свою завещать ему... – а он умер...

Похоронил я сына своего там. Поставил ему памятник из трехцветного мрамора, огородил его золотой оградой, оплакал, слёз в глазах не осталось. Собрал свой караван и вот возвращаюсь домой. Бедная старушка моя ещё ничего не знает об этом. Узнает, тут же Богу душу отдаст... Вай-й! Родился сын мой от яблок той земли и в ту же землю ушёл... Теперь вот и скажи, человек правды, есть ли у меня горе или нет?

Бедный пахарь вздохнул сочувственно, покачал головой и сказал:

– Да, дорогой купец, горе твоё непоправимое.

Вытер купец с глаз слёзы и говорит:

– Эй, человек правды, разве только у меня и у тебя горе? Не обошло горе и падишаха... Есть у него красавица дочь... Красоте её цены нет. Длинные косы, румяные щёки. Одна улыбка миллион стоит. А она больная. Вот уже много лет болеет... Живот у неё огромный. Говорят, что в её животе змея живет... Каких только врачей не приглашал Чиме-Чин падишах, и никто не может вытащить из живота

змею... Говорят, что змея на мёд и молоко выходит из своей норы. Пробовали так сделать, а змея не выходит. Что ест дочь падишаха, тем и змея питается... Пробовали уморить змею голодом. Тогда змея сосёт её кровь. Что только, говорят, не пробовали делать, чтобы спасти девушку... И ничего не помогает... Разве это не горе?..

Пахарь кивнул головой и говорит:

– Да, спору нет, это всё тяжкое горе.

Вскоре купец поднял свой караван, попрощался с пахарем, и они расстались.

«Не может быть, чтобы на целом свете не было человека без горя, – сказал про себя пахарь. – Пойду-ка в какой-нибудь большой город. Может быть, хоть там найду человека без горя!»

Много дней и ночей шёл пахарь. Много раз развязывал свой хурджун, стелил скатерть! Много раз мочил в родниках и речках свою шапку, чтобы голове было прохладно. Но, наконец, увидел он вдалеке город с каменной резной стеной и высокими башнями. Когда пахарь ступил в этот чудный город, то услышал дробные стуки барабана.

«Свадьба! – догадался пахарь. – Жених и невеста!.. Вот у кого не будет горя!» – решил он и поспешил в ту сторону, откуда доносилась музыка.

Дошёл он до того дворца, где играли свадьбу, и видит: огромный двор, а во дворе разбита палатка, а под ней сидят гости и едят изысканные обеды и пьют вина янтарные.

Недолго пришлось стоять пахарю у раскрытых ворот и смотреть на это развесёлое зрелище. Люди, сидевшие за свадебными столами, увидели его и догадались, что этот человек пришёл сюда издалека, так как одежда и чарыки на нём были в пыли и изорваны.

– Добрый чужестранец, почти нас и нашу свадьбу, посиди с нами, отведай наших угощений, – сказали они пахарю.

Пахарь пожелал благополучия и счастья молодым, но к столу не подошёл.

– Я не коснусь ваших угощений до тех пор, пока вы не проведете меня в комнату молодых... Хочу им задать один вопрос и услышать ответ, – сказал пахарь.

Не смогли жители этого города отказать старику. Провели пахаря в комнату молодых и оставили там вместе с женихом и невестой.

– Благополучия и счастья вам, дети мои, – сказал пахарь и поклонился. – Сам я житель далёкого горного аула, – продолжал он, – а отправился в дорогу лишь для того, чтобы узнать одну правду жизни...

Жених перебил пахаря и говорит:

– Если я могу помочь тебе в этом, то пожалуйста.

– Да, дитя моё, можешь помочь, – сказал пахарь и добавил: – Вышел я в дорогу, чтобы узнать: есть ли на свете человек без горя?.. Вижу, что у тебя нет горя, сын мой... У тебя сегодня свадьба! Радость!.. Не так ли я говорю?

Жених улыбнулся, тяжело вздохнул и сказал:

– Разве есть у кого такое горе, как у меня?!

Пахарь пожал плечами и растерянно спросил:

– Какое это такое у тебя ещё горе, сынок?

– Об этом пусть лучше моя невеста расскажет, – сказал жених.

Тогда пахарь попросил невесту поведать ему, в чем же всё-таки горе жениха.

Невеста откинула с лица край платка и сказала:

– Слушай, я тебе расскажу одну историю. А там сам, добрый человек, подумай и рассуди.

...В одном городе жили и живут два друга. Оба они состоят на службе у падишаха. Вскоре они поженились и у них родились дети: у одного – сын, у другого – дочь. Устроили друзья по такому случаю веселье, гостей пригласили, яствами угощали, и на этом застолье один друг, крепко подвыпивший, сказал другому:

– Друг мой, беру твою дочь в невесты моему сыну.

Тот похлопал друга по плечу и ответил:

– Дорогой, быть по-твоему: отдаю свою дочь в невесты сыну твоему.

Они наполнили свои кубки и выпили, закрепляя свой договор.

Так дочь одного друга с пелёнок стала наречённой сына другого друга.

Шли годы, и наречённые дети росли. Девочка помогала матери в хозяйстве, училась ткацкому ремеслу, обеды готовить. А мальчик

целыми днями бегал по пыльным улицам с ребятами, играл в чехарду, сражался на саблях.

Но однажды, когда девочке исполнилось тринадцать лет, она вышла за городскую стену, чтобы нарвать цветов. И встретился ей юноша. Он сидел на холме среди цветов, играл на сазе и пел песни.

Увидел юноша девушку и крикнул:

– Красавица, иди посиди со мной! Я тебе песни спою!

Девушка села рядом, и он стал петь ей такие песни:

Здравствуй, девушка-красавица! Слушай песенку мою.

Ты во всей округе слависься, о тебе везде поют,

Что глаза твои – алмазы, в них небес всех бирюза.

Очаровываешь сразу, гибок стан твой, как лоза.

И в губах твоих, что в розе, младость свежестью пылает,

И её сорвет лишь равный, – тот джигит, что обретает

Свою радость в час жестокий, в час ответственный и славный.

Твоих взглядов пить источник наслаждения и славы.

И горят краснее яблоч райских щёки от смущенья.

Перед ними – всякий слабый, в них – прощенье и отмщенье.

И твоей красою наслаждаются не грубо.

Кто тебя хоть раз полюбит, тот вовеки не разлюбит...

Много песен пропел юноша в этот день. И все песни о любви, о красоте, о весне.

А вечером они разошлись и пообещали друг другу снова встретиться на этом же месте.

Девушке понравились песни юноши, и она стала всё чаще и чаще приходить на этот холм. Вскоре они так подружились, что дня не могли пребывать в разлуке.

– Хочешь, я научу тебя играть на сазе и песни сочинять? – спросил как-то юноша.

Девушка ответила:

– Да, очень хочу.

И он посоветовал ей петь о том, что она думает, о чём переживает.

– В таких случаях песни сами рождаются. Они от самого сердца идут, – сказал юноша.

А однажды он песней признался ей в любви:

*Гаснут зори ранние.
Кружка – в ней вино.
Сердце мое ранено.
Ты тому виной.*

В ответ девушка пропела следующее:

*Гнездышко я в сердце твоём свила,
Жизней сто чужих перелистав.
Твоё сердце ядом отравила я,
И тот яд хмельным шербетом стал.*

Так они объяснились в любви и крепко полюбили друг друга.

Прошёл год, второй, третий, а они всё больше и больше любили друг друга. А вскоре стали поговаривать о свадьбе. Бывало, он нарвёт в горах цветов, сплетёт из них благоухающий венок, наденет ей на голову и скажет:

– Ты самая красивая на всём свете. И мне никакая другая больше не нужна.

А она только смеялась, радовалась и была в постоянном восторге от любви к своему избраннику.

Но как-то он сказал ей, что она дочь шахского слуги, а он сын бедной прачки и что у него нет денег на свадьбу и на калым.

Тогда девушка ему ответила так:

– А я своим родителям скажу, чтобы они меня без калыма выдали.

– Так не бывает... Это наш обычай, – сказал юноша и добавил:

– Я лучше отправлюсь в далёкую страну и наймусь на любую работу. Заработаю много денег, и мы поженимся.

Как только не отговаривала его девушка никуда не отправляться, а он так и не переменял своего решения и, расставаясь, со слезами на глазах пропел ей такую песню:

*Ухожу я в заморские дали, унося в своём сердце любовь,
И как долго бы мы не страдали,
через годы мы встретимся вновь.*

*Для тебя я достану и звезды, и луну на ширазском ветру,
Не тревожись, моя дорогая, сохрани теплоту своих рук*

*И, открывши тяжелые двери, сердце я для тебя сберегу.
Только ты сохрани свою верность на далёком на том берегу.*

*Ну а если ты вдруг улыбнёшься, приоткинув немного чадру,
Проходящему юноше – солнцем, я проклятья свои отопру:*

*Пусть орла в небе ласточка сменит,
пусть хохочет сова в тишине,
Горький яд твоей подлой измены жизнь отравит и мне и тебе.*

Девушка взяла из его рук саз и пропела:

*Где бы тебя не носила судьба, где б не пришлось пройти,
Верного сердца звучащий саз звать тебя будет в пути.*

*Как бы меня не терзала судьба, выдержу я и дождусь.
В сердце любви играет твой саз, слёзы из глаз, как дожди.*

Кончив петь, девушка в первый раз припала к груди своего возлюбленного и поцеловала его – по всему было видно, что ещё больше воспламенились сердца их великой любовью друг к другу.

Так он и ушёл на заработки, а она долго смотрела ему вослед и горько плакала.

После того как они расстались, девушка стала всё чаще и чаще приходить на этот холм и предаваться радостным воспоминаниям. Она подолгу смотрела с этого холма на дорогу, по которой ушёл

её возлюбленный. А вскоре она почувствовала, что без него не сможет жить на свете, и от этого рассудок её помутился, благоразумие покинуло её, а слезы разлуки не переставали течь из глаз.

Видели всё это родители и обеспокоились: не заболела ли их дочь? Наконец они поняли, что её что-то беспокоит. Долго упрашивали родители рассказать причину её тревоги.

И однажды она, в тайне от отца, во всём призналась матери. А мать всё передала отцу. Отец сильно разгневался на дочь и крикнул:

– Горе тебе, блудница! Я тебе покажу как влюбляться в какого-то там бездомного бродягу... У тебя уже есть жених. Ты, бесстыжая, ещё с пелёнок наречена за сына моего друга.

– Нет, я не буду его женой, – вскрикнула дочь и зарыдала. – Не буду! У меня уже есть жених. Я его полюбила всем сердцем.

И она запела:

*Если зло не в силах сделаться добром,
Я сойду с ума, мои родные,
Золото не станет серебром,
А сады не вырастут из дыма.
Ворону вовек орлом не стать,
Камень пухом – нет! – не обернётся.
А любовь, как истина, проста:
Он ко мне таков – как есть – вернётся.*

*Он уже живёт в моей душе,
Он мне снится, хоть и на чужбине.
Лучше смерть, чем жить не по любви,
Камень лучше, чем его нести по жизни.*

Но отец девушки был глух к её словам.

– Быть по-моему, блудница, – сказал он ей.

Два раза она убегала из дому. Но её ловили и приводили домой. А вскоре злой и бессердечный отец девушки принёс в дом огромный сундук с дырками, посадил в него дочь свою и повесил на него замок.

Сколько дней и ночей пробыла девушка в этом сундуке – она сама не знала, не ведала. За это время весь сундук пропитался её горькими слезами. Так она, бедная, плакала, что услышавшие её плач сами разревелись бы.

Через некоторое время пришли сваты от друга отца. Обрадовался отец девушки и назначил день свадьбы. Когда об этом узнала несчастная девушка, она потеряла рассудок, а коса её тут же поседела, словно её окунули в расплавленное серебро. Девушку побрызгали водой, привели в чувство и через несколько дней повезли в дом жениха, где уже играли свадьбу. Всю дорогу плакала горькими слезами бедная девушка, оплакивая судьбу и любовь свою к юноше, который ради её счастья отправился на нелёгкие заработки. И поняла, что слезами ничего не изменишь – каменные сердца не растопишь, – и решила: что лучше умрёт, но не будет принадлежать нелюбимому мужу. И девушка сочинила песню. В эту песню она вложила все свои думы и надежды, всю свою тоску по любимому. Вот такая это песня:

*Друг мой единственный, друг мой любимый!
Нас разлучают. Вины моей нет.
Воспоминанием встречи стали,
свет мне не белый, а чёрный мне свет.
Горе какое! – любить нелюбимого,
волка овца разве может любить?
Всё пролетело так быстро и мимо,
Трудно всё это сердцем забыть.*

*Милый мой, вот моя верная гибель,
ты мне простишь, я надеюсь, вину:
Лучше спокойная пропасть могилы,
лучше навеки с любовью усну.*

Невеста закончила свой рассказ и спросила пахаря:

– Ну, как ты считаешь, есть ли горе у этой несчастной девушки?

Пахарь покачал головой, тяжело вздохнул и ответил:

– Да, это страшное горе, и не только для самой девушки, но и для жениха, за которого насильно её выдали. И ещё большее горе возлюбленному, который отправился ради великой любви на заработки. Как он узнает, что любимая девушка вышла за другого и обманула его, он отдаст себя на вечное истязание или покончит с собой. Горе их родителям и близким... Да, дочь моя, этому горю нет равных.

Когда невеста услышала слова пахаря, вдруг заплакала навзрыд и сказала:

– Так знай же, человек правды, всё то, о чём я поведала тебе, это случилось со мной... Но я в вашем присутствии заявляю моему наречённому жениху, что всё равно убегу от него или покончу с собой.

Пахарю до слёз стало жалко и несчастную девушку, и её возлюбленного и наречённого жениха, и их родителей, и он сказал:

– Всё во власти судьбы! Да пусть всё кончится хорошо, и каждый добьётся желаемого.

Сказал так пахарь, поклонился, попросил прощения и вышел во двор. А во дворе по-прежнему играла музыка и сыпались дробные звуки барабанов. Гости пели, плясали, ели заморские блюда, производили тосты за счастье молодых и их родителей...

Пахарь усмехнулся всему этому зрелищу и заспешил скорее удалиться. Но его заметили и стали звать к столу. Тогда пахарь сказал им:

– Нет, не стану я пить за горе, нависшее над женихом и невестой, над их родителями и близкими.

Собравшиеся подняли на смех слова пахаря, а пахарь, не обращая внимания на эти усмешки, спросил присутствующих:

– Люди добрые, скажите, есть ли кто-нибудь из вас без горя?

И все ответили:

– Нет! У каждого из нас своё горе. У одного оно больше, у другого поменьше!

Пахарь между тем взвалил на плечи свой хурджун, окинул взглядом гостей и заспешил за ворота. За городской стеной в роднике он помыл лицо, руки, ноги, намочил головной убор и надел его на голову.

«И всё-таки я должен найти на свете человека без горя», – сказал он в сердцах и пошёл дальше, опираясь на свой посох.

Много ли дней он был в дороге – это ему знать, но нам ведомо, что, наконец, ранним утром он добрался до одного небольшого бело-каменного города.

В начале он решил отправиться на рынок. Здесь пахарь подошёл к мясной лавке и, поклонившись старому мяснику, сказал:

– Доброе утро! Да будет удачной твоя торговля!

Мясник посмотрел на пахаря и понял, что перед ним чужестранец.

– Да пусть и твоё утро будет добрым, чужестранец! – ответил он. – Вижу издалека к нам пожаловал. Какая дорога к нам привела?

Посмотрел пахарь на мясника доверительно и поведал ему, кто он, откуда и по какому делу в этих местах. Рассказал также обо всём, что увидел и узнал.

Выслушал мясник рассказ чужестранца и прослезился:

– Ты рассказал мне о своём горе и горе тех людей, которых тебе довелось встретить в пути! Да, всё это действительно горе. Но моё горе во много раз сильнее. Человек правды, пойдём со мной в дом, и я поведаю тебе о своём горе!

Мясник закрыл свою лавку, повёл пахаря к себе домой, накормил его, и начал свой рассказ.

– Итак, слушай... Как ты уже видел, я – мясник, имею свою лавку. Покупаю живность, режу, как учил меня мой дед, и продаю. Барыши на этом деле неплохие, слава Богу! Всё у меня было. И дом каменный, и казна, и ковры. Как говорится: живи и никому не завидуй. Если у меня спросишь: куда всё это делось? – ты будешь прав. Теперь же, как ты видишь сам, живу я в этой низкой сакле и в ней пусто: четыре стены, два стареньких коврика, на которых спим я и сын мой... Лучше бы родила мне жена камень, чем такого сына... Сначала всё было хорошо, но случилось так, что сын мой сдружился с ничтожными людьми и сам стал таким же, как они. Стал с ними в джай играть на деньги. Первый раз он попросил у меня десять золотых монет, потом – пятьдесят, затем – сто. И дошло до того, что он всё стал таскать из дому и проигрывать... Правду говорит народ:

упустил голову – за хвост не удержишь... Так у нас и получилось: вовремя не удержали сына от всего этого, а потом уже и не смогли, как не старались... Всё, что было дома, проиграл. Всех нас раздел и разул... Женили мы его. Нашли красавицу из красавиц... Думали, ради жены и любви к ней перестанет в джай играть, поумнеет. Где там: горбатого и прямая дорога не сделает прямым... Проиграл он такому же, как и он сам, подлецу, жену свою... О, бедная! Как она плакала, как билась головой о землю, о стены, о стол – у увидевшего всё это сердце пополам лопнуло бы. Не давали мы невесту свою отвести к тому, кто выиграл её, а он – да чтобы сдох! – достал нож и говорит: «Уйдите, не мешайте... Я проиграл её... Будете вмешиваться – убью всех и её убью!.. Какая разница, с кем будет жить!» Так силой и угрозой связал жене руки, а рот заткнул грязной тряпкой, чтобы не кричала, и поздно ночью отвёл... Это ещё полбеда, полгоря!

Однажды он проиграл и родную мать, молоком которой был вскормлен. Да чтобы собственной кровью ему захлебнуться! Пришёл он домой, и всё вокруг матери своей ходит. А в кармане нож держит... Хочет мать родную убить. Она на кухне обед для него готовила. Дома никого не было... Догадалась мать, что сын неладное задумал – убить её хочет, и пропела из одной песни такие строки:

*Воды из арыка можно испить,
пустыня, поверьте, вам горло иссушит.
За золото можно полмира купить,
но мать и отца ни за что ты не купишь.*

Когда сын услышал, о чём пропела мать, не выдержал, расплакался, хлопнул дверью и пошёл к тому, кому проиграл жизнь матери, и говорит: «Не могу мать убить, рука не поднимается. Хочешь, я вместо матери отдам обеих сестёр своих?»

Пока они договаривались, я и две дочери моих вернулись домой. Жена со слезами на глазах, вся бледная, как зола, рассказала, как сын хотел убить её... Не стал я мешкать, собрал жену и дочерей в дорогу и тайком отправил их к теще. Пришёл сын в тот вечер поздно,

увидел, что ни сестёр, ни матери нет дома, и пристал ко мне: «Где сёстры мои, – кричит и трясёт меня за ворот. – Я договорился за жизнь матери отдать сестёр своих... Где? Где они?!» А я ему: «Сам не знаю, куда уехали». А он: «Знаешь, знаешь! Где, говори!» Долго он колотил и тряс меня. Но я так и не сказал правду. Разозлился он, ударил меня по голове, плюнул в лицо и ушёл. Три дня, три ночи не приходил... Думал что, наконец-то кто-то убил его, подлеца. Но нет, пришёл на четвёртый день ко мне в лавку и потребовал пятьсот золотых. Говорит: «У кого хочешь, займи и дай, иначе убью!» Ничего не оставалось делать. Занял и дал.

Видит он, что из дома нечего уже таскать, стал в лавку ко мне приходить и всю выручку подчистую забирать. Задолжал я, продал свой дом, отдал долги, а на оставшиеся деньги купил вот эту саклю, вот и живу в ней, как видишь.

Люди советуют и мне тайком от сына – да чтобы ему сойти в могилу – уехать в другой город. Ибо от него так не избавишься. И вот я решил скрытно от сына накопить немного денег, продать свою лавку и уехать. Скоро уже три месяца будет, как я задумал это дело. Но сын – да чтобы ему кровью харкать и умереть – каждый день приходит в лавку, пугает меня, а иногда и бьёт и забирает всю выручку. Устал я от такой жизни. Иногда думаю покончить с собой.

Мясник заплакал, обнял пахаря и говорит:

– О, человек правды, дай совет мне: что делать дальше, как жить?

Не успел пахарь и рта открыть, как в саклю вбежал сам сын мясника. Подбежал он к отцу, схватил его и говорит:

– Хоть сверху земли, хоть снизу, откуда хочешь достань мне пятьсот золотых.

– Где же я тебе достану! Никто мне больше в долг не даст. Да и рассчитывать нечем, – взмолился мясник.

Тогда сын мясника пристал к пахарю – гостю дома.

– Откуда у меня деньги, я бедный странник, – сказал пахарь.

Сын мясника схватил гостя за ворот и выставил на улицу, а вслед и посох, и пустой хурджун выбросил.

Поднял пахарь с земли свой хурджун, взял в руку посох и поспешил быстрее уйти от греха подальше. А из сакли бедного мясника доносились крик и плач. Это кричал сын, а отец умоляюще плакал.

«Да что же это такое: сколько исходил дорог, скольких встретил людей, и у всех горе, одно хуже другого! – думал так пахарь, шагая по пыльной дороге. – Наверное, только падишахи живут без горя!.. Пойду-ка прямо к какому-нибудь падишаху, – решил пахарь, – узнаю, есть ли у него горе?! У него-то наверняка не будет горя».

Как решил, так и сделал.

Семь дней и ночей находился пахарь в пути. Семь перевалов прошёл, семь раз в ущелье спускался и семь раз поднимался, у семи рек отдыхал и семь раз чинил свои чарыки и вот прибыл в большой город. Спросил он у горожан, где находится падишахский дворец, и заспешил туда. Не успел пахарь пройти и трёхсот шагов, как издали увидел высокие дворцовые стены. Подошёл он к чугунным воротам и постучался. Слуги открыли маленькую дверь и спросили:

– Зачем пришёл?

Пахарь рассказал, что он чужестранец и что лично хотел бы поговорить с падишахом. Слуги доложили падишаху, тот разрешил, и перед ним открылись двери во дворец. Пахарь как вошёл, так и ахнул от удивления. Его глазам предстала такая красота, какую он никогда ещё не видывал. Повсюду благоухали цветы, всюду журчали прозрачные ручьи, струились фонтаны, деревья макушками доставали небо, и росло на них множество разных плодов – только смотри и будешь сыт. С ветки на ветку перелетали изумительные птицы и щебетали на разные лады. Пахарь так засмотрелся на эту красоту, что на время даже забыл, где он и зачем пришёл. Внезапно до его слуха донеслись звуки музыки, песни и хлопанье в ладоши. Пахарь повернулся и увидел на лужайке беседку, огороженную низенькой каменной стеной. А в беседке веселились какие-то люди. Пахарь собрался было подойти к ним в надежде на то, что среди этих людей есть и падишах, но в это время царский слуга предложил ему идти прямо по дорожке.

– Падишах у себя на хейвуне, – сказал он.

Пахарь, оглядываясь по сторонам, незаметно дошёл до огромного каменного дома. Когда пахарь поднял голову вверх, чтобы посмотреть на росписи, которые украшали дворец, то на балконе увидел высокого, стройного человека красивой наружности с белой бородой. Это был сам падишах.

– Здравствуй, чужестранец! – первым поприветствовал его падишах. – С чем пожаловал в мою страну?

Пахарь поначалу растерялся и не знал, что ответить. Но когда он понял, что к чему, отбил падишаху поклоны, пожелал ему долгих лет жизни и сказал:

– Я житель далёкой горной страны, а вышел я в путь, чтобы узнать: есть ли на свете человек без горя?.. Вижу что, наконец, нашёл человека без горя...

Тут падишах перебил его и сказал:

– Не спеши, человек правды. Лучше поднимись ко мне наверх и расскажи, какое у тебя горе? Где ты был, что слышал, что видел? А потом я расскажу о себе.

Пахарь поднялся на хейвун, ещё раз поклонился и, сев на предложенное падишахом место, стал рассказывать, кто он, как живёт, в каких землях побывал, каких людей встретил, что видел и что пришлось ему слышать.

– Но нигде я так и не встретил человека без горя, – заключил пахарь с досадой свой рассказ и добавил: – И тогда решил я пойти прямо к вам и спросить: есть ли у вас горе или нет? Думается мне, что у хозяина такого поистине райского сада не должно быть горя.

Падишах ударил в ладоши, и тут же перед ним предстал слуга и сказал:

– Слушаюсь и повинуюсь!

Падишах приказал расстелить скатерть и подать гостю угощение. Когда угощение было подано, падишах заговорил:

– Позволь мне, человек правды, посочувствовать твоему горю и горю тех, о которых ты только что поведал. Но я попрошу тебя, человек правды, набраться терпения и выслушать то, о чём я поведаю тебе.

Они уселись поудобнее, и падишах начал:

– Когда был жив мой покойный отец – чтобы прах его, воспоминаниями не побеспокоить! – сел я на своего коня и отправился в дальний лес на охоту. Ехал я по лесу и вдруг набрёл на огромное дерево. Подъехал к дереву, спешил с коня и думаю: «Сяду в тени дерева, отдохну». Едва я привязал коня, как услышал женский стон. Я осмотрелся по сторонам и догадался, что крики доносятся изнутри этого дерева. Я обошёл его вокруг, ища вход. Но входа нигде не было. А влезть на дерево я не мог, потому что его нельзя было обхватить. Рядом с деревом росло другое, гибкое. Я тут же догадался: чтобы влезть на огромное дерево, нужно пригнать к нему растущее рядом гибкое дерево и влезть по нему. Я так и сделал. Когда я взобрался на огромное дерево, то увидел там дупло и заглянул в него. О, ужас! Мои глаза увидели чудовищное зрелище. Какой-то юноша в богатой одежде избивал розгами связанную по рукам и ногам девушку и приговаривал: «Выходи за меня замуж! А то убью и здесь оставлю. И никто не узнает о твоей смерти. Выходи, говорю, за меня замуж!» А девушка кричит, стонет, заливаясь слезами и отвечает: «Убивай! Не пойду. Не пойду!» А юноша опять всё сильнее бьёт розгами девушку и топчет её грудь ногами. Устал юноша истязать девушку, вытер с лица пот и говорит: «Я завтра вновь приду и вновь буду требовать твоего согласия... Знай: или выйдешь за меня замуж, или обретёшь здесь смерть!» Он собрался уходить, но тут заметил меня, натянул свой лук и выстрелил. Стрела угодила мне в ногу, и я свалился с дерева. Затем юноша выбрался наружу и, увидев меня, распростёртого на земле, прыгнул и стал душить. В глазах моих всё пошло кругом, всё потемнело, казалось, что я испущу дух. Но тут рука моя коснулась стрелы, которая торчала в моей ноге. Я напряг все свои силы, вырвал её и проткнул разъяренному противнику горло. Он разжал свои руки и свалился на землю, истекая кровью... Убил я его, затем приложил к своей ране траву, перевязал её, и, вновь забравшись на дерево, спустился в дупло, где лежала связанная девушка. Когда я спустился, то увидел, что дно дупла обложено камнями, на полу рядом со связанной девушкой валяются десятка три розг.

Я освободил девушку, поднял её, и – о чудо! – глазам моим предстала красавица, какой я ещё в жизни никогда не видел. Я спросил её: «За что же он так жестоко обошёлся с тобой?»

Она упала передо мной на колени, стала целовать мне ноги и упирашивать:

– О, юноша, спаси меня от этого злодея.

Я сказал, что она спасена, что злодей этот лежит мёртвый, и вновь попросил её рассказать: кто она и за что так жестоко обошёлся с ней этот палач?

– О, юноша! – сказала она. – Знай, я дочь падишаха Востока, и имя моего отца Фарадж, а меня зовут Десте-Гуль. Везир моего отца влюбился в меня и стал всюду преследовать. Я отвергла его и предупредила, что, если он не оставит меня, я расскажу обо всём отцу. Везир испугался моих угроз и ночью, связав меня, похитил. Привёз сюда в лес, спустил в это дупло и насильно стал требовать моего согласия выйти за него замуж. Ровно год, как не ведомо никому томлюсь я здесь, в дупле. Каждый вечер он приходил, чтобы добиться моего согласия выйти за него замуж. Но я отвечала ему: «Нет». И он всякий раз избивал меня до тех пор, пока я не теряла сознание... О, мой спаситель, прикажи мне умереть, я ради тебя умру! – воскликнула тогда девушка и расплакалась.

Я сказал, что такая красавица должна жить и своей красотой тешить друга своего.

– Быть мне твоей жертвой, мой спаситель, – сказала она.

Я посадил её позади себя и пришпорил своего скакуна. Через некоторое время мы подъехали к одной крепости, окружённой толстыми стенами. Это было падишахство её отца. Безмерно обрадовался отец тому, что наконец-то дочь нашлась. Приказал он стелить мне под ноги дорогие ковры, жечь в честь меня плошки, накрыть стол угощениями и лишь потом сказал:

– За то, что ты спас мою дочь от этого злодея, я отдаю её замуж за тебя. Ты достоин её любви, добрый человек!

Тогда я спросил:

– Пожелает ли она сама быть моей женой?

Десте-Гуль пала передо мной на колени и произнесла:

– Да, я согласна! Другой мне во веки не нужен!

Назначили день свадьбы, и стали мы жить и веселиться в кейфе. Так мы жили год, а ребёнка у нас в этот год не было. Не родился у нас ребенок и на второй год, и на третий год... А всё из-за проклятого везира, который её изувечил.

Но я никогда не попрекнул её за это. Да и виновата ли была она в том, что какой-то злодей избивал её розгами? Она чувствовала всё это и очень любила меня.

Но в один из дней гонец вручил мне послание, где писалось:

«Мне, младшему брату покойного везира, стало известно, что мой старший брат был убит тобой, а поэтому я должен отомстить: убить тебя. Жду тебя такого-то числа в такое-то время в таком-то месте. Кровь за кровь! Смерть за смерть! И подпись: Младший брат везира».

Ничего не оставалось делать, отправился я в назначенный день и час биться с ним. «Или я, или он», – сказал я тогда сам себе. Рассказал обо всём жене, а она поцеловала меня и говорит:

– Худо кумек эшму! – и надела мне на палец своё обручальное кольцо. – На счастье... Когда тебе будет трудно, ты посмотри на кольцо и вспомни меня. Знай, что я жду тебя и верю в твою победу... И ещё знай, что без тебя не будет и меня. Если любишь меня – одержишь победу.

Сел я на своего скакуна и поехал. Прибыл я в такое-то место и вижу: сидит на коне здоровенный юноша и дожидается меня.

– О, негодяй! – закричал он на меня. – Как будем биться?

Я ответил ему так:

– Любое искусство борьбы доступно богатырю одинаково.

– Значит, так! – и брат покойного везира поднял щит и, обнажив меч, с быстротой сокола ринулся на меня. Когда наши кони сошлись, завязался бой. Долго бились, но так никто из нас не мог одержать победу. Тогда мы стали колотиться пиками, и опять ничего не получилось. Тогда стали стрелять друг в друга из луков и опять ничего. Стали накидывать арканы... Как только мы не бились, никто из нас не мог победить. Мы так устали, что впору было упасть на землю

и умереть. Дошло дело до рукопашной, как только я не старался, но побороть, придавить противника к земле так и не мог. Он был ловким, изворотливым, сильным. Но случилось так, что он схватил меня, пригнул к земле и говорит:

– Вот и смерть твоя пришла. Привяжу тебя к хвосту коня и по колючкам протащу, а потом мёртвым в город повезу. Пусть все видят, как брат отомстил за брата. Пусть все видят, какое ты ничтожество... Пусть все знают, как ты подло убил моего брата...

Лежу я под ним и нет сил дальше сопротивляться. «Ну, – думаю, – всё, смерть пришла». Но тут вдруг я увидел у себя на руке кольцо, которое надела мне жена, вспомнил её наставления, её лицо и почувствовал в теле своём прилив силы.

«Нет, – сказал я тогда себе. – Я люблю её. Она меня тоже. И я должен ради нашей любви победить врага своего, чего бы мне это не стоило!»

И тут я собрался с силами, изловчился, схватил противника за пояс, крикнул во весь голос, да так, что в небе замерли птицы, и сбросив его с себя, поднял над головой и, крикнув сильнее прежнего, ударил о землю. Так я победил своего сильного противника... Нет, это не я победил. Это любовь победила врага. После этого случая мы с женой ещё крепче полюбили друг друга. Минуты не могли пробыть друг без друга.

Но случилось так, что жена вдруг заболела и слегла в постель. Каких только ловловиго я не приглашал, какие только не тратил деньги. Только бы вылечили они мою любимую. Я знал, что без неё у меня не будет больше жизни. Но никто помочь мне не мог. Все говорили, что она неизлечима и скоро умрёт.

Перенёс я её в другую комнату, чтобы спокойней ей там было, приставил к ней сорок слуг и семь самых лучших врачей, да и сам целыми сутками сидел у её постели. О еде, о сне и покое позабыл. А она кровью кашляет, да в жар её бросает.

– Умираю! Ой-й, умираю!.. Убейте меня! Умираю, – кричала она в бреду.

А я обнимаю её, плачу и говорю:

– Нет, ты не должна умереть. Что я буду делать без тебя?..
Не оставляй меня одного. Я люблю тебя.

Так она болела целый год.

Но в один из дней, когда ей немного стало лучше, она говорит мне:

– Вот я умру. Обещаешь мне никогда не жениться на другой и никогда не иметь дело с другими женщинами?

Я ей говорю:

– Да, обещаю! – а сам плачу.

А она мне опять:

– Я не верю твоим словам... Если ты сказал правду, то сходи к резнику и пусть он лишит тебя способности иметь дело с женщиной... Если ты это сделаешь, то я смогу спокойно умереть.

Я ей стал возражать, говорить, что я и без этого сдержу своё слово.

А она:

– Нет! Я не верю... Сходи к резнику.

На другой день ей опять стало плохо, и она в бреду и слезах вновь потребовала, чтобы я сходил к резнику.

Ничего не оставалось делать, и я решил ради нашей любви сходить к резнику и сделать всё так, как хотела жена. Лишил он меня возможности впредь иметь дело с женщиной. Поболел я немного и вскоре явился к больной жене и сказал:

– Я сделал всё так, как ты хотела... Теперь ты веришь, что я люблю тебя и что говорил правду?

Она ответила:

– Да, верю. Теперь могу спокойно умереть.

Но случилось так, что она с каждым днём стала чувствовать себя лучше и лучше. А вскоре встала с постели и стала ходить по комнате. Я был так рад, что места себе не находил: дни и ночи проводил рядом с ней, всякие небылицы ей рассказывал – только бы было ей хорошо. Даже овсунечи приглашать стал, чтобы ей сказки рассказывали и тем забавляли её. Вскоре она поправилась, похорошела, обрела прежнюю красоту.

Но однажды она мне сказала:

– Я люблю тебя, но ты как мужчина для меня непригоден... Мне нужен мужчина. Я так больше жить не могу.

Выслушал я жену, опечалился и сказал:

– Ведь я лишил себя этих возможностей из-за любви и верности к тебе. Ты же сама требовала этого.

– Да, но я женщина и мне нужен мужчина, – сказала она мне.

Через несколько дней я случайно застал её в объятиях моего везира. О, как это было жутко! Я так и застыл на месте, слова сказать не мог. Но когда пришёл в себя, сильно разгневался и ударил её по щеке. Первый раз в жизни. Она заплакала и ушла в другую комнату.

Через несколько дней я застал её в постели с сыном садовника. Я зло вышвырнул за двери сына садовника. А жену безжалостно избил...

Но тут я понял, что ни угрозы, ни избиения жене не помогут. Что случилось, то случилось. Стала жена моя каждый раз новых и новых любовников приглашать к себе. Соблазняет их, спаивает и с каждым удовлетворяет своё желание. И всё это на глазах моих... Видят всё это глаза мои, а язык сказать ничего не может. И всё из-за моей дурной головы и безмерной любви к жене. Ни этот райский сад, ни моё богатство, ничего теперь меня на свете не радует. А всё через жену мою. Горе и страдание свалилось на меня и на мою голову. И нести мне всё это, пока не умру. А когда умру, кто знает!.. Вот какое горе у меня, человек правды, – закончил падишах и тут же, указывая на беседку в саду, добавил: – Вон видишь в беседке кейфующих людей? Спроси у меня: кто они такие? Правду сказать: сам не знаю. Но знаю, что все они бродяги, бездельники, плуты и любовники моей жены. Целыми днями они так веселятся, пьют, едят, музыку слушают, а когда всё это надоедает им, отправляются в покои моей жены и предаются прелюбодеяниям. И какой только бес вселил в неё столько страсти! Радость и веселье, ликование и довольство сопутствуют ей каждый день. Мне же, вот уже сколько лет, сопутствует горе и уныние, раскаяние в совершённом и беспомощность во всём, позор и унижение. Живу я, имея всё на свете, и в то же время ничего не имею. Душой таю, без слёз плачу и каж-

дый день, видя все злые проделки любимой жены, только об одном прошу Всевышнего: «Или пусть меня лишит жизни или её». Но тот, что над нами, глух к моим мольбам... Теперь скажи мне, человек правды, есть ли на свете человек с большим горем, чем моё горе?

Пахарь сочувственно и тяжело вздохнул и сказал:

– Да, всемилостивый падишах, горю твоему нет предела. Горе других может забыться. Но твое горе, пока глаза твои видят, пока сердце бьётся в груди всегда с тобой.

Семь дней и ночей пробыл пахарь в гостях у падишаха. И всё это время падишах уделял гостю почтительное внимание. А на восьмой день, когда пахарь собрался уходить, падишах наполнил его хурджун золотом и сказал:

– Ступай теперь, человек правды, под крышу родного крова, там ждёт тебя семья. А человека без горя нигде ты не найдёшь. Построй себе хороший дом, открой лавку и займись торговлей. Сделаешь так, как я наставляю тебя, – и о своём горе забудешь. Не сделаешь – живи как знаешь.

Попрощался пахарь с добрым и гостеприимным падишахом, поцеловал подол его халата и покинул дворец.

Сорок дней и ночей находился пахарь в дороге. За это время он сорок раз спускался в глубокие ущелья и овраги, сорок раз взбирался на высокие горы, сорок гор и перевалов перешёл, в сорока реках умывался и пил воду. Во многих городах и аулах побывал, многие базары посетил, со многими людьми встречался и говорил и, наконец, добрался до своего аула. Увидели жители пахаря и пошли за ним, чтобы поскорее новости узнать. Вошёл он в свою саклю, обнял жену и детей, а потом сказал во всеуслышание:

– Много земель исходил я, многих людей встречал, у самого падишаха погостил, но нигде так и не встретил человека без горя.

– Муж мой, неужели нигде так и не нашёл ни одного человека, у которого не было горя? – спросила жена, сомневаясь.

Рассердился пахарь на жену свою, мол, ещё сомневается, и хотел было уйти. Но земляки стали просить его, чтобы он рассказал всё, что с ним было в странствиях, кого он встречал, что видел, слышал.

Много дней и ночей рассказывал пахарь обо всём землякам, и все слушали его, кивали головами и восклицали: «Машалла! Машалла!»

Через несколько месяцев пахарь выстроил себе на подаренное падишахом золото дом, отправился в большой город, закупил там разных товаров, привёз все в свой аул и открыл в новом доме лавку. Зажил бедный пахарь, не зная ни нужды, ни горя.

Но жить ему без горя пришлось недолго. Рядом с его домом стоял дом одного портного. Этот портной был злым и завистливым человеком. Он никому не желал добра и всё старался быть лучше других односельчан. Но когда семья пахаря переселилась в новый дом и зажила без нужды и горя, портной стал завидовать ему. Затаил он против него недоброе, да и исполнил это.

Дело было так. Как-то отправился сынишка пахаря в лес за орехами. А вслед за ним украдкой пошёл и портной. Спрятался он в лесу и стал поджидать мальчишку. Когда сын пахаря проходил мимо него, портной вдруг выскочил из-за укрытия и как крикнет, мальчик испугался и упал на землю. А портной преспокойно пришёл к себе домой и довольный своим злодеянием лёг спать.

А между тем родители ждали возвращения сына домой, а его всё не было. Забеспокоились они и стали искать всем аулом, долго искали и наконец к утру нашли его в лесу, лежащим на холодной земле. Когда люди хотели подойти к нему и поднять, мальчик стал кричать: «Гав! Гав!» – и кусаться. И тут все поняли: он потерял рассудок.

Каких только лекарей и знахарей не приводил отец, но никто излечить его сына так и не смог. Свалилось на голову пахаря горе. А злой и завистливый портной видел всё это и торжествовал, что это он извел соседа. Ушло от пахаря одно горе, а другое пришло.

«Воистину нет на свете человека без горя», – ещё и ещё раз твердо и навсегда решил бедный пахарь.

Хитрая жена бедняка

В одном городе жили муж и жена. Бедно жилось им. Так бедно, что и есть уже было нечего – животы к спине приросли. Как-то жена и говорит мужу:

– Надо что-то придумать, а то так и умереть можно.

Жили в этом городе и богатые люди. Но у них и зимой снега не выпросишь – такие жадные. И потому жена бедняка решила на хитрость. Повела она мужу о своей затее, а утром отправилась к соседке, попросила на два-три дня наряды, мол на свадьбу приглашена. Жена бедняка нарядилась в чужое платье и заспешила в лавку. Подошла она к лавке, скрыла своё лицо под чадрой и, выбрав удобный момент, вошла и говорит лавочнику:

– Да быть мне твоей жертвой, выбери для меня два-три аршина самой лучшей и дорогой материи.

Лавочник усмехнулся и говорит:

– Хоть десять! Бери любую, красавица, – и стал снимать с полок один тюк за другим и класть на прилавок перед женой бедняка.

А женщина выбирала, выбирала и наконец говорит:

– Быть мне твоей жертвой, добрый человек, но всё это не по мне.

Рассердили лавочника слова женщины. Ведь никогда ещё не было такого, чтобы покупатель ушёл из его лавки с пустыми руками. Ему очень захотелось узнать, кто эта женщина. И он, усмиряя свою злость, спросил:

– Скажи, красавица, кто ты и почему прячешь своё лицо?

Жена бедняка тяжело вздохнула и ответила:

– Да быть мне твоей жертвой, добрый человек, но если я и скажу, кто я, тебе-то будет ни к чему. Да и рассказывать долго придётся, – больше прежнего разожгла любопытство лавочника эта женщина, и он стал ещё настойчивее просить её рассказать о себе.

Жена бедняка поправила чадру, но так, чтобы слегка показать своё лицо, и, тяжело вздохнув, сказала:

– Вот уже пять лет, как моего мужа бросили в темницу, и мне неведома его судьба. Я даже не знаю, жив ли он, а может давно отдал Богу душу.

Обрадовался лавочник и говорит:

– О, какое счастье нам привалило! Я тоже холост, – слукавил он.

– Скажи мне, где ты живёшь, и разреши прийти.

Женщина объяснила, как её найти, и заспешила домой. Пришла она в свою бедную саклю, приготовила похлёбку, накрыла на стол скатерть и стала ждать лавочника.

А лавочник между тем надел свой праздничный костюм, запряг тарантас, погрузил на него множество подарков и гостинцев и отправился к дому женщины.

Подъехал он к её дому и видит: стоит низкая, покосившаяся сакля, такая дряхлая, что, того и гляди рассыплется. Но лавочник не стал долго раздумывать – какая разница, под какой крышей наслаждаться с женщиной, – и постучался. Жена бедняка отворила двери и впустила лавочника. Вошёл лавочник, осмотрелся – никого нет, женщина одна.

– Позволь мне занести подарки, – говорит он.

Жена бедняка обрадовалась и отвечает:

– Да быть мне твоей жертвой, добрый и милый человек, занеси.

Занёс лавочник всё в дом, лошадь привязал к столбу у сакли и вошёл.

В соседних домах все давно уже успели поужинать и лечь спать, а из трубы сакли бедняка валит дым, из щелей наружу разносится запах жареной баранины – жена бедняка жарит шашлык.

Что и говорить, в саклю бедняка пришёл праздник.

Вскоре лавочник и жена бедняка стали есть баранину, пить вкусные вина, шутить, смеяться. А голодный муж стоял за стеной сакли и глотал слюнки. Лавочник уже успел изрядно выпить и полез к жене бедняка целоваться. Тут женщина ему и говорит:

– Да быть мне твоей жертвой, милый человек, но мне всё это не совсем нравится. Всему своё время, спешить нам некуда, целая ночь ещё впереди. Успокойся, садись, поешь, выпей.

Ничего не оставалось делать лавочнику. Сел он за стол и стал есть и пить. Жена бедняка себе на уме: ждёт, когда лавочник вином страсть заглушит. А у лавочника всё наоборот: ест, пьет, страстям волю даёт. Снимает с себя нарядные одежды и говорит жене бедняка, чтоб она поторопилась:

– Пора и в постель.

Жена бедняка делает вид, что раздевается.

– Долго ли мне ещё ждать? – кричит лавочник.

А жена бедняка ему спокойно отвечает:

– Разуваюсь.

Не успела женщина снять с ноги одну туфлю, как в дверь постучался сам бедняк. Жена бедняка сделала вид, что очень испугалась, и растерянно говорит:

– Да гореть отцу моему в аду, вот уже пять лет как никто к моему порогу не подходил... Кто это там стучится?!

А бедняк в ответ:

– Я – твой муж. Неужто успела забыть?

Услышал лавочник голос хозяина дома, испугался, вскочил с постели и не знает, как быть, куда бежать.

Жена бедняка хватает нарядные одежды лавочника, спешно бросает под тахту и приговаривает:

– Вай-вай, пропали. Была я твоей жертвой, а теперь мы оба станем жертвой моего мужа. Он нас обоих тут же убьёт. Ему это не впервой. Что мне делать с тобой?!

А бедняк опять стучит и кричит:

– Отворяй! Это я – твой муж.

Отвечает жена:

– Сейчас. Одеваюсь!

А лавочнику говорит:

– Я брошусь его обнимать, а ты беги и не оглядывайся.

Отворила жена двери, бросилась мужа обнимать, а лавочник пропустился бежать что есть силы. Так и бежал без штанов. Добежал он до столба, где стоял его тарантас, смотрит: от лошади и тарантаса и следа нет – украли.

Ничего не оставалось делать лавочнику, как без штанов бежать до дома. Вошёл он в дом, а жена и дети от испуга подняли вой. Кричат, плачут: что к чему не знают и понять ничего не могут. А лавочник, немного придя в себя, стал придумывать, как объяснить такое своё поведение.

– Был я в одном ауле у друга в гостях. Пили, ели, в шутках время проводили. Но когда я возвращался домой, на меня напали семеро разбойников, раздели, свалили на землю и говорят: «Проболтаешься – смерть тебе и твоей семье», а сами сели в мой тарантас и скрылись. Вот что свалилось на мою голову. Но успокойтесь, это всё и щелчка не стоит. Главное – я живой, хотя мог быть уже и мёртвым. Смотрите, никому об этом ни слова, а то худо будет нам всем...

Врёт лавочник без удержу, а родные его слезами горькими обливаются, никак успокоиться не могут.

А бедняк и его хитрая жена тем временем в своей сакле насмеются над глупым лавочником. Наелись они оба, напились, и муж говорит жене:

– Пока ты с ним в любовь играла, я тоже без дела не стоял. Тарантас во двор загнал. Продадим его завтра ночью и опять устроим пир.

Долго в эту ночь веселились, смеялись над обманутым лавочником муж и жена. А спустя несколько дней жена бедняка сшила из принесённой лавочником материи себе платье и говорит мужу:

– Теперь обманем ещё кого-нибудь.

На этот раз пошла она к ростовщику как бы деньги займы просить. Пришла и говорит:

– Да быть мне твоей жертвой, дорогой ростовщик, выручи. Дай мне займы тысячу туме.

Посмотрел на неё ростовщик и слова сказать не может: такая красавица стоит перед ним. А она смотрит на него и повторяет:

– Да быть мне твоей жертвой, дорогой ростовщик, может быть, пожелаешь меня, несчастную, выручить?

Обрадовался ростовщик, что такая красавица просит у него помощи, и говорит:

– Такой красавице не только тысячу туме, но и всего себя в придачу отдать не жалко.

Усмехнулась ему жена бедняка и говорит:

– Нет, не стою я того, дорогой ростовщик. Я несчастная и никому не нужная женщина. Некому моему горю помочь.

Заинтересовала ростовщика судьба красавицы. И он попросил женщину поведать о своём горе и пообещал помочь ей.

Жена бедняка поправила на голове платок, тяжело вздохнула и сказала:

– Вот уже пять лет, как моего мужа бросили в темницу за то, что он убил человека, и мне неведома его судьба. Я даже не знаю, жив он или давно отдал Богу душу.

А ростовщик и говорит ей:

– Вот возьми тысячу туме и можешь не отдавать. А мне скажи, где ты живёшь. Я сегодня приду к тебе в гости... А мужа своего ты забудь. Не нужно о нём думать. Нам сегодня вместе будет весело.

Сказала жена бедняка ростовщику, где её дом, поблагодарила его и ушла. Дорогой она купила баранины и бурдюк вина и заспешила домой. Дома накрыла стол и стала ждать ростовщика. А мужа накормила, напоила и на улицу выпроводила.

Пришёл ростовщик вечером к дому женщины и удивился, что такая красавица в такой старой сакле живет.

«Какая разница под какой крышей спать, лишь бы женщина была под боком», – подумал ростовщик и постучался. Впустила его жена бедняка, взяла подарки и гостинцы и посадила за стол. Стали они шашлыки есть, вкусное вино пить, смеяться и шутить. Лезет ростовщик целоваться, а жена бедняка стыдит его.

– Всему своё время, – говорит и опять его за стол сажает.

Наконец надоело ждать ростовщику, попробовал он жену бедняка силой поцеловать. А муж-то смотрит в щель и всё видит.

«Тут уж больше нечего ждать», – думает он и стучится в дверь. А жена сделала вид, что испугалась, и кричит:

– Да гореть отцу моему в аду! Вот уже пять лет, как никто к моему порогу не подходил. Кто это ещё там стучится?!

А муж с улицы отвечает:

– Я – твой муж. Неужто позабыть успела?

Жена бедняка посадила ростовщика в погреб, а сама пошла открывать двери. Стала она обнимать мужа и приговаривать:

– Дорогой мой муж, пять лет я ждала тебя и наконец дождалась. Как я рада!

А муж шумно ходит по сакле, ногами топчет, но при этом молчит. Потом несколько раз сильно хлопнул ладонью о ладонь, будто жену избивает, и крикнул:

– Кто у тебя здесь был? Где он, этот развратник? Я его тут же убью. – И он снова хлопает ладонью о ладонь, а жена кричит, будто её режут.

Ростовщик сидит в погребе, всё слышит и весь дрожит от страха. Да так дрожит, что глина со стен погреба сыплется.

Тут бедняк и открыл погреб да как закричит:

– Ах ты, развратник! Чужих жён обманываешь! А ну вылезай!

Ростовщик весь дрожит. «Ну, – думает – сейчас убьёт».

А жена держит мужа за руки и просит:

– Да быть мне твоей жертвой, дорогой мой муж, не убивай его! Он богатый человек и заплатит тебе три тысячи туме. Только не убивай! Могилами отцов наших прошу, образумься!

Услышав эти слова, ростовщик тоже взмолился:

– Милый человек, не убивай меня. Я тебе и пять тысяч туме дам. Только не убивай!

Тогда бедняк сменил гнев на милость и говорит:

– Ладно. Давай пять тысяч туме и живи себе, но только чтоб глаза мои тебя не видели больше. Мне деньги сейчас нужнее, чем твоя смерть.

Обрадовался ростовщик, что хозяин дома даровал ему жизнь, написал записку своей жене, чтобы та дала такому-то человеку пять тысяч туме, поставил свою подпись и передал бумагу бедняку. Бедняк взял бумагу, посадил ростовщика опять в погреб, а сам направился за деньгами к его жене. Прочитала жена ростовщика написанное,

подивилась, но отдала бедняку деньги. Пришёл бедняк радостный в свою саклю, выпустил ростовщика из погреба и говорит:

– Давай ещё тысячу туме, а то жене твоей расскажу, что ты изменяешь ей.

Ничего не оставалось делать ростовщику, отдал он ещё тысячу туме и быстро исчез.

А бедняк с женой съели весь шашлык, выпили оставшееся вино и, довольные удачей, легли спать.

Спустя три дня жена бедняка решила обмануть судью-взяточника. Пришла она к нему и говорит:

– Да быть мне твоей жертвой, почтенный и всеми уважаемый судья, помоги мне в одном деле.

Судья поднял голову и, увидев перед собой красавицу, тут же прикусил от радости палец. Затем оглянулся по сторонам – не видит ли их кто – провёл по своей длинной рыжей бороде, хитро улыбнулся своим мыслям и ласково сказал:

– Именем Бога и его милосердием помогу тебе, красавица. Говори, с чем пожаловала.

Рассказала ему жена бедняка о том, что вот уже пять лет как её муж сидит в темнице, и что она не знает, живой или давно отдал Богу душу. И она, бедная и несчастная, не знает как ей дальше быть: ждать или не ждать мужа?

Судья сделал вид, что очень сочувствует её горю, и многозначительно сказал:

– О, красавица, ты совершила большой грех перед Богом и могилой мужа. По нашему адату женщине недозволено столько времени оставаться вдовой. Этим самым ты доставляешь беспокойство умершему мужу, мучаешь его душу своим ожиданием. Да и сама терзаешься в одиночестве.

Жена бедняка тогда и спрашивает судью: но как же мне быть?

– О, красавица, именем Бога и с его помощью давай мы с тобой поженимся. Вот уже шесть месяцев как умерла моя жена. Милосердный Бог свёл нас вместе на счастье и радость нашу. Скажи, где ты живёшь, и вечером я приеду к тебе и свой холостяцкий скарб привезу.

Жена бедняка как бы нехотя сказала, где она живёт, и, довольная успехом, заспешила домой.

А судья в этот день взял все свои немалые сбережения и до самого вечера бегал из лавки в лавку, с базара на базар, покупал дорогие подарки: золотые серьги и кольцо, золотой браслет и медальон, шёлковую шаль и нарядные платья, короче говоря, целых два мешка вещей накупил. Всё это на арбу погрузил, а когда стемнело, отправил арбу к дому жены бедняка, сам же пошёл пешком.

Пришёл он к сакле, посмотрел по сторонам – не видит ли его кто – и постучался. Открыла жена бедняка дверь,пустила его и говорит:

– О, почтенный судья, где же твои подарки?

– Везут, моя красавица, – сказал судья.

Жена бедняка посадила его за стол и стала угощать. А судья ест, а сам поглядывает на красавицу и думает: «Когда же она станет моей?»

Вскоре к сакле подъехала и арба с подарками. Извозчик занёс в саклю оба мешка и уехал. А судья и жена бедняка целых два часа разбирали мешки, разглядывали дорогие подарки. Потом судья надел на жену бедняка дорогие наряды, украсил её палец обручальным кольцом и сказал:

– Вот и всё. Теперь по воле милосердного Бога ты – моя жена, я – твой муж. Позволь мне поцеловать тебя, – и заключил в своих объятиях.

Не успела жена бедняка ответить, как бедняк постучался в дверь.

Жена в страхе подбежала к дверям и говорит:

– Да гореть отцу моему в аду! Вот уже пять лет, как никто к моему порогу не подходил... Кто это ещё там стучится?!

А бедняк кричит с улицы:

– Я – твой муж. Вернулся! Неужто успела позабыть?

Услыхал судья голос вернувшегося мужа его возлюбленной и в страхе заметался по сакле. А женщина схватила судью, положила в колыбель, связала и говорит:

– Лежи спокойно. Когда моего мужа бросили в темницу, я была от него беременна. Он увидит тебя и подумает, что ты – его ребёнок, – а сама открыла двери ипустила мужа.

Вошёл муж в саклю и видит: лежит в колыбели связанный судья, а ноги до полу висят. Но бедняк делает вид, что ничего не замечает, и спрашивает жену:

– Кто это в колыбели лежит?

А жена ему в ответ:

– Это твой сын.

Подошёл бедняк к колыбели, посмотрел на связанного судьёю и говорит:

– О, женушка моя, как же так, на что ребёнку борода? Придут люди проводить меня, да и насмех поднимут. Дай-ка мне ножницы, я состригу ему бороду. Женщина принесла ножницы и отдала мужу, который тотчас же остриг судьёю бороду. А судья лежит связанный, шелохнуться не может, весь бледный, будто в аду находится. А бедняк снова к жене обращается:

– О, женушка моя, так у него ещё и зубы есть!

Дай-ка мне молоток, я их выбью. Придут друзья меня проводить, да и насмех поднимут, увидев маленького ребёнка с большими зубами.

Принесла жена бедняку молоток. Стал бедняк выбивать судьёю зубы. Стукнет молотком по зубу – зуба нет, а судья кричит истощённым голосом.

Кричит судья, кровью обливается, а колыбель под ним качается.

Но случилось такое: колыбель перевернулась, и судья вскочил на ноги. Когда он почувствовал под ногами землю, тут же выскочил на улицу и пустился бежать с колыбелью на спине. А бедняк и жена его смотрят вслед и кричат:

– Будешь знать, как людей обманывать и взятки брать.

Что и говорить, прибежал судья к себе домой и говорит жене:

– Закрывай, жена, окна, двери! Никого не впускай! Я теперь поумнел – всегда с тобой буду жить!

Спустя несколько дней судья пришёл в себя, а на улицу выходить не решается: нет зубов, нет бороды, – людям показаться стыдно. Но весть о том, что судья болен, быстро разошлась по городу. Стали к судьёю горожане приходить, а жена никого не впускает, мол, нельзя беспокоить.

Дошла молва о болезни судьи до лавочника и до ростовщика. Догадались они, что с судьёю случилось то же, что и с ними. Упростили они его жену впустить их.

Вошли лавочник и ростовщик в покои судьи и видят, что судья не больной, а безбородый и беззубый.

И вот тут лавочник рассказал судье о том, как одна красавица обманула его: пригласила к себе, забрала все принесённые им подарки, а потом якобы из тюрьмы вернулся муж. И лавочник вынужден был, бросив всё, бежать. Про подобный случай рассказал судье ростовщик. Не выдержал судья и тоже рассказал им обо всём, что с ним случилось. А потом вдруг впал в сомнение: «А не обманывают ли меня эти люди? Не делают ли они так: неправду дают, а правду берут?» – и спрашивает:

– Скажите мне, если и с вами то же самое случилось: сколько лет сидел в темнице муж этой лживой красавицы?

Лавочник и ростовщик переглянулись и в один голос ответили:

– Пять.

Услышав это, судья стал смеяться:

– Ай да женщина! Ай да хитрая! Как она вас обошла!

– И вас тоже, уважаемый судья, – сказали лавочник и ростовщик, и они стали друг над другом смеяться.

А тем временем бедняк и его хитрая жена сидели в своей дряхлой, покосившейся сакле, ели шашлык, пили вино и смеялись над одураченными лавочником, ростовщиком и судьей.

Через несколько дней, говорят, бывший бедняк и его хитрая жена, боясь возмездия, покинули этот город.

Так хитрая жена бедняка проучила жадных и сластолюбивых богачей города.

Кривой Якуб и шах Аббас

В давние времена жил в Иране шах по имени Аббас. Он был мудрым и справедливым. А страна его была необъятной. Нелегко было ему одному править такой большой страной. Разделил он её тогда на отдельные области и ханства, и поставил туда своих векилов. Бывало, вызовет их шах Аббас к себе и каждому задаст один и тот же вопрос:

– Какого ты роста?

– Такого, такого-то! – отвечают векилы.

А шах Аббас опять с вопросом:

– А сколько у тебя подданных?

– Столько-то, столько-то!

И вот тут-то шах Аббас и говорит:

– Знай: ты уполномоченный великого шаха Аббаса и слуга своих подданных. Мудрость твоя должна превзойти твой рост во столько раз, сколько людей в твоём ханстве.

И вот однажды назначил шах Аббас старостой Хоайтага человека по имени Дауд. Вызвал его к себе шах и сказал ему те же слова, что говорил всем своим векилам.

Пообещал Дауд оправдать шахское доверие и приехал в Хоайтаг. Здесь он подобрал себе из местных людей везиров и стал заниматься делами.

Среди везиров Дауда был человек по имени Якуб. Он был очень маленького роста и к тому же кривой. Кривой Якуб – так звали его все, и даже сам Дауд. Но Якуб был очень мудрым. Ни одно дело не решал Дауд без Якуба.

Случалось так, что Дауд ошибался, но Якуб тут же помогал ему поправить дело. Главной заботой Дауда была забота о подданных. Словом, все жили в достатке и радости и прославляли шаха Аббаса за такого старосту, как Дауд. Рад был и Якуб; как-никак его ум и его заботы приносили людям пользу и радость, а общая радость – известное дело – в каждой семье радость.

У Дауда была жена и двое детей – сын и дочь. Он очень любил свою семью. Его жена в заботах о муже и детях не знала ни минуты покоя. И так они жили много лет. И кто знает, сколько бы они ещё прожили, если бы не один случай.

Решил как-то Дауд поехать в загородный сад отдохнуть. И вот в один из дней он вместе со своими везирами выехал из города. Кто знает, сколько времени он был в пути, но известно, что встретил он по дороге девушку необыкновенной красоты. Остановился Дауд и обратился к девушке:

– Красавица! Кто ты и почему сидишь среди пыльной дороги?

Посмотрела красавица на Дауда и ответила:

– Почтенный Дауд, да быть мне твоей жертвой, не оставляй меня на дороге. Меня ужалила змея.

– О! – воскликнул Дауд и приказал слугам поднять и посадить девушку к себе в повозку.

Посадили её рядом с Даудом и снова тронулись в путь. В дороге Дауд узнал, что красавица – вдова, что у неё никого на всём свете нет. Воспылал он к ней любовью и стал просить совета у везиров.

– У шаха Аббаса, говорят, сорок наложниц. А у тебя, староста, ни одной! – ответили везиры.

Не по душе пришлись Якубу советы везиров, но он промолчал. Тогда Дауд спросил его:

– А ты, кривой Якуб, почему молчишь! Или сам воспылал к ней любовью?!

И ответил тогда ему Якуб так:

– О, мой повелитель, если ты настаиваешь, я отвечу!

– Говори! – приказал Дауд.

– Не женщину змея ужалила, а тебя, мой повелитель, – сказал Якуб. – Мой тебе совет – держись подальше от этой женщины!

Но Дауд пренебрёг советом своего мудрого и преданного везира. Целыми днями он вместе со своей наложницей пропадал в загородном саду. Все свои дела запустил.

Между тем по Хоайтагу прошёл слух о том, что жена Дауда исчезла. Одни считали, что она упала с обрыва в реку и утонула. Другие – что её похитили разбойники... Много было разных толков. Только Якуб решил, что это дело рук наложницы Дауда. Всё крепче опутывала она Дауда своими сетями. Не прошло и нескольких месяцев после исчезновения жены, как Дауд отправил своих детей в другой город и объявил всему народу, что женится на наложнице.

Свадьба была весёлая, шумная. Но с этого дня между Даудом и его везирами не было согласия. А всё потому, что новая жена Дауда строила всякие козни. Бывало, обнимет она мужа и скажет:

– Такой-то из твоих везиров сказал такое-то плохое слово.

Верил Дауд словам жены и с криками и бранью обрушивался на везиров.

Однажды новая жена Дауда уснула и видит сон, будто кривой Якуб домогается её взаимности, берёт он её за плечи своими большими руками и пытается сорвать с неё платье. Она смеётся над ним, а он твердит: «Или ты станешь моей возлюбленной, или я сделаю так, что тебе придётся уйти».

На следующий день пришла она к Якубу и говорит:

– Эй, Якуб, отвечай, что ты затаил против меня?

Удивился Якуб такому вопросу и отвечает:

– Ничего!

А она легла на пол и стала кричать, и рвать на себе одежду. Ничего не оставалось делать Якубу, подошёл он к ней и стал её держать за руки. А она ещё громче кричит, зовёт людей на помощь.

Услыхали слуги её крик, побежали к Дауду и взволнованно рассказывают ему:

– Да быть мне перед тобой жертвой, почтенный! – отбив поклоны, сказал один слуга.

– Чтобы в огне гореть кривому Якубу! – отбив поклоны, продолжил другой.

– В чём дело, докладывайте! – накричал на них Дауд.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – сказали слуги.

Привели его в комнату, где были коварная жена и Якуб. Как увидел Дауд лежащую на полу жену, подошёл к Якубу и ударил его.

– Что здесь происходит? – со злобой спросил он.

Хотел Якуб объяснить, но жена Дауда опередила его и говорит:

– Чтоб тебе в огне гореть! Смотри, что твой кривой везир со мной сделал!

Не удержался Якуб, плюнул в лицо коварной женщине, а Дауду сказал:

– Правитель, потерявший ум из-за какой-то блудницы, не заслуживает любви и уважения. Прощай!

Пришёл Якуб к себе домой и обо всём рассказал своей жене. Выслушала жена взволнованного мужа и стала утешать его:

– Не кипятись, Якуб, всё уладится, – сказала жена. – Дауд поймёт, что ты ни в чём не виноват.

– Нет, жена, – ответил Якуб, – я решил уехать отсюда. Не хочу видеть ни разорения народа, ни самого Дауда, так низко павшего в глазах людей.

– Куда голова, туда и хвост, – ответила жена. – Как считаешь нужным, так и поступай!

Через несколько недель Якуб купил на базаре крепкого мула, а к мулу – большую арбу. Сложил на арбу всё необходимое, посадил поверх всего этого жену и единственного сына и, взяв мула за поводья, тронулся в путь с тяжёлым грузом обиды в сердце.

Едет он и думает: «Куда податься?» И тут ему вдруг пришло на ум отправиться в Исфаган, во дворец самого шаха Аббаса.

Спустя несколько дней Якуб достиг города, где жил шах Аббас. Он оставил жену и сына в караван-сарае, а сам, написав прошение

шаху Аббасу, отправился ко дворцу, сел на скамью для посетителей и стал ждать.

Заметили его шахские слуги и подошли. Не стал Якуб ни о чём говорить с ними, передал своё прошение шаху Аббасу и остался ждать ответа. А шах Аббас прочитал прошение Якуба и тут же пожелал его увидеть.

Привели Якуба слуги в тронный зал. Посмотрел шах Аббас на низкого, кривого, большеголового человечка и его смех разобрал. Смеётся шах Аббас, а вместе с ним покатываются со смеху все его приближённые.

До слёз задел Якуба такой приём шаха Аббаса, но он связал свою обиду в узел и говорит:

– О, великий шах Аббас! Я пришёл не затем, чтобы надо мной смеялись, а затем, чтобы быть твоим везиром!

Ещё громче рассмеялись и шах Аббас и его слуги.

А Якуб опять за своё:

– О, великий шах Аббас! Я пришёл сюда, чтобы быть твоим везиром!

Посмотрел шах на странного человека и отвечает:

– Не только кривой, но и не всякий зрячий сможет быть моим везиром. Ступай туда, откуда пришёл.

– О, почтенный шах Аббас! – ответил тогда Якуб. – Отцы наших отцов говорили: «Не всякое прямое дерево дарит людям целебные плоды».

Всю эту ночь не спалось шаху Аббасу. Он всё время думал о кривом Якубе. «Станный человек! – размышлял шах Аббас. – Как будто в здоровом уме, а так дерзко говорит со мной. Может быть, и вправду он мудрец». Размышлял так шах Аббас, вспоминая сказанные кривым Якубом слова упрека.

Утром он приказал своим слугам разыскать этого человека и привести к нему.

Теперь расскажем вам про самого Якуба.

Вернулся Якуб в караван-сарай в большой печали и говорит жене:

– Завтра поедем куда-нибудь подальше от Исфагана. Здесь я не нужен!

Успокоила его жена, и спать уложила. А вскоре, уложив сына, легла и сама.

Слышит утром Якуб, кто-то в дверь стучится. Открыл он и видит: перед ним стоят шахские слуги.

– Якуб из Хоайтага, тебя зовёт шах Аббас! – сказали они.

Оделся Якуб и пришёл к шаху Аббасу.

– Чем могу служить? – спрашивает Якуб.

А шах Аббас отвечает:

– Может быть, тебе нужны деньги?

– У меня есть голова, руки и ноги. Я хочу работать, – ответил Якуб, поклонившись.

– Ладно, – говорит шах Аббас. – На восточной границе страны есть шахская конюшня. Поезжай туда, будешь работать конюхом.

Согласился Якуб. «Во всякой работе можно найти радость», – решил он. Через несколько дней прибыл он в тот аул, где находилась шахская конюшня, и стал работать конюхом. Утром он выгонял коней за пределы аула, а вечером пригонял обратно.

В том ауле было много мальчишек. Целыми днями они бегали без дела, дрались между собой, лазили по чужим садам. Словом, доставалось от них всем, особенно Якубу. Бывало, прибегут они на луг, разгонят табун и начнут дразнить:

*Якуб кривой
С большой головой,
А сам с вершок,
Хоть клади его в мешок.*

Решил тогда Якуб обучить этих мальчишек грамоте. Многие мальчишки не хотели идти к нему учиться.

– Лучше на речке купаться, чем у пустой головы звону учиться, – говорили они.

Но некоторые отцы всё-таки привели к Якубу своих детей.

– Чему бы не научились, лишь бы от озорства отвыкли, – говорили они.

Стал Якуб читать ребятам древние книги о подвигах богатыря Рустама, о мудрых советах Бахлюла. По душе пришлись детям эти

рассказы. Стали они пересказывать другим ребятам то, что узнали у Якуба. Не прошло и недели, как в ауле не осталось ни одного мальчика, который не ходил бы к Якубу учиться грамоте.

Шли дни. Якуб читал мальчикам древние книги, а они помогали ему пасти коней.

Теперь Якуб стал зарабатывать столько денег, сколько никогда ещё не зарабатывал.

И вот как-то он говорит жене:

– Знаешь, жена, о чём я думаю?

– О чём? – спрашивает она.

– Я думаю о том, – отвечает Якуб, – как хорошо было бы построить в нашем ауле школу для детей на те деньги, которые я за это время получал за их учёбу.

– Верные слова говоришь, Якуб, – одобрила жена. – Никто ещё не забирал своих денег в могилу.

И стал Якуб строить на окраине аула школу. А потом пригласил в школу нескольких шейхов-каллиграфов и других учёных людей, и занятия в школе пошли по всем правилам.

Шли дни, Якуб, как и прежде, выгонял на луг шахских коней.

Как-то раз пришёл он домой и говорит:

– Знаешь, жена, о чём я думаю?

– О чём? – спрашивает жена.

– Я думаю о том, – отвечает Якуб, – как было бы хорошо, если бы эти шахские кони служили людям, приносили пользу.

– О, Якуб, – сказала жена, – ты навлечёшь на себя гнев шаха.

– Запомни, жена, – ответил Якуб, – важно то, чем дело кончится.

Жена промолчала, а Якуб тут же принялся за работу. Нанял он нескольких мужчин, привёл их в поле, приказал запрягать в плуги шахских коней и пахать землю. Вспахали поле, засеяли его кукурузой, овсом и подсолнухом. Пришло время урожай снимать. Богатый выдался урожай. Поручил Якуб этим же мужчинам грузить урожай и вести продавать в соседние сёла. Большие деньги выручил Якуб от всего этого. Решил он построить на эти деньги на окраине аула конюшню для шахских коней. Нанял он мастеров, и вскоре конюшня была готова. Поставил он туда шахских коней и стал дожидаться весны. Весной он собрал людей аула и говорит:

– Знаете, о чём я думаю?

– О чём? – спрашивают его люди.

– Я думаю о том, – отвечает Якуб, – как было бы хорошо, если бы мы вокруг нашего аула сады разбили. Ведь для себя сажаем, а раз так, то нечего ждать нам шахских приказов.

– Верные слова говоришь, Якуб! – сказали люди.

И через некоторое время вокруг аула выросли сады.

Прошло несколько лет, и сады стали плодоносить. Каждый раз фрукты продавали в соседних аулах, а выручку собирали в большой кованный сундук. А когда этот сундук наполнился до краёв, Якуб собрал людей и говорит:

– Знаете, о чём я думаю?

– О чём? – спрашивали люди.

– Я думаю о том, – отвечал Якуб, – как было бы хорошо на эти деньги построить хорошие дома для жителей нашего аула.

Все были так рады, что не знали, как и благодарить такого премудрого человека, как Якуб.

Наняли мастеров – и стройка началась. Вскоре от старого аула почти ничего не осталось. Улицы теперь были прямые и широкие, дома красивые и высокие. Все были довольны, и Якуб был рад.

Расскажем теперь о шахе Аббасе.

Много лет прошло с тех пор как он отправил кривого Якуба в этот аул. Отправил да и забыл о нём. И вот однажды шах Аббас решил поехать по делам государства в страну франков.

Торжественно встретили его правители этой страны, богатые пиршества устроили в честь его приезда. Случилось так, что везир царя этой страны завёл разговор о древних поэтах и мудрецах страны шаха Аббаса.

– Много мудрых людей жило в вашей стране, – сказал везир страны франков.

– Их и сейчас немало! – с гордостью ответил шах Аббас.

Шах Аббас завершил свои дела и вернулся на родину. Кто знает, сколько времени прошло с тех пор как шах Аббас побывал у франкского царя, но в один из дней к шаху Аббасу приехал тот самый везир франкского государства, который говорил некогда

с шахом Аббасом о поэтах и мудрецах Ирана. Шах Аббас и этот везир разговорились, и везир сказал:

– Да быть мне твоей жертвой, о великий шах Аббас! Хотел бы я убедиться в правоте твоих слов: так ли мудр ваш народ, как в прошлые времена?

Шах Аббас улыбнулся и спросил:

– Как я могу это доказать?

Везир франков встал, поклонился и сказал:

– Я задам вашим мудрецам четыре вопроса, на которые они должны дать ответы. Первый вопрос такой: где на земле видели солнце всего один раз? Второй вопрос такой: с кем люди говорят каждый день, а ни разу не видели. Третий вопрос такой: кто у Бога служит мельником и из той муки, что он намолот, другие пекут лепёшки, а он ест лепёшки, испечённые до него? И четвёртый вопрос такой: кого больше – мёртвых или живых?

Хотел было шах Аббас сам ответить на эти вопросы, но не сумел. Обернулся тогда он в сторону везира левой руки, а тот говорит:

– На такие вопросы сразу не дать ответа.

Посмотрел тогда шах Аббас в сторону везира правой руки.

– А ты что скажешь?

– Дайте сорок дней и сорок ночей, и ответы будут.

– Ладно, – сказал шах Аббас, – даю вам сорок дней и сорок ночей, но с условием: если не дадите правильных ответов – лишу вас головы! Смотрите, не позорьте меня перед везиром царя франков!

Шли дни. Много книг перевероростили шахские везиры, но ответов так и не нашли. Приказал тогда шах Аббас своим глашатаям объявить по городам и селам страны вопросы, заданные везиром царя франков. «Кто ответит правильно, тому шах Аббас даст половину своей казны. А кто ответит неверно, того шах Аббас лишит головы» – так гласил указ шаха.

Во многих городах и селам побывали слуги шаха, но нигде не нашли человека, который бы сказал: «Я отвечу на эти вопросы!»

А между тем время истекало. Всего два дня и две ночи осталось. Но ответы так и не были найдены.

В эту ночь шах Аббас увидел такой сон: он восседает на троне,

а у его ног сидит кривой Якуб. Вдруг из горбатой спины Якуба выросли два дерева, а на деревьях этих по четыре спелых яблока висят. «Эй, Якуб, угости меня яблоками со своего дерева!» – говорит ему шах Аббас. А Якуб покачал своей большой головой и ответил: «Эти яблоки я вырастил для твоего почтенного гостя!»

Проснулся шах Аббас и думает: «Что бы это значило? Позову-ка я к себе Якуба и задам ему вопросы везира царя франков».

Тут же приказал шах Аббас своим везирам ехать в далёкий аул и узнать у Якуба ответы на вопросы везира царя франков.

Сели везиры на быстрых коней и в сопровождении нескольких слуг поскакали в сторону того самого аула, где жил кривой Якуб.

Кто знает, сколько времени были слуги шаха в пути, но известно, что подъехали они к окраине аула и замерли от удивления. Перед ними расстилались огромные сады и виноградники, за которыми виднелись красные крыши домов, синие купола мечетей, нимазы и храмы.

– Я думаю, что мы не туда заехали. В том ауле, где живёт Якуб, не было всего этого, что предстало нашим очам, – сказал один из везиров.

В это время вдалеке показались арбы. Шахские слуги дождались, пока эти арбы приблизились, и спросили у арбечи:

- Люди добрые, скажите нам, чьи эти земли?
- Эти земли принадлежат великому шаху Аббасу. Разве вы не знаете об этом?
- А где такой-то аул и шахская конюшня?
- Здесь! Вот они, шахские кони, полезным делом заняты!
- Странно, но здесь ничего этого не было! – воскликнули везиры шаха.

– Да, это так, – ответили арбечи и рассказали обо всём посланцам шаха Аббаса.

– Значит, это сделал тот самый кривой Якуб, которого шах Аббас послал сюда работать конюхом?! – удивились везиры.

Едут шахские слуги дальше и диву даются. По правую сторону сады и виноградники тянутся. А по левую сторону дороги то кукурузные поля попадаются, то поля подсолнухов, то овёс, то рожь. Словом, ни одного клочка земли не пустует.

– Машалла! Машалла! – удивляются везиры.

Наконец доехали они до огромного каменного здания и видят: на плоской крыше этого здания сидит на подушке большеголовый горбун, а перед ним лежат на животах мальчики и что-то едят. К рукам горбуна и детей привязаны верёвки, которые тянутся и на окраину аула, и на крыши соседних домов, где сушатся фрукты, и в окна того здания, на крыше которого сидят горбун и мальчики. А у самого горбуна, кроме верёвок, в руке – длинная палка. Ею он то и дело касается того, кто забывает макать свой калам в чернильницу и писать.

Долго наблюдали шахские слуги за горбуном и мальчиками, которых он обучал, и не могли понять, с какой целью к их рукам привязаны верёвки.

Наконец, один из везиров сказал:

– Салам алейкум!

– Ваалейкум ассалам! – ответил горбун. – Кто вы?

– Я везир правой руки великого шаха Аббаса! – ответил один везир.

– Я везир левой руки великого шаха Аббаса! – ответил другой.

– А мы – слуги шаха, – ответили остальные, приставленные охранять шахских везиров.

– А с чем пожаловали, добрые люди?

– Нас шах Аббас послал к Якубу... Где его можно найти? – спросил везир левой руки.

– Он перед вами, – ответил горбун и спросил: – А что угодно вашему шаху?

– Шах Аббас послал нас к тебе, чтобы спросить, сумеешь ли ты дать ответы на вопросы, заданные везиром царя франков.

– Половину своей казны отдаст шах Аббас тому, кто ответит на эти вопросы, – поспешил сообщить везир левой руки.

– А что это за вопросы? – спросил Якуб.

Шахские везиры назвали ему вопросы. Якуб выслушал и сказал:

– На такие вопросы ничего не стоит ответить.

Шахские слуги посоветовали Якубу торопиться. Но Якуб покачал головой и говорит:

– У меня нет времени по пустякам ездить к шаху Аббасу.

– Чем же ты занят, – спросил везир правой руки со смехом. – Уж не тем ли, что дёргаешь верёвки и учишь этому детей?

– Мы совсем не зря дёргаем верёвки, – ответил Якуб. – В руках у меня верёвки, которые приводят в движение пугала, что стоят на кукурузном поле и на полях подсолнуха. А верёвки, привязанные к рукам этих мальчиков, качают колыбели со спящими детьми, отпускают птиц от фруктов, которые сушатся на крышах домов. Возвращайтесь к шаху Аббасу и расскажите ему обо всём, что увидели.

– Тогда ответь нам на вопросы везира царя франков, – попросил везир правой руки.

– Нет! – сказал Якуб. – Если шаху Аббасу очень нужны ответы, пусть он сам приедет сюда.

Ничего не оставалось делать везирам. Пришлось им возвратиться к шаху. Вернулись они и рассказали всё как есть. Выслушал их шах Аббас и разгневался на Якуба за дерзость.

– Я проучу этого горбуна! – сказал он.

Переделся шах Аббас в одежду простого человека и отправился в путь. Вскоре он достиг окраин того самого аула, где жил Якуб. Едет шах Аббас и удивляется всему тому, что встречается на его пути.

Наконец, добрался он до дома Якуба.

– Якуб, открывай!

– Кто вы? – спрашивает Якуб.

– Мы слуги шаха Аббаса.

Впустил их Якуб в дом, усадил и спрашивает:

– Чего вы хотите?

Тут шах Аббас, выдавая себя за слугу, говорит:

– Шах Аббас приказал написать ответы на вопросы царя франков и доставить ему!

– Нет! – отвечает Якуб. – Пусть приедет сам шах Аббас, если ему нужны ответы.

Тут шах Аббас снял с лица покрывало и говорит Якубу:

– Я шах Аббас, говори скорее ответы!

– Нет, великий шах Аббас, не скажу! Вези меня к везиру царя франков, и я отвечу ему сам!

В тот же вечер Якуб был доставлен во дворец шаха Аббаса.

Усадили его как самого почётного гостя на мягкую подушку, а напротив посадили везира царя франков.

И вот везир царя франков снова задал свои вопросы.

– Первый вопрос такой: где на земле видели солнце всего один раз?

Якуб ответил:

– Когда Миширахуно, спасая своих единоверцев от преследования фараона, простёр руку и приказал волнам расступиться, то волны тотчас же расступились и на этом месте образовалась суша. Миширахуно вывел свой народ на другой берег, а разъярённый фараон вместе со своими воинами ринулся за ними. И тогда Миширахуно повернулся, снова простёр руку, и по его знаку водяные стены обрушились на преследователей... Так Миширахуно спас Богом избранный народ. А в том месте морское дно и видело солнце всего только раз.

– Верно! – сказал везир царя франков.

Шах Аббас и везиры от радости даже вскочили со своих мест.

– А второй вопрос будет такой, – продолжал почётный гость.

– Кого люди ни разу ещё не видели в глаза, хоть каждый день с ним говорят?

И Якуб коротко ответил:

– Худо.

Тогда везир царя франков задал третий вопрос:

– Кто у Бога служит мельником и из той муки, что он мелет сам, другие пекут лепёшки, а он ест лепёшки, испечённые до него?

Якуб некоторое время помолчал в раздумье, а потом ответил:

– Человек, родившийся на свет, поступает к Богу мельником и мелет в муку свою жизнь, а время печёт из этой муки лепёшки, которые едят новые мельники. И так всё время, пока существует жизнь!

Ничего не оставалось делать везиру царя франков. Он встал, обнял Якуба и говорит:

– Ты верно ответил на третий вопрос.

Шах Аббас обрадовался и, обращаясь к гостю, сказал:

– Задавай свой последний вопрос!

И везир царя франков спросил:

– Где больше людей – на земле или в земле?

Якуб учтиво поклонился и ответил:

– Конечно, людей больше в земле: сколько поколений ушло в землю и назад не вернулось, им и счёту нет. А на земле всегда вёлся и ведётся счёт!

Как только Якуб ответил на последний вопрос, тут же по приказу шаха Аббаса забили барабаны. Победенный гость поблагодарил шаха Аббаса и мудрого Якуба и собрался было уходить, но тут Якуб обратился к нему:

– Почтенный гость нашего великого шаха Аббаса! Теперь я хотел бы задать тебе всего два вопроса.

– Хорошо, – сказал везир царя франков.

– Первый вопрос такой: кто от кого зависит – солнце от земли или земля от солнца? А второй вопрос такой: что такое добро и что такое зло?

Долго думал везир царя франков, но так и не смог ответить. Попросил он тогда сорок дней и ночей сроку и тут же отправил гонца в свою страну, чтобы найти человека, который смог бы дать ответы.

Много дней и ночей слуги царя франков ездили по своей стране в поисках ответа. Только на сороковой день в одном ремесленном квартале нашли кузнеца, который сказал, что знает как ответить на вопросы восточного мудреца. Тут же его искупали в царской бане, переодели в шёлковые одежды и доставили во дворец шаха Аббаса.

Посадили Якуба и кузнеца друг против друга и стали ждать, как кузнец будет отвечать на вопросы Якуба. Но кузнец сам задал вопрос Якубу:

– Когда ты появился здесь?

– Вот уже пятьдесят лет! А ты?

– Я тоже пятьдесят лет! А когда снят урожай на этих горах?

– Вот уже семь лет! А когда выпал снег на этих горах?

– Вот уже три года! А что делает твоя дочь?

– Она радует душу отца и людей! А чем занимается твоя дочь?

– Она всё мучает душу отца своего! – с печалью ответил кузнец.

А Якуб ему говорит:

– Ты бы взял одиннадцать да освободил двенадцатую!

– Бедность не позволяет! – ответил кузнец.

На этом Якуб и его гость окончили разговор.

– О чём вы говорили? – спросили везир царя франков и шах Аббас. Якуб долго не хотел отвечать, но наконец сказал:

– Первый вопрос: «Когда ты появился здесь?» – означает – сколько нам лет. Второй вопрос: «Когда снят урожай на этих горах и когда выпал снег на этих горах» – значит: когда я полысел, а он поседел? Третий вопрос: «А что делает твоя дочь?» – означает – чем мы занимаемся и довольны ли своей работой. И последнее: «Ты бы взял одиннадцатую да освободил двенадцатую» – означает – поработай одиннадцать месяцев в году, двенадцатый месяц оставь для отдыха! Вот и весь наш разговор, – закончил Якуб.

– А где же ответы на те два вопроса, которые ты, Якуб, задал везиру царя франков? – спросил шах Аббас.

– Я не сомневаюсь, что мой гость знает, как на них ответить! – сказал Якуб.

Но все потребовали ответа. И гость ответил:

– Во все времена солнце зависело от земли, а земля от солнца.

– Почему? – тут же спросили его.

– Не будь на небосводе солнца, земля бы наша была мертва. Хвала солнцу! Но если бы не было земли, то и солнце было бы не нужно. Хвала земле! Не так ли царь и народ? Не будь царя – народ был бы сиротой, не будь народа – цари были бы не нужны.

– Верный ответ! – сказал Якуб и посмотрел на шаха Аббаса.

Шах Аббас догадался, для чего Якуб задал такой вопрос, но промолчал. А кузнец уже отвечал на второй вопрос:

– Добро – это песнь души и плач радости; добро – это счастье труда и благодарность ближнему. Добро – это привязанность к матери, к отцу, к Родине. Добро – это любовь, с которой человек смотрит в глаза другого человека. А зло – это муки души, поражённой раскаянием; это – дело, которое в тягость; это – унижения, причиняемые другим...

– Хватит! – воскликнул Якуб и снова посмотрел на шаха Аббаса.

И опять шах Аббас догадался, для чего Якуб задал такой вопрос, но промолчал.

Вскоре почётные гости уехали, а шах Аббас пригласил к себе Якуба и говорит:

– Да простит меня Худо за моё безумство, Якуб!

– Да простит великий и справедливый шах Аббас! – сказал ему в ответ Якуб.

Шах Аббас обнял Якуба и повёл в зал, где хранилась шахская казна.

– Я обещал тому, кто сумеет ответить на вопросы посла, половину своей казны, но теперь решил назначить тебя казначеем, – сказал шах Аббас.

Якуб поклонился и ответил:

– Да продлит Господь твои дни, великий шах, но я должен сначала поехать к себе в аул и найти подходящего конюха вместо себя.

– Хорошо! – согласился шах Аббас. – Поезжай, сделай всё, как ты считаешь нужным, и возвращайся!

Приехал Якуб в свой аул, выбрал на своё место одного из своих учеников, дал ему несколько полезных советов, попрощался со всеми односельчанами, велел слушаться старосту и уехал вместе с семьёй.

Приехал он во дворец шаха Аббаса, устроился с жильём и вскоре приступил к своим новым обязанностям казначея. Шли дни. Якуб пересчитал всю шахскую казну и как-то говорит жене:

– Знаешь, о чём я думаю?

– О чём? – спрашивает жена.

– Не лучше ли будет, если шахскую казну пустить в оборот? Лежит эта казна, как мертвец в гробу, что в ней проку?

– О нет, нет, Якуб, не советую тебе без ведома шаха Аббаса что-либо делать.

– Не могу я сидеть без дела и сторожить эту казну! – сказал Якуб.

На следующий день призвал он к себе купцов и разослал их по разным государствам, а кому нужны были деньги, дал из шахской казны и сказал:

– Вот вам деньги. Пустите их в оборот, а из выручки часть возьмите себе, а остальную часть верните в шахскую казну.

И стали купцы ездить по другим государствам. Туда везут ковры, шелка, серебро и фарфор, а оттуда – другие товары. Довольны купцы, и Якуб радуется: приумножается казна шаха Аббаса.

Как-то пришёл Якуб домой и говорит жене:

– Жена, а жена, знаешь, что я задумал?

– Что? – спрашивает та.

– Приумножил я шахскую казну... Вот и думаю пустить часть казны на строительство.

– Доброе дело задумал! – одобрила жена.

На следующий день стал Якуб приглашать к себе тайно от шаха Аббаса и его везиров людей и говорит им:

– Вот вам столько-то денег из шахской казны, стройте в своих городах храмы, да так, чтобы любо было смотреть не только нам, но и нашим правнукам!

Обрадовались люди, поблагодарили Якуба и стали строить храмы в своих городах и селениях.

А между тем Якуб пригласил к себе старост из разных городов и говорит им:

– Вот вам столько-то денег из шахской казны, стройте дороги и мосты, дворцы, мечети, синагоги, храмы... Сажайте сады... А если понадобится какой совет, поезжайте в такой-то город (и Якуб назвал тот самый аул, где он совсем недавно был шахским конюхом), скажите, что от меня, и вам окажут любую помощь.

Так наставлял Якуб каждого старосту. А они возвращались и тут же принимались за дело.

Спит как-то шах Аббас и видит сон: в зале, где хранится его казна, завелось множество мышей. А сундук с казной весь в дырках, и мыши растаскивают казну. Около сундука сидит серый кот, всё видит, а с места не двигается, только своими большими глазами по сторонам водит и радуется, что мыши шахскую казну растаскивают. Рассердился шах Аббас, пнул ногой кота, а кот перевернулся и превратился в кривого Якуба.

В страхе проснулся шах Аббас и тут же приказал слуге доставить к нему казначея Якуба.

Подняли Якуба с постели и привели к шаху Аббасу.

– Да буду я твоей жертвой, великий шах Аббас! – поклонившись, сказал Якуб.

Рассказал ему шах Аббас свой сон и спрашивает:

– Как там моя казна? На месте или нет?

Усмехнулся Якуб и говорит:

– О, великий шах Аббас, изволь прийти и посмотреть!

Вошёл шах Аббас в зал, где казна хранилась, и видит: кругом чисто, а вместо одного сундука стало три.

– Что это? – спрашивает он.

Открыл Якуб крышки всех трех сундуков и говорит:

– Вот она, твоя казна, о великий шах Аббас!

Как увидел шах Аббас доверху наполненные сундуки, так и замер на месте.

– Откуда всё это? – спрашивает.

И вот тут-то Якуб поведал ему всё как есть, ничего не утаил.

Рассердился шах Аббас:

– Почему меня не спросил? Или я уже не твой шах?

Якуб низко поклонился и учтиво ответил:

– О, великий шах Аббас, стоит ли меня в чём-либо укорять?

Ведь всё, что я сделал, я сделал во имя великого уважения к тебе, справедливому правителю. Я не держал с тобой, мой правитель, совета, но ведь я знал, что делаю доброе дело и могу с ним справиться сам. Для чего же мне отрывать тебя от государственных дел по таким пустякам?

Успокоился шах Аббас и перестал сердиться на Якуба.

Шли дни за днями, месяцы за месяцами, годы за годами. Много перемен произошло в стране шаха Аббаса за это время, и однажды случилось такое.

Шахский везир правой руки принёс домой рыбу и велел жене приготовить к вечернему столу бухлеме. Ел, говорят, везир бухлеме, подавился костью и умер. Семь дней и ночей весь народ был в трауре. Был опечален случившимся и сам шах Аббас. Долго думал он, кого же назначить везиром правой руки. «Может быть, назначить казначея Якуба? – думал он, но тут же говорил себе: Нет, нет! Это не тот человек. От него всякое можно ожидать: и хорошее, и плохое. Кто знает, для чего он так старается?»

Несколько дней и ночей колебался шах Аббас. Наконец он решил испытать преданность Якуба. Позвал он к себе главного звездочёта и наказал ему:

– Пойди к казначею и предскажи ему по звёздам, что через три дня и три ночи шах Аббас умрёт, если он, Якуб, не принесёт в жертву своего сына. Сделаешь всё как я сказал и тут же явишься ко мне доложишь!

– Да быть мне твоей жертвой, великий шах Аббас. Всё будет сделано, как ты велишь! – сказал главный звездочёт и, поклонившись, удалился.

Вот Якуб возвращается домой и видит: у дворцовых ворот сидит главный звездочёт и держит на коленях книгу.

– Салам алейкум! – говорит ему Якуб.

– Ваалейкум ассалам, Якуб! – отвечает звездочёт и тут же говорит: – Якуб, хочешь, я погадаю тебе по звёздам?

Якуб остановился и говорит:

– Сделай милость, погадай!

И подосланный звездочёт начал гадать:

– Перемещение звёзд предвещает в ближайшие дни несчастье для всей нашей страны!

– Какое?! – встревожился Якуб.

– Уста мои не смеют произнести вслух эту чёрную весть!

– Говори, почтенный! – попросил Якуб.

– Звёзды предсказывают смерть нашего великого и справедливого правителя...

– Шаха Аббаса?! – в тревоге спросил Якуб.

– Да, – ответил звездочёт.

– Неужели нет никакого спасения?! – взмолился Якуб. – Ведь шах Аббас не заслуживает смерти. Он такой многомудрый и справедливый!

Звездочёт хитро молчит.

– Неужто никак нельзя предотвратить это несчастье? – снова спросил Якуб.

И только теперь подосланный звездочёт ответил:

– Есть одно средство, но оно невыполнимо.

– Нет ничего невыполнимого, говори, – потребовал Якуб.

– Нужно, чтобы кто-нибудь из приближенных шаху людей принёс в жертву своего единственного сына, – продолжает звездочёт, – и чтобы сыну было двадцать четыре года, как и самому шаху Аббасу...

У Якуба подкосились ноги, сердце облилось кровью – его сыну было двадцать четыре года.

– Что мой сын по сравнению с таким великим и справедливым человеком, как наш шах Аббас! – воскликнул Якуб и быстро направился домой.

Тем временем звездочёт пошёл прямо к шаху Аббасу. Рассказал звездочёт шаху всё как есть. Шах Аббас тут же переоделся в одежду дервиша, накинул на себя чёрный халат и поспешил к дому кривого Якуба. Взобрался он на крышу дома и стал смотреть в слуховое окно. Смотрит он и видит: Якуб обнял жену и говорит:

– Жена, знаешь, что я хочу тебе сказать? Перемещение звёзд предвещает в ближайшие дни несчастье для всей нашей страны!

– Что, война или голод? – в тревоге спрашивает жена.

– Нет, хуже! – отвечает Якуб. – Умрёт наш шах Аббас... Но это несчастье можно предотвратить. Для этого нам нужно пожертвовать своим сыном. Эта жертва будет принята Богом, и Бог отведёт от нашей страны большое горе!

Расплакалась жена Якуба. Долго не могла она успокоиться. Плакал и сам Якуб. Увидел сын плачущих родителей, забеспокоился и спрашивает:

– Что случилось?

Рассказал отец сыну всё как есть и говорит:

– Сын мой, Бог только тогда примет эту жертву, если сам жертвующий пойдёт на неё добровольно! Раздевайся, сын мой, человек нагим приходит в мир и нагим уходит к Богу.

Сын покорно разделся и лёг на пол. Связал его Якуб по рукам и ногам, положил его голову к себе на колени, снял со стены кинжал и только собрался было перерезать сыну горло как сверху донёсся голос:

– Остановись, Якуб! Бог видит твоё чистосердечное желание помочь шаху и принимает его как искупительную жертву за великого шаха Аббаса. Дарую твоему правителю и твоему сыну жизнь. А ты, Якуб, за верность Богу и твоему правителю с этого времени будешь более счастлив!

Голос замолк. Пораженный Якуб бросил кинжал, упал на колени и, совершив молитву, бросился во дворец.

А шах Аббас, никем не замеченный, вернулся в тронный зал, переоделся в шахские наряды и стал ждать прихода Якуба.

Вскоре Якуб предстал перед шахом Аббасом. Упал он на колени и стал целовать шаху ноги.

– Ты что, Якуб, ума лишился или сон какой увидел? – сердито крикнул шах Аббас, делая вид, что он ничего не знает о случившемся.

– Прости, великий шах, прости. Да, я видел страшный сон! Но теперь это уже не страшно! Бог милосерден!

– Якуб, успокойся и иди домой, – повелел шах Аббас и ушёл.

На следующий день великодушный шах Аббас собрал на совет всех своих приближённых и объявил:

– Отныне казначей Якуб будет моим везиром правой руки.

Так кривой Якуб стал везиром правой руки самого шаха Аббаса.

Шли дни. Много добрых дел совершил Якуб, будучи везиром правой руки. Теперь он своё умение и ревностную любовь к стране и к своему справедливому шаху Аббасу использовал с большим усердием и правами. Но вот однажды к нему пришло письмо из Хоайтага. Вот что в нём было написано: «Дорогой Якуб! Мы гордимся тобой и рады твоим успехам! Но почему ты забыл то место, где родила тебя мать?» Далее в письме рассказывалось о том, как новая жена старосты Дауда довела своего мужа до страшной болезни, заточила его в загородном доме, выгнала всех его приближённых, а на их место поставила своих людей, алчных и корыстолюбивых... Сборщики податей, муллы и кадии, ростовщики и торговцы, воры и жулики быстро богатеют, говорилось в письме, а народ впал в нищету и отчаяние.

Якуб погружился в глубокое раздумье, не зная, как поступить. Пошёл, говорят, он тогда к шаху Аббасу и рассказал ему обо всём.

– Что же ты будешь делать? – спросил шах Аббас.

– Не знаю! – первый раз в жизни ответил Якуб. – Это моя Родина, всё мне там знакомо, поэтому и не знаю, великий Аббас!

Не стал шах Аббас больше ни о чём говорить. Написал он указ, где говорилось: «Новым старостой Хоайтагской области назначаю Яхью, сына Якуба». Написал и велел Якубу собирать сына в дорогу.

Приехал, говорят, Яхья в Хоайтаг, а вместе с ним сорок шахских слуг. Собрал Яхья на площади народ и прочитал указ шаха Аббаса.

С радостью принял народ этот указ. А слуги Яхьи схватили всех корыстных людей и жену Дауда и тут же на площади казнили. Говорят, Дауд был очень рад, что наконец-то избавился от этой жены-гадюки. Вскоре Дауд вернулся в свой каменный дом.

Не прошло и двух месяцев, как дела в Хоайтаге пошли на лад. Народ был доволен своим новым старостой. Однажды случилось так, что Яхья увидел дочь бывшего старосты и влюбился в неё. Да и она полюбила его. Через два месяца Яхья женился на дочери Дауда.

Семь дней и семь ночей не смолкали звуки барабанов и зурны. Все плясали, веселились, пили, ели и воздавали хвалу великому шаху Аббасу и его везирам. Говорят, что вместе с Якубом и его женой на свадьбе был и сам шах Аббас и тоже пил, ел, веселился и даже плясал и бросал на голову невесты, по древнему обычаю, золотые монеты.

Так кривой Якуб своим долготерпением и умением, добром служить людям и своему правителю достиг больших успехов и оставил добрую память о себе.

Верно говорит народ: и кривое дерево приносит целебные плоды.

Младшая дочь шаха Аббаса

тояли жаркие летние дни. В один из таких дней отправился шах Аббас на охоту. Как всегда взял он с собой на охоту предсказателя данусменда Бахлюля. Целый день они были в пути и только к вечеру добрались до одного аула. Было очень душно, небо собиралось к дождю. Да и они изрядно устали.

– Нас в дороге может застать дождь. Давай лучше остановимся до утра в этом ауле, – говорит данусменд Бахлюль шаху Аббасу.

Посмотрели они и видят: в одной сакле горит очаг. Подошли они и постучались в двери. А в этой сакле жил бедняк с женой. Открыл бедняк двери и спрашивает:

– Что за дело у вас?

– Если можно, разреши нам до утра остановиться, – говорят шах Аббас и данусменд Бахлюль.

– Ладно, – говорит бедняк, – в дом входите, радость вносите.

Шах Аббас и его предсказатель не сказали, кто они и куда путь держат, только пожелали хозяевам всего хорошего и сели к огню.

Жена бедняка быстро собрала гостям ужин, выложила на стол свои бедняцкие угощения, предложила есть на здоровье и ушла в другую комнату. Она была беременна и должна была вот-вот родить.

И надо же было случиться такому: в эту же ночь жена бедняка почувствовала боль в животе. Бедняк позвал мамой, – и вскоре его жена родила сына. И вот в это самое время – от Бога ли пришло или от самой жизни – неважно, важно то, что данусменд Бахлюль хлопнул в ладоши и стал смеяться. Шах Аббас, видя, что его предсказатель смеётся, спрашивает:

– Что случилось?

– Что могло случиться? – ответил данусменд Бахлюль. – У бедняка родился сын. Он вырастит и женится на твоей дочери.

– Да сгореть твоему отцу, что ты болтаешь! Этому никогда не бывать, – отрубил шах Аббас.

В эту ночь шах Аббас никак не мог уснуть. Слова предсказателя мучили его душу.

«Надо убить этого новорождённого», – подумал шах Аббас.

Утром, перед тем как уходить, шах Аббас подозвал к себе бедняка и говорит:

– Знаешь что, у меня нет детей, а у вас они ещё будут. Отдай мне вашего новорождённого, а я тебе дам за него два хурджуна золотых.

Посоветовался бедняк с женой, и решили они взять два хурджуна золотых и отдать ребёнка.

Спеленали они сына и отдали шаху Аббасу, а взамен получили два хурджуна золотых монет. Поблагодарили хозяева и гости друг друга и разошлись.

Когда шах Аббас и его предсказатель прошли два аула и проходили вдоль леса, шах бросил ребёнка в колючий кустарник со словами: «Да умереть тебе здесь!» – и они пошли дальше, а мальчик остался лежать один, такой крохотный, в большом тёмном лесу.

А теперь расскажу я вам об одном бедном одиноком старике, который жил в ауле, что был неподалёку от леса, где бросил шах Аббас ребёнка. У этого одинокого и бедного старика была коза. И каждое утро он эту самую козу гнал в лес, а поздно вечером пригонял обратно домой. Вот и сегодня одинокий старик погнал пастись свою козу. Целый день пробыли они на пастбище: коза щипала траву, а старик лежал на солнце и грел свои старые кости.

Вечером, когда старик возвращался в аул, до его слуха донёсся плач маленького ребёнка. Старик направился в ту сторону, откуда

слышался плач. Подошёл он ближе и видит: в колючем кустарнике лежит ребёнок. Он так сильно плакал, что у него уже почти не осталось сил дышать. Взял старик на руки дитя и говорит: «У того, кто тебя бросил здесь, Бога над головой нет. Чтобы твоё горе избило того бессердечного человека».

Принёс старик ребёнка к себе в саклю и думает: «У меня тоже, как и у этого мальчика, никого нет. Оставлю я его себе. Буду кормить его и поить козым молоком. Выращу, глядишь, будет мне помощь в предсмертные дни».

С этого дня старик и ребёнок стали жить вместе.

Шли дни, годы, бедный старик так хорошо смотрел за своим названным сыном, что и некоторым отцам и матерям стоило бы позавидовать. Спустя семь лет ребёнок подрос и стал таким красивым, что и описать невозможно.

В один из дней вышел мальчик на улицу поиграть с аульскими ребятами в лапту.

И надо же такому случиться: шах Аббас и его предсказатель данусменд Бахлюль возвращались с охоты мимо этого самого аула. И дорога их проходила именно по той самой улице, где играли дети. Проезжая мимо на лошадях, данусменд Бахлюль увидел ребёнка, которого когда-то шах Аббас бросил в колючки, хлопнул в ладоши и рассмеялся:

– Что ещё там случилось? – спросил своего предсказателя шах Аббас.

– Что ещё могло случиться? – ответил ему данусменд Бахлюль.
– Помнишь ребёнка, которого ты купил за два хурджуна золотых когда-то у бедняка, а затем бросил в лесу... Он уже подрос и вон с ребятами играет в лапту. Я же тебе говорил, что он вырастит и женится на твоей дочери.

Увидев этого ребёнка уже большим мальчиком, глаза шаха Аббаса налились кровью. Ему на миг представилось, что этот голодранец может стать его зятем и жить в его доме.

– Нет, не бывать ему никогда моим зятем, – сказал он. – Я должен что-то придумать.

Подъехали они поближе к играющим детям, подозвали к себе этого мальчика и спрашивают его: чей он сын?

– Иди, позови своего отца или мать, – сказал шах Аббас.

Ребёнок, ничего не подозревая, побежал и позвал своего отца. Когда бедный старик увидел, что перед ним сам шах Аббас, от испуга даже пожелтел, будто в нём от страха желчь разлилась.

Шах Аббас спросил старика:

– Говори, только правду... Иначе голову твою отделию от твоей шеи... Откуда у тебя взялся этот ребёнок?..

Бедный старик рассказал ему всё, как было, ничего не утаив.

– Даю хурджун золотых, отдай мне мальчика.

«Ребёнок не мой, – подумал старик, – и никогда чужой ребёнок родным не будет. Возьму-ка я лучше хурджун золотых, да и буду себе жить без нужды... С золотыми всё можно».

– Согласен, – промолвил бедный старик.

Взял шах Аббас и на этот раз бедного мальчика, отдал старику хурджун золотых, и они поехали дальше.

Доехали они до дальнего леса. Остановились. Шах Аббас завёл мальчика в колючий кустарник, поставил к дереву, обмотал его семь раз веревкой и завязал тугой узел.

– Да быть тебе здесь трупом, – зло сказал шах Аббас.

Они поехали дальше, оставив бедного, взывавшего о помощи мальчика в большом и страшном лесу. Долго плакал бедный ребёнок, да так сильно, что голос его стал сиплым. Но нет, никого не было в лесу и некому было помочь бедному, несчастному мальчугану.

Но случилось так. Отправился как-то на дальнюю охоту в тот самый лес Чиме-Чин падишах. И вдруг до его слуха донёсся какой-то хриплый плач.

– Наверное, шакалы кричат, – сказал один из слуг.

Но Чиме-Чин падишах не согласился.

– Что не говорите, это плач ребёнка, – сказал он и повелел осмотреть лес.

Слуги по плачу отыскивали бедного мальчика. А он землёй не пахнет, а мертвецом лежит. Глаза красные от слёз. Доложили слуги падишаху. Подошёл Чиме-чин падишах и видит: к дереву привязан чудо-красоты мальчик, и нет цены такой красоте.

– Какой бессердечный человек привязал этого красавца? – возмутился падишах. – Скорее режьте верёвки!

Слуги быстро разрезали верёвки, дали мальчику воды, успокоили, накормили, уложили отдохнуть и часа через два поехали дальше, взяв с собой и этого бедного сироту.

– Нет у меня сына, – говорит Чиме-Чин падишах своим слугам, – возьму-ка я этого мальчика себе в сыновья. Такой красавец достоин быть сыном такого, как я, падишаха... Возвращаемся домой, – приказал падишах. – Охота оказалась очень удачной.

Посадил падишах мальчика на свою лошадь, и они тронулись в обратный путь, к городу-крепости.

Привёз Чиме-Чин падишах сироту к себе домой, раздел его в самые дорогие наряды и стал растить его и кормить хлебом, на котором пылинку не встретишь; мясом, в котором косточку не найдёшь...

Прошли годы... Исполнилось мальчику тринадцать лет. Возмужал он. И вот в один из дней говорит Чиме-Чин падишаху:

– Дорогой отец, мне хочется отправиться на охоту, посмотреть чужедальние края... Я уже не маленький...

– Милый мой сын, для чего тебе чужедальние края? Всё, что ни есть у меня – это ты. И без тебя всё моё богатство ничто в моих глазах... Не дай Бог, случится что-нибудь с тобой... Не уговаривай отпустить тебя. Всё моё богатство и шахство – тебе, – говорит сыну Чиме-Чин падишах.

Сын ещё долго упрасивал отца отпустить его, но падишах не соглашался. А сын всё приставал со своей просьбой. И отец сдался, разрешил ему отправиться на охоту.

Собрал тогда Чиме-Чин падишах десять своих слуг и приказал им отправляться вместе с сыном на охоту.

– Ну, ладно, пусть познаёт жизнь. Он же не хуже сыновей других падишахов, – думал Чиме-Чин падишах.

Взяли они всё необходимое, сели на своих скакунов и отправились на охоту.

У Чиме-Чин падишаха был смелый и красивый сокол. Этого сокола он всегда сажал в золотую клетку и брал с собой на охоту. На этот раз сокола взял с собой его сын.

Стояли летние жаркие дни. Сын Чиме-Чин падишаха и слуги отца его разбили на опушке леса шатёр и сели отдохнуть, попировать.

Пусть они пируют, а я расскажу вам про шаха Аббаса и его предсказателя данусменда Бахлюля.

Шах Аббас и его предсказатель данусменд Бахлюль тоже охотились в этом лесу, где и сын Чиме-Чин падишаха. И вот когда они, уставшие и голодные, тоже разбили шатёр и сели обедать, данусменд Бахлюль хлопает в ладоши и смеётся:

– Что это ещё случилось с тобой, негодник? – испуганно спрашивает своего предсказателя шах Аббас.

– А что ещё может случиться? – отвечает данусменд Бахлюль. – Помнишь, ты у бедняка за два хурджуна золотых купил ребёнка и бросил его в колючки, а затем этого же ребёнка купил у бедного, одинокого старика за хурджун золотых и привязал в лесу к дереву? Так вот, этот мальчик стал уже юношей и отдыхает недалеко отсюда в шатре, а его сокол поклевал твоего сокола и улетел к хозяину... Я же тебе говорил, что этот ребёнок всё равно женится на твоей дочери.

Шах Аббас нервно вскочил с места и говорит:

– Что ты болтаешь, негодник. Этому никогда не бывать. Где это слыхано, чтобы дочь такого почтенного, как я, шаха стала женой какого-то бедняка. Я ему сейчас наказание придумаю...

Шах Аббас написал письмо сыну Чиме-Чин падишаха, что ему необходимо прийти в такое-то место, в такое-то время к самому шаху Аббасу.

Поручил шах Аббас своему предсказателю отнести письмо и вручить юноше.

Сказано – сделано.

Прочитал юноша письмо и растерялся, для чего зовёт его сам шах Аббас?

Но решил юноша идти к шаху Аббасу.

– Я скоро вернусь, – сказал он слугам своего отца и ушёл.

Предстал сын Чиме-Чин падишаха во всей красе перед шахом Аббасом. А шаху Аббасу стыдно стало смотреть в лицо юноше, которому он причинил столько зла. Настолько красивым стал этот юноша, что цены нет его красоте!

– Быть тебе в здравии и радости, – приветствовал юноша шаха Аббаса и добавил: – Чем могу тебе служить?

Шах Аббас и говорит:

– Исполни мою просьбу: отвези это письмо в моё шахство, отдай любому человеку и скажи им, что шах Аббас передал.

– Исполню! – сказал юноша и взял у шаха письмо.

«Выполнить просьбу шаха – доброе и благородное дело, – подумал юноша, – отвезу и к вечеру вернусь».

Ничего не сказав своим слугам, сын Чиме-Чин падишаха вскочил на своего скакуна и поскакал в шахство Аббаса.

Скачет он и не знает, что написано в том письме, которое везёт. А написано в нём вот что: «О сыны мои, о дочери мои, о невестки мои, о зятья мои, о слуги мои, о гаравоши, о векилы... Этого юношу, который передаст вам письмо, придёт он к вам ночью или днём, в полночь или в полдень, вообще в любое время суток, убейте (подпись: шах Аббас)».

Город шаха Аббаса, куда поехал сын Чиме-Чин падишаха, скажу я вам, был очень красивым городом, с каменными домами и цветущими садами.

И вот в полдень въехал юноша в город и видит: перед ним красивый, цветущий сад. Въехал он в сад, сошёл со своего скакуна, накормил его свежей травой, затем привязал к дереву, а сам умылся холодной родниковой водой и лёг в тени, положив под голову свою папаху.

«Отдохну часок, потом и отнесу письмо семье шаха Аббаса», – подумал юноша и незаметно уснул.

Пусть он спит, да и снятся ему сладкие сны, а я расскажу вам про дочь самого шаха Аббаса... Дочь шаха Аббаса вместе со своими инчегузами прогуливалась в этом самом саду, где уснул юноша-красавец. Сад был очень большой. А росли в нём все фрукты, какие только знал человек. И был там бассейн с четырьмя источниками. И жили в этом саду соловьи и другие певчие птицы.

И вот незаметно для самих себя, дочь шаха Аббаса и её инчегузы подошли к тому самому роднику, где спал сын Чиме-Чин падишаха. Подошли они поближе и видят: к дереву привязана лошадь, а на траве спит какой-то незнакомец.

«Кто же это может быть, чтобы без разрешения прийти в сад моего отца да ещё разлечься и спать? – подумала дочь шаха Аббаса, – Наверное, какой-нибудь гонец от отца».

Подошла она ещё ближе к спящему и видит: спит юноша, да не юноша, а само чудо красоты. Если у человека два глаза, то ещё два глаза нужно, чтобы смотреть на него. Настолько красив был юноша, что цены нет его красоте.

Влюбилась дочь шаха Аббаса в юношу, глаз не может отвести. Сняла девушка, дочь шаха Аббаса, со своей головы платок, накинула на то дерево, под которым спал этот юноша, чтобы солнце не жгло его и без того разгорячённое лицо.

Наклонилась красавица над юношей и увидела, что из его папахи виднеется клочок письма: «Наверное, отец через него переслал», – подумала дочь шаха Аббаса.

Она осторожно вынула из папахи это письмо и прочла написанное.

– Какой жестокий человек мой отец, – сказала девушка своим инчегузам, – как только могла его рука написать, чтобы такого красавца убили?

Она разорвала на клочки письмо отца и тут же составила другое письмо, в котором написала: «О сыны мои, о дочери мои, о зятья мои, о невестки мои, о слуги мои, о гаравоши, о векилы мои... Этого юношу, который передаст вам моё письмо, придёт он к вам ночью или днём, в полночь или в полдень, в общем, в любое время суток, отдайте ему в жёны мою младшую дочь и сыграйте богатую свадьбу». Подписалась дочь шаха Аббаса, как подписывается отец, и положила это письмо в папаху юноше.

...Вернулась дочь шаха Аббаса домой и ждёт прихода гонца с письмом.

А юноша проснулся и видит, что день приближается к ночи. Заторопился он, отвязал своего скакуна, вскочил на него и поскакал к дому шаха Аббаса. Прискакал и стал стучаться в шахские ворота. На стук вышли стражники шаха Аббаса.

Юноша объяснил им, что его с письмом послал шах Аббас.

Провели его в дом, к семье шаха. Вручил юноша письмо и собрался было уходить, а дочь шах-Аббаса и говорит:

– Прочитайте письмо, может быть, нужно ответить.

Стали читать письмо, а в письме написано, чтобы выдали замуж младшую дочь за этого юношу и сыграли богатую свадьбу.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу во дворце шаха Аббаса. И стали юноша и младшая дочь шаха Аббаса жить на радость друг другу.

К тому времени прошёл год, как шах Аббас ушёл на охоту. И вот в один из дней семья шаха получает письмо, в котором сообщается о возвращении шаха Аббаса домой.

В тот день, когда шах Аббас должен был уже въехать в город, девушка рассказывает своему мужу историю о том, как она порвала письмо отца, а сама написала другое...

– Сегодня все мы пойдём встречать отца моего, – сказала она, – сядем в золотую отцовскую карету и поедем. Когда мы подъедем близко, ты сойдёшь, обнажишь свой кинжал, протянешь отцу моему и скажешь:

«Твоё право этим кинжалом отрубить наши головы».

Данусменд Бахлюль, видя такое дело, встанет перед отцом моим и скажет: «Жить им тебе на радость!» И отец простит нас.

Семья шаха Аббаса с радостью вышла навстречу отцу. Ещё издали увидел данусменд Бахлюль юношу и рядом с ним младшую дочь шаха Аббаса. Данусменд Бахлюль хлопнул в ладоши и громко рассмеялся.

– Что там ещё случилось? – встревожился шах.

– Что же ещё могло случиться? – говорит ему его предсказатель. – Помнишь, ты за два хурджуна золотых купил у бедняка его ребёнка и бросил в колючки. Затем ты купил этого мальчика ещё раз за хурджун золотых у одинокого, бедного старика и привязал в лесу к дереву, а потом ты этого же юношу послал с письмом к себе домой и приказал убить его. А теперь смотри... Вон он и твоя младшая дочь едут на колыхаге встречать тебя... Я тебе что говорил...

Шах Аббас остолбенел, лицо его налилось кровью:

– Я их обоих убью, – вскричал шах.

Когда шах Аббас и карета поравнялись, юноша соскочил с неё, обнажил свой кинжал и сказал шаху:

– Твоё право этим кинжалом отрубить наши головы.

Шах Аббас протянул руку к кинжалу, а данусменд Бахлюль встал перед шахом Аббасом и сказал ему:

– Смири свой гнев... Пусть живут тебе на радость!

Когда шах Аббас вошёл к себе в дом, он собрал всех своих слуг, везиров и советников, всех своих сыновей и дочерей, всех своих невесток и зятьёв, вообще всех, кто жил в его доме, и спросил он: кто дал вам право не выполнить мой приказ?!

Все собравшиеся, слыша такой вопрос шаха Аббаса, подумали, что он потерял свой разум. Принесли и показали ему то письмо, которое им вручил юноша. Посмотрел шах Аббас на письмо и узнал в нём почерк своей дочери.

– Если дочь сама решила, что же мне делать? – сказал шах Аббас.

Данусменд Бахлюль сказал тогда шаху Аббасу:

– Разве я тебе не говорил, что сын бедняка женится на твоей дочери?! Я никогда не вру!

Шах Аббас кивнул головой, подтверждая слова своего предсказателя, и сказал:

– Связанное Богом да не развяжется!

Лиса и плешак

ком рассказать, о ком поведать?!

Расскажу-ка я вам про плешака и лису.

Было так или не было, жил в одном городе плешак. А неподалёку от тех мест в лесу жила лиса.

Однажды плешак неведомо где отыскал грушевое дерево и принёс к себе во двор. Посадил он его в своём саду и стал дожидаться, когда дерево даст плоды и он сумеет насладиться ими.

Проходят дни, недели, а плешак всё ухаживает за деревом: то принесёт воды с речки и поливает его, то окапывает, то ещё что-нибудь делает. Как мать лелеет ребёнка, так и плешак растил своё грушевое дерево.

Наконец пришло время и дерево принесло плоды. Груш было так много, что плешаку пришлось ставить подпорки, иначе ветки сломались бы под тяжестью плодов. Каждый раз, когда плешак подходил к дереву и видел созревающие груши, у него текли слюнки. Но он был терпелив и не сорвал ни одного плода, пока не пришло время.

– Пусть наберут сока, – говорил он себе. – Уж я тогда позову друзей и закатим пир.

Между тем лиса, что жила поблизости в лесу, повадилась бегать в сад плешака. Прибежала она в первую ночь и видит: растёт дерево, а на нём столько груш, что ветки к земле гнутся. Обрадовалась лиса и давай рвать груши. Рвёт и песенку поёт про то, как она, лиса, пирует, а плешак спит.

Поёт лиса, а плешак видит сон, будто груши спели и он объедается ими.

Тем временем лиса наелась и убежала в свой лес. А плешак утром проснулся, взял лопату и пошёл в сад. Подошёл он к грушевому дереву и видит, что ветки обломаны, а самых спелых груш нет.

– Э-гей, кто-то украл мои груши! – воскликнул плешак и решил в эту ночь не спать и выследить вора.

Наступила ночь. Долго плешак не спал и высматривал вора, но сон взял своё, он всё же уснул и до самого рассвета не просыпался.

А лиса и в эту ночь пришла в сад. Вдоволь наелась груш и убежала.

Плешак проснулся и видит: груш на дереве почти не осталось – всё оборвано.

– Пусть я буду проклят, – вскричал плешак, – если сегодня ночью не выслежу вора!

Ночью плешак спрятался в траве и стал ждать прихода вора. Длинной, как кишка шагаду, показалась эта ночь плешаку. Уж очень ему хотелось спать!

Под утро он вдруг увидел как через забор перепрыгнула лиса и побежала прямо к грушевому дереву. Стала лиса рвать оставшиеся плоды, а плешак притаился и ждёт, когда будет сподручнее схватить воровку. И вот, когда лиса потянулась за очередной грушей, плешак выскочил из своего укрытия и схватил лису.

– Так, значит, это ты ворует мои груши! – закричал плешак. – Значит, на готовое пришла! Сейчас ты останешься без головы!

Испугалась лиса и говорит:

– Да буду я твоей жертвой, почтенный шах грушевого дерева! Отпусти меня, а я тебе добром отплачу.

– Ты ещё пощады просишь! – рассердился плешак. – Обещаешь отплатить мне добром! Где это слыхано, чтобы лиса делала хорошие дела?

Лиса расплакалась и говорит:

– Душой отца клянусь, плешак, я женю тебя на дочери самого падишаха!

Обрадовался плешак, что будет зятем самого падишаха, и помиловал лису.

– Ладно, быть по-твоему, – сказал он. – Жени меня на дочери падишаха.

Они ударили по рукам и с тем расстались. В то же утро лиса направилась ко дворцу падишаха. Подошла она к воротам, постучалась и стала ждать.

– Кто стучит? – спрашивают падишахские слуги.

– Это я, лиса, у меня к падишаху дело есть.

Слуги пришли к падишаху и доложили ему о приходе лисы.

«Лиса без дела не придёт», – подумал падишах и велел пропустить к нему лису.

Пришла лиса в покои падишаха и уселась напротив него, подложив под себя хвост.

– С чем пришла, дорогая лиса? – спрашивает падишах.

– Жить тебе и здравствовать, почтеннейший падишах, – отвечает лиса. – Я пришла по очень важному делу. Я знаю, мне ты не откажешь. Я всегда желала тебе добра и благополучия. Я всегда молилась за тебя.

Слушал-слушал падишах лестные слова лисы и не выдержал:

– Да не терзай мне душу, говори, с чем пришла?

А лиса своё твердит:

– Душой отца своего клянусь, с добром пришла. Мой приход весельем пахнет... Повезло тебе.

– Да говори, в чём дело! – рассердился падишах.

– Я пришла просить тебя выдать дочь за шаха грушевого дерева. Уж если не выдать за такого шаха, как он, то и выдавать не за кого. Счастье само тебе в руки идёт. Бери, почтенный падишах!

Выслушал падишах лису и говорит:

– Много сватов приходят сватать мою дочь, но я всем отказываю. Не по мне все они. Но ради тебя я отдам свою дочь за шаха грушевого дерева.

Договорилась лиса с падишахом о дне свадьбы, пожелала ему счастья и собралась было распрощаться, но тут падишах говорит:

– Дорогая лиса, прежде приведи ко мне жениха. Я посмотрю на него. Да и дочь пусть увидит его. Хоть свадьбу вечером играют – договориться надо днём.

– Быть по-твоему, почтенный падишах, – отвечает лиса, – жених с друзьями и сватами придёт.

Падишах остался в своих покоях, а лиса что есть духу примчалась к плешаку и стала кричать ещё с порога:

– Дорогой брат плешак, где ты?

Выскочил плешак навстречу лисе и спрашивает:

– Что случилось, говори?

– Да что может случиться, – отвечает лиса. – Всё хорошо. Падишах согласился отдать за тебя свою дочь.

Плешак от радости пустился в пляс.

– Слушай, плешак, – продолжает лиса, – ты должен делать всё так, как я тебе скажу. Не послушаешься меня – будет плохо.

– Буду, буду слушаться, – говорит плешак.

– Так вот, выпроси у своей матери золотой эршефи.

– Что ты задумала, лиса? – спрашивает плешак.

– Иду к падишаху тебя сватать... А золотой эршефи заставит падишаха поверить в твои богатства. Ведь в мире этом всё богатством измеряется.

– Как же ты обманешь падишаха? – спрашивает плешак.

– Я пойду и попрошу у него мерку для золота. Скажу, что шаху грушевого дерева нужно подсчитать свои эршефи. А когда буду возвращать ему мерку, то оставлю на дне один эршефи, будто бы его там забыли. Шах увидит деньги и подумает: «Да он так богат, что золотой эршефи ни во что не ставит». Теперь тебе понятно?

– Валлах-биллах, здорово ты придумала, – радуется плешак. – Я сделаю всё так, как ты велишь, дорогая лиса.

Пошёл плешак к матери и стал просить у неё один золотой эршефи.

– Зачем тебе эршефи? – спрашивает мать.

– Лиса женит меня на дочери падишаха, – отвечает плешак и рассказывает о затее лисы.

Мать всегда мать. Достала где-то золотой эршефи и отдала сыну. А лиса между тем пришла к падишаху и говорит:

– Жить тебе и здравствовать, почтенный падишах. Я пришла попросить твою мерку. Жених хочет подсчитать своё золото.

Отдал падишах свою мерку, а сам думает: «Видно, однако, мой будущий зять очень богат».

А лиса пришла с меркой к берегу моря и стала накладывать в нее ракушки да высыпать в кучу, пока мерка не треснула. Тогда лиса засунула в трещину золотой эршефи и понесла во дворец падишаха.

– Отдайте эту мерку падишаху, – сказала лиса слугам, а сама спряталась за углом и стала ждать.

Передали слуги мерку падишаху. Падишах посмотрел в неё и видит: в трещине застрял один золотой эршефи.

– Позовите сюда лису, – приказал падишах.

Лиса вошла и жалуется:

– Ох, и устала я мерить женихово золото.

А падишах говорит:

– В мерке остался один золотой эршефи. Возьми, лиса, отдай хозяину.

– Не дай Бог, чтобы наш шах грушевого дерева услышал твои слова! Он бы обиделся, почтенный падишах. Такую мелочь он нищим отдаёт. Отдай этот эршефи какому-нибудь бедняку. – Лиса сказала так и ушла.

«О! – думает падишах. – Да мой зять богаче меня, если золотые эршефи направо и налево швыряет!»

Падишах не стал оттягивать день свадьбы. Он послал к лисе своих слуг с письмом, в котором приглашал её с женихом на смотрины. Взяла лиса письмо и примчалась к плешаку.

– Плешак, падишах приглашает нас завтра к нему. Надо идти.

– Дорогая лиса, мы опозоримся перед падишахом, – отвечает плешак.

– Прикуси язык да помалкивай, – отвечает лиса. – Я всё сама сделаю.

На следующее утро лиса пришла к одному богачу и говорит:

– Почтенный богач, ты всегда был добрым. Никогда и никто не слышал, чтобы ты не выручил человека. Добрая молва о тебе за семь вёрст идёт...

– Говори, лиса, с чем пришла?

– Да продлятся дни твои. Ради здоровья детей своих ты должен меня выручить, – продолжала лиса. – Дай мне ненадолго пару платьев, сапоги да папаху. Решила плешака женить...

Богач хотел отказать, да вспомнил лисьи похвалы. Как тут не дать ей одежду. Недаром в народе говорят: «Лестной речью и змею в друга превратишь».

Взяла лиса у богача всё, что ей было надо, и прибежала к плешаку.

– Идем со мной, – говорит.

Привела она плешака к морю и стала мыть ему голову. Моет и моет, а плешак кричит:

– Умираю, дорогая лиса, хватит!

– А ты что хочешь – и зятем падишаха быть, и грязь с головы не смыть, – говорит лиса.

Вымыла лиса плешаку голову, а затем повела его в баню. Там хорошенько искупала его и лишь тогда нарядила в одежду жениха.

Потом лиса собрала юношей – сыновей знатных людей города, и все они пошли ко дворцу падишаха.

Впереди идёт плешак-жених, а следом лиса и остальные сваты.

У слуха быстрые ноги. Дошло до самого падишаха, что идут к нему сваты шаха грушевого дерева. Обрадовался падишах и приказал музыкантам встречать гостей.

Забили барабаны, заиграла зурна... С музыкой и плясками вошли в падишахский дворец гости.

Тут же слуги падишаха накрыли свадебный стол. Чего там только не было! Здесь и бараний плов, и долма, и вино... В общем, зачем вас расстраивать – столы гнулись от разных яств!

Расселись гости и стали угощаться. Посадили плешака на самое почётное место. Подвинули к нему разные яства. А плешак смотрит на всё это, радуется и ест, ест. Прямо с костями глотает мясо!

Видел всё это падишах и от стыда готов был сквозь семь пластов земли провалиться. Отозвал он лису в сторону и говорит ей:

– Дорогая лиса, что-то не нравится мне этот жених. Он так ест, будто семь дней и семь ночей в рот ничего не брал. То на свои наряды смотрит, то со стола всё хватает. Не похож он на богатого человека.

А лиса всегда найдёт что сказать.

– Жить тебе и здравствовать, почтенный падишах. Что для него твой богатый стол и эти угощения! Просто он никогда в жизни не видел мяса с костями. Для него мясные блюда готовят без костей. Вот потому-то он и ест мясо с костями. А на свои наряды он смотрит от смущения. Жалеет о том, что не своё шахское платье надел. Ему кажется, что люди с осуждением смотрят на его простой наряд, – вот как ответила лиса падишаху.

Кончилось сватовство, назначили день свадьбы. Плешак ждёт не дожждётся, когда же, наконец, будет свадьба. Долгими кажутся ему дни ожидания – каждый час как целые сутки, а сутки – как месяц. Забыл плешак обо всём на свете и даже о своём грушевом дереве не вспомнил. Зато для лисы время летело быстро. Она всё думала: куда же привести невесту?

И вот пришло время играть свадьбу, а лиса так ничего и не придумала.

– Опозорилась! – решила лиса и вдруг вспомнила, что на окраине города есть огромный дворец. В семь раз больше и красивее, чем у падишаха. А живут в нём пара аждага.

«Вот туда-то я и поведу невесту», – решила лиса.

– Собирай всех своих друзей, знакомых и незнакомых, встречаемых и поперечных, соседей и детей, пойдем за невестой, – сказала лиса плешаку.

Сказано – сделано. Собрал плешак всех своих друзей, знакомых и незнакомых, встречаемых и поперечных, соседей и детей и стал ждать лису.

А лиса тем временем побежала к жене аждага и говорит:

– Меня твой муж послал. Сегодня вечером к вам почётные гости придут. Муж велел приготовить всё самое вкусное.

Поверила жена аждага лисе и стала во дворе готовить в котлах разные яства.

Наступил вечер, и пришло время вести невесту в дом жениха. Вот лиса и говорит:

– Надо собираться, а то у жениха всё угощение остынет, да и гости ждут не дожждутся.

Вскоре на улицах раздались звуки барабана. Это вели невесту. Лиса шла впереди, а с двух сторон дети несли горящие плошки.

Вскоре подошли ко дворцу аждага. Тут лиса побежала вперед и давай кричать:

– Дорогой брат аждага, спасайся. На тебя идёт войско семиголовых аждага. Они хотят убить тебя и твою жену. Скорее спасайся!

Поверил аждага лисе и спрятался в огромный стог сена. Там же укрылась и его жена. А лиса, не будь душой, возьми и подожги стог. Так и сгорели аждага с женой.

А лиса тем временем открыла огромные ворота дворца и стала осыпать жениха с невестой сахаром и рисом.

– Добра и счастья! Добра и счастья! – кричала лиса гостям.

Вошли гости во дворец, увидели прекрасные покои да так и прикусили от удивления пальцы.

– Счастье пришло в руки падишаха. За такого богатого жениха отдал он свою дочь! – говорили они.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу плешака и дочери падишаха. На восьмой день гости разошлись, а плешак с невестой остались в этом дворце.

– Ну что ж, плешак, ты хотел лишить меня умной головы за свои груши. А теперь что ты скажешь? Доволен ли ты мной? – говорит лиса.

Поклонился лисе плешак и говорит:

– Всю свою жизнь буду помнить то, что ты сделала для меня.

– Вот и хорошо, – отвечает лиса. – А теперь я пойду в лес, но когда-нибудь вернусь к тебе.

А кто знает, зачем она вернётся? Лиса-то всегда останется лисой!

Фагир и мошенники

В одном городе жил с женой бедняк по имени Фагир. У них ничего не было, кроме старого дома, годовалого упитанного бычка и пятнадцатилетнего сына.

Как-то раз Фагир сказал своему сыну:

– Дитя моё, у меня нет времени, мне нужно заняться другими делами. А ты отведи-ка нашего бычка на базар и продай его за десять золотых.

Сын не стал возражать отцу, – вывел бычка со двора, привёл его на базар и стал дожидаться покупателя.

Прошёл час, другой. Наконец подошёл к нему мужчина средних лет, осмотрел внимательно бычка и ласково спросил:

– Юноша, сколько стоит твоя коза?

Сын Фагира удивлённо взглянул на него и ответил:

– Уважаемый человек, это бычок, а не коза. Разве ты не видишь?

Мужчина хотел что-то сказать, но в эту минуту подошли к ним ещё двое покупателей. Они тоже внимательно осмотрели бычка со всех сторон и в один голос спросили юношу:

– Сколько стоит твоя коза?

Рассердился на них сын Фагира и недоуменно сказал:

– Неужели годовалого бычка не можете отличить от козы?

Словно сговорившись, – а это так и было, – все трое мужчин начали хором утверждать, что перед ними не годовалый бычок, а настоящая коза. Сын Фагира слушал, слушал их, и в конце концов согласился с ними. Получив от них несколько золотых и отдав им своего бычка, он положил деньги в карман и вернулся домой. Фагир взял деньги у сына и спросил:

– Почему так мало?!

Рассказал ему юноша о трёх покупателях и о том, почему он продал годовалого бычка за цену тощей козы. Понял тогда бедный Фагир, что его несмышлённый сын угодил в хитросплетённые сети ловких городских мошенников и поэтому решил им отомстить за подлость и коварство.

Утром следующего дня он отправился в лес и поймал двух одинаковых зайцев. Возвратившись домой, он сказал жене:

– Одного из зайцев я отнесу на базар, а другого оставляю дома и приду с гостями. Ты же до моего прихода свари вкусный ингар, поставь на стол кое-что из зелени и кувшин сухого вина. Когда гости рассядутся, я спрошу у тебя, что ты приготовила на обед, отвечай: «Я приготовила на обед всё, что ты передал через своего зайца».

– Хорошо, – сказала жена и стала готовить обед.

А тем временем Фагир обвязал верёвкой одного из зайцев и, словно щенка, повёл на базар. Там было шумно и многолюдно. Фагир подошёл к тому месту, где продавали всякую живность, и стал терпеливо ждать. Долго ли он ждал, это ему знать, но, наконец, к нему подошли те мошенники, которые обманули его сына.

– Сколько стоит твой заяц? – спросил их атаман.

Фагир чуть прищурился и ответил:

– Мой заяц – бесценен, потому что он мудр, понимает человеческий язык и выполняет все приказы своего хозяина.

Мошенники от удивления уставились на него.

– Быть того не может! – воскликнули они. – На свете нет такого животного, которое понимало бы человеческий язык.

– А мой заяц понимает, – сухо сказал Фагир. – Давайте проверим. Тут же перед вами я сейчас прикажу ему передать моей жене,

чтобы она до нашего прихода приготовила вкусный ингар и поставила на стол разной зелени и кувшин доброго вина. Согласны?

– Попробуй, если получится, – согласились мошенники.

Фагир усмехнулся про себя, взял своего зайца на руки, снял с него верёвку и, приказав ему всё, что только что сказал мошенникам, отпустил его. Заяц, почуяв свободу, тут же шмыгнул между ног прохожих и скрылся за воротами базара.

Через полчаса мошенники были уже в гостях у Фагира. Они вошли в чисто убранную комнату, осмотрелись вокруг и видят: на столе стоят стаканы и кувшин вина, а рядом несколько кусков лаваша и разная зелень.

– Всё так, как ты нам говорил, – сказали мошенники, – но мы не видим твоего учёного зайца.

– А вы посмотрите в тот тёмный угол, – спокойно сказал Фагир.

Посмотрели мошенники в угол и видят: сидит себе заяц величаво и грызёт морковь, придерживая её лапками.

Тем временем Фагир подозвал жену и спросил:

– Милая, что ты приготовила на обед?

Жена незаметно для гостей подмигнула ему и ответила:

– Господин мой, я приготовила всё, что ты передал мне через твоего зайца. Садитесь за стол, я подам вам ингар.

Фагир и мошенники сели за стол и принялись за еду. А вскоре, наевшись и напившись, охмелевшие гости обратились к доброму хозяину:

– Дорогой Фагир, продай нам своего учёного зайца. Мы готовы заплатить за него столько золотых, сколько ты попросишь.

– Нет, дорогие гости, – сказал Фагир, – я раздумал продавать такого умного и послушного зайца. Он мне самому нужен почти что каждый день.

Мошенники начали его упрашивать долго и настойчиво. Фагир наконец сдался их натиску и сказал:

– Пусть будет по-вашему. Давайте мне цену двух годовалых бычков, то есть двадцать золотых, и забирайте моего зайца.

Отсчитали мошенники двадцать золотых и отдали Фагиру. Тот быстро спрятал деньги в карман, вручил им зайца и тут же распрощался с ними.

Выйдя на улицу, мошенники решили сразу же испытать свою драгоценную покупку. В это время заяц находился на руках у атамана. Он склонился к его уху и строго сказал:

– Сейчас же отправляйся к моей жене и передай ей, чтобы до моего прихода с друзьями приготовила нам вкусный обед.

Сказав так, он отпустил зайца. Заяц стремительно помчался по улице и вскоре скрылся за поворотом.

Ровно через час трое мошенников пришли в дом атамана. Вошли они в комнату и видят: стол пуст, а хозяйка сидит у окна и грызёт семечки.

Атаман быстро подскочил к ней и грозно спросил:

– Эй, женщина, почему на столе ничего нет? Разве заяц не передал тебе моё повеление, чтобы ты до моего прихода приготовила вкусный обед и подала его?

Женщина удивлённо уставилась на мужа.

– Какой заяц? – спросила она. – Не потерял ли ты свой рассудок, шляясь по городу в поисках очередных простаков?

Услышав такое, поняли мошенники, что Фагир обманул их, и решили хорошенько его проучить.

А тем временем Фагир уже готовился к новой встрече с ними. Он позвонил жене и сказал:

– Слушай, милая! Вот эту кишку, наполненную козьей кровью, я привяжу сейчас к твоей шее. А когда к нам придут мошенники, плюнь на пол и ничего не делай. Тогда я понарошку рассержусь на тебя, выхватчу из ножен свой кинжал и его остриём слегка проколю кишку. Тотчас оттуда хлынет кровь. Ты с криком схватись за окровавленное горло и, упав на пол, притворись мёртвой. Лежи так до тех пор, пока я не заиграю на зурне. А после, услышав музыку, встань на ноги и пригласи меня на танец...

Только он успел произнести последние слова, как в комнату ворвались разгневанные мошенники и бросились на него.

– Или верни наши деньги, – закричали они, – или мы убьём тебя, подлец!

Фагир выпучил глаза и удивлённо спросил:

– В чём дело, друзья мои?

Атаман свирепо надвинулся на него и прошипел:

– Чтoб сгорел ты в аду, обманщик и плут! Твой заяц не пришёл ко мне домой и не передал моей жене всё, что я ему поведал. За это тебя повесить мало!

Выслушал Фагир его угрозы и вежливо сказал ему:

– О, почтенный человек, позволь мне задать тебе один вопрос!
– Задавай, пока я не убил тебя! – позволил атаман.
– Скажи мне, когда ты дал поручение своему зайцу, сообщил ли как найти твой дом?

Атаман почесал за ухом и ответил!

– Нет, шайтан меня поberi!
– А если это так, то почему же ты свою ошибку валишь на меня и безвинного зайца?

Атаман и его друзья призадумались. А Фагир воспользовался временным затишьем и обратился к жене:

– О, женщина, накрой-ка нам стол! Мы проголодались.
– Ничего не буду делать! – проворчала жена. – Мой дом – не караван-сарай, чтобы каждый час накрывать стол!

Услышав такое, бедный Фагир сделал вид, что очень разозлился. Он мгновенно выхватил свой кинжал из ножен, крепко схватил жену за плечо и остриём кинжала проткнул козью кишку, привязанную к её шее. Женщина с криком сжала окровавленное горло и замертво упала на пол.

От такой неожиданности мошенники чуть не потеряли сознание. Потом, придя в себя, они сжали кулаки и бросились к Фагиру.

– Эй, незаконнорожденный Фагир! – закричали они. – Разве настоящий мужчина убивает свою жену, если она не исполняет его просьбу?

Фагир усмехнулся и ответил спокойным голосом:

– Моя жена привыкла к таким выходкам. Я не впервые убиваю её и не впервые оживляю.

Мошенники недоверчиво заморгали глазами.

– Неужели мёртвого человека можно оживить? – удивились они. – Не верим мы тебе, хоть лопни!

– Сейчас поверите, – ещё спокойнее сказал Фагир и снял со стены зурну.

Гости уставились на него. Фагир быстро приложил зурну к губам и тут же заиграл весёлую танцевальную музыку. А через минуту

мошенники увидели настоящее чудо: сначала мёртвая женщина зашевелилась, потом присела, а затем ловко вскочила на ноги и пригласила мужа на танец. Фагир заиграл звонче прежнего и закружился вместе с женой в вихре музыки.

После танца мошенники заулыбались хозяевам дома и попросили Фагира продать волшебную зурну. Вначале Фагир отрицательно качал головой, а потом, не выдержав натиска гостей, пошёл на уступки и продал им зурну за большую цену. Когда мошенники отсчитали деньги и ушли, Фагир сказал жене:

– Пока я во дворе вырою могилу, ты хорошенько растопи мангал и раскали в нём три шомпола. Затем, когда я лягу в могилу, спусти их ко мне. Затем прикрой меня досками, но так, чтобы между ними остались щели, и присыпь сверху землицей. А что будет дальше, ты увидишь чуть позже...

О ком рассказать вам дальше, о чём поведать?

Расскажу-ка я вам о трёх мошенниках. Как только они покинули дом Фагира, решили сразу же испытать силу зурны на своих женах. Благо, что они все жили в одном дворе. И вот мошенники со своими супругами собрались в комнате атамана и затеяли скандал с женщинами, которые тут же сговорились между собой и стали лупить наглых мужчин чем попало.

В ответ мошенники просто озверели. Вырвав из ножен острые кинжалы, они бросились на женщин и перерезали всем горло. И сколько бы потом не играли мошенники на зурне, их бедные жёны продолжали лежать на полу без признаков жизни.

Поняли тогда овдовевшие мошенники, что Фагир снова обманул их и, заскрипев зубами, прибежали к нему во двор.

В это время жена Фагира сидела на краю свежей могилы и оплакивала своего несчастного мужа. Узнав от неё о внезапной смерти Фагира, мошенники решили осквернить место его погребения и тем самым отомстить ему за смерть своих жён.

Сказано – сделано. Но как только они присели на корточки, Фагир просунул раскалённые шомпола сквозь щели и опалил им зад. От боли мошенники заметались на месте и выбежали на улицу.

Прошло пять дней. Отправился Фагир к самому градоначальнику и обратился к нему, сказав:

– О, почтенный вершитель судеб, у меня трое рабов. С твоей помощью хочу дать им полную свободу. Твоё мудрое решение будет полностью оплачено.

– Хорошо, – сказал градоначальник и приказал стражникам привести к нему трёх известных мошенников.

Сказано – сделано. Тут же стражники привели мошенников к градоначальнику, а сами молча встали за их спинами. Градоначальник хитро посмотрел на Фагира и мягко спросил:

– Чем докажешь, что эти люди – твои рабы?

– У каждого из них, – ответил Фагир, – есть моя отметина, как тавро на лошадях. Можешь проверить.

Градоначальник проверил мошенников и убедился, что Фагир прав.

– Да, дорогой Фагир, – сказал он, – эти люди – твои рабы.

Тогда Фагир сказал ему:

– В таком случае пусть мои рабы получают свободу, а взамен дадут мне по пятнадцать золотых и расписку, что мы не должны друг другу ничего.

Градоначальник сурово посмотрел на мошенников и спросил:

– Вы согласны с решением добрейшего Фагира?

Мошенники дружно кивнули головами, отсчитали по пятнадцать золотых и вместе с распиской отдали Фагиру, а затем тут же покинули двор градоначальника. К вечеру их уже не было в городе, ибо они боялись наказания за убийство своих жён.

А тем временем Фагир вручил вершителю судеб пять золотых, остальные положил в карман и отправился к себе домой.

Вот так бедный Фагир отомстил мошенникам за то, что они обманули его сына, а также за все те мошенничества, которые они совершали в этом городе.

Наджас, сын разбойника

БЫЛО это очень давно или совсем недавно. Но это было так и никак иначе. Жил на свете разбойник, и жил он в лесу. Звали его Лутип. И было у него семеро друзей, с которыми он шёл на разбой. Жены у Лутипа не было: её он убил лишь потому, что она не разделяла его преступного образа жизни.

От бедной покойницы остался мальчик и звали его Наджас. С торжественным блеском в глазах восторгался маленький Наджас своим отцом. Как-никак отец был грозным, как лев, и перед ним все-все – верховые и пешие – все, кому доводилось проезжать или проходить через лес, падали в страхе на колени и без звука отдавали все свои ценности.

Шли годы, принося разбойнику большие богатства. Он жил на широкую ногу в кайфе и удовольствии. И вот, когда сыну пришлось время идти в школу, отец сказал:

– Сын мой, знай: книжки – это такое зло, которое направлено на того, кто их любит. В книжках ум и совесть, бунт и беспокойство. Книжки мешают людям жить спокойно... Не думай о книжках,

а совесть свою захорони навсегда, да поглубже... Подлость, жестокость, лицемерие – вот то братство, которое принесёт тебе деньги и золото, славу и власть. Понял, сын мой?

«Вот это отец!» – думал маленький Наджас и отвечал:

– Да, отец, понял!

А разбойник продолжал:

– Всё, что пожелаешь, можно сделать при деньгах и золоте. Можно ограбить чужой дом и не быть грабителем. Можно убить самого уважаемого человека и не стать убийцей... Смотри, как это делается.

Позвал разбойник Лутип к себе одного из друзей, склонился к его уху и сказал:

– Друг Машади, хочу с тобой совет держать, тайною поделиться. Тебя я всегда умным считал... Слышали мои уши, что баши наш в прошлый раз не честное дело сделал: половину куша себе взял, а остальное на всех разделил. Да быть мне твоей жертвой, дорогой и глубокочтимый Машади, скажи, что за такие дела делают?

Вскружилась плешивая голова полоумного Машади от лестных слов разбойника Лутипа, и он сказал, полный радости и гордости от сказанных в его адрес похвал:

– За такие дела, дорогой Лутип, – голова с плеч долой – вот, что надо делать.

– Вот именно! – поддержал его разбойник Лутип и ко времени подлил в огонь масла: – Вот тебе десять золотых, убей баши, а куш мы поделим... Если что, я здесь!

Загорелись безрассудные глаза Машади, забегали в ненасытной жадности, а костлявые руки спешно коснулись рукоятки кинжала и стали её так сильно сжимать, будто благодарили верную в дружбе руку разбойника Лутипа.

– Будет сделано, друг, – сказал воинственно Машади.

Когда горы спрятали солнце и на лес опустилась темнота, Машади пришёл к баши и, выбрав удобный момент, вонзил в спину атамана свой булатный кинжал; баши тут же упал на землю и испустил дух. А когда узнали разбойники об убийстве своего баши, набросились на убийцу с угрозами, повалили его на землю и стали бить. Прибежал сюда и Лутип. Стал он размахивать в воздухе кинжалом и кричать на Машади:

– Убийца! Убийца! Такого атамана убить! Такого атамана убить!.. Убить его! Убить его! Убить! Убить! – кричал он.

Кричи криком – дурак найдётся. Знал об этом хитрый крикун, а потому и кричал. До тех пор кричал и неистово бросался на дрожащего в страхе Машади, пока один из разбойников, одураченный криком, не ударил смертельно бледного Машади кинжалом в спину. А разбойнику Лутипу того и надо было: сжёг он свою зловонную подлость на чужом горящем костре и на том успокоился.

На следующий день отец вновь сказал маленькому Наджасу:

– Помни сын, что всегда надо говорить о честности, но самому оставаться бесчестным. Признаваться в любви и преданности, а самому ненавидеть и презирать. Шумно хлопать в ладоши, говорить громкие слова в знак признания сильного, но при случае этими же руками бесшумно задушить его... Словом, всё делать против воли своей днём, а ночью дать полную свободу в поступках и делах.

Ещё больше возгордился мальчик своим отцом и стал подражать ему во всём. Известно, что грязь легко пристаёт, а трудно счищается. У маленького Наджаса и походка изменилась, стала похожей на отцовскую. А походка у отца была бесшумная, не ритмичная, урывчатая, как у хитрой лисы, которая идёт за добычей на охоту и боится спугнуть её. А вскоре и поступки мальчика на отцовские походить стали.

Шли годы. Радовался стареющий отец за мужающего в грабежах и разбоях сына, с гордостью хвалил его, заботился и растил в сыне то нездоровое семя, которое он некогда заронил в его детскую душу. И если подсолнух тянется к солнцу, то в чёрную бездну стремилась душа Наджаса. Бывало, выйдут люти на разбой, а Наджас, словно пантера, неистово и яростно бросается из укрытия на беззащитную и растерявшуюся в страхе жертву и терзает, и рубит невинного человека на куски. Верно говорят: «Что посеешь, то и пожнёшь». И наступит время, и сполна соберёт разбойник Лутип тот урожай, который он сам когда-то посеял в детской душе Наджаса.

А дело было так.

В далёкой и горной стране было падишахство, а правил им добренький, малодушный, недалёкий человек. Те, которые жили в ладу с Богом и совестью, считали своего правителя дурачком или того лучше – простофилей. А те, которые думали только над тем,

как поплотнее наполнить свои и без того толстые животы, называли своего правителя «золотым человеком и мудрым падишахом». И всё потому, что любил падишах кейфы устраивать по всякому поводу, а чаще и без повода: неоспоримо, что на чужой мёд и дурак лънёт. Оно и понятно: со всех концов съезжался к падишаху всякий сброд. Всё, что было в этом падишахстве: и казна, которая постепенно истощалась его приятелями по кейфу; и этот огромный дворец с семьюдесятью мраморными ступенями; и падишахский престол, – всё досталось ему в наследство от покойного отца, известного старикам, а особенно бедному люду под именем «Великий и Справедливый».

Но рассказ не об этом падишахе: то было и осталось в доброй памяти народа. Наш рассказ о добреньком, малодушном падишахе и его единственной дочери, которую он очень любил. И вот, когда пришло время выдавать её замуж, решил любящий отец оповестить мир, что он – почтенный падишах далёкой горной страны – выдаёт свою дочь замуж. Но любимая дочь упростила доброго отца своего позволить ей прежде, чем он отдаст её замуж, отправиться в путешествие.

– Хочу посмотреть, как там, в далёких странах, живут люди, какие надевают наряды, какие песни поют, как танцуют и как веселятся, – сказала она.

Не сумел добренький отец противостоять дочери. Приказал он слугам подать золотую карету да застлать её дорогими персидскими коврами. Дал он ей на расходы полный сундук золотых монет и проводил её вместе с надёжной охраной в дорогу.

Но случилось, что дорога, по которой поехала дочь падишаха, проходила через лес, где промышляли разбойники во главе с отцом Наджаса. Едва только слышали чуткие уши разбойников весёлый звон колокольчиков и резвый стук колёс, как тут же в радости и спешке спрятались в своих укрытиях и стали дожидаться очередного куша, который сам катился безвинной жертвой в их грязные руки.

Если бы знал человек, где горе и несчастье поджидают его, он, наверняка, обошёл, объехал, облетел бы то место стороной! Но не знали о поджидающей их беде ни дочь падишаха, ни её верные нукеры. Стали они подъезжать к тому месту, где спрятались разбойники – а разбойники только того и ждали, – и, о Боже! – как вдруг не то с неба свалились, не то из-под земли выскочили, налетели на них

со свистом, в лохматых, по самые глаза папах – поди узнай их! – и всю охрану поубивали. Кинулся Наджас к дочери падишаха, чтобы и её убить, да вдруг смекнул, что лучше за неё хороший выкуп взять.

– О, судьба, наконец-то ты послала мне настоящее дело – с радостью подумал Наджас. Немедля набросил он на белокурую, как ясный день, голову падишахской дочери свою чёрную лохматую бурку и уволок её в подземелье, что под корнями огромного дерева находилось, и так спрятал её от глаз своих же друзей-разбойников.

Много дней и ночей пробыла дочь падишаха в тёмном подземелье, много слёз пролила, – но кто мог здесь, в этом страшном логове, пожалеть её, помочь – душа разбойника, что камень: не расплавить, не растопить.

Нужно сказать, что и Наджас беспокойным был все эти дни, – не подумайте, что влюбился он, – в такой, как у него, душе нет места для любви! Задумал он жениться на дочери падишаха, стать зятем падишаха далёкой горной страны, а потом убить падишаха и занять его трон. Но не знал как это лучше исполнить. Всё боялся, что не выдадут за него, разбойника, такую красавицу. Но как бы то ни было решил он всё своё коварство, всю подлость в ход пустить, но во дворец падишахский пробраться. Пришёл он к отцу мыслями своими поделиться, а отец и слушать не стал. Нахмурил свои лохматые брови, да так сурово, что ясное небо чёрными тучами заволокло, вот-вот страшной грозой разразится, градом обрушится.

– Не пушу! – говорит. – Здесь родился и здесь умирать будешь... Не послушаешься – убью, задушу этими грязными руками.

Промолчал Наджас, словно языка во рту и не было, но обиду на отца затаил недобрую. Прибежал он к своей пленнице – а время было позднее, ночь тёмная – и говорит ей:

– Я спасу тебя, если ты согласишься стать женой мне, и никому не скажешь, что я разбойник.

Согласилась красавица, обещала тайну о разбойнике Наджасе не раскрывать; а что ей оставалось делать: всю жизнь в подземелье провести или убить себя?

Оседлал Наджас коня, прихватил с собой хурджуна с золотыми монетами, посадил девушку позади себя и только собрался было вскачь пуститься как из темноты выскочил отец, схватил сына за ногу и стал кричать:

– Не пушу! Отца старого пожалей! Разве для того я тебя растил, чтобы ты меня бросил?

Забыл совсем разбойник Лутип, чему учил своего сына. А у Наджаса разговор короткий: обнажил он свой кинжал и отрубил отцу голову, а сам поскакал в сторону большого города, оставив обезглавленного отца в тёмной ночи. Вот так и получил подлый Лутип то, что посеял и взрастил.

Кто знает, сколько времени пробыл Наджас в дороге, но на рассвете прибыл он в большой, шумный город и остановился в караван-сараяе.

– Мне комнату с железными решётками на окнах, – сказал он хозяину караван-сарая и отдал ему своего коня.

Поселил его хозяин в комнате с железными решетками на окнах и тут же подал на стол еду. Позавтракали разбойник Наджас и дочь падишаха и прилегли отдохнуть.

Едва голова уставшей девушки коснулась мягкой подушки, как она тут же уснула. А Наджасу того и надо было: закрыл он двери на огромный замок, положил в карман ключи, наказав хозяину ни в коем случае не открывать двери до его прихода, и ушёл бродить по городу.

Идет он по городу и видит: на углу базара цирюльня, а у входа сам цирюльник стоит и зазывает прохожих такими словами:

*Эй, небритый, эй, заросший!
Заходи сюда, прохожий!
Если старый, с бородой,
Вмиг ты станешь молодой,
Будешь милым, симпатичным –
Женихом весьма приличным...
Эй, небритый, эй, заросший,
Заходи сюда, прохожий!..*

Потрогал Наджас свою бороду – а она у него, надо сказать, была грязной и заросшей – и решил сбрить её.

Побрil его цирюльник, поправил усы, постриг волосы на голове и придвинул к лицу зеркало. Посмотрел Наджас и ахнул, не узнав себя. Теперь он выглядел совсем не разбойником, а обыкновенным

приличным человеком, только вот одежда и папаха всё ещё выдавали в нём разбойника дремучих лесов.

Надо что-то купить! – подумал он и, бросив цирюльнику несколько простых монет, поспешил на базар, где было шумно от людского говора и пёстро от всевозможных товаров.

Пусть пока бродит Наджас по базару и примеряет на себя наряды, а я расскажу вам про падишаха далёкой горной страны, дочь которого отправилась в путешествие.

Спит в эту ночь падишах и видит страшный сон: «Кружится в чёрном небе чёрный орёл, а в когтях у него маленькая красивая птишка, и кричит эта птишка от страха – спасения просит. Крикнул падишах своему нукеру, а когда тот прибежал, приказал убить орла, но было уже поздно: вдруг орёл превратился в гадюку, проглотила она птишку и поползла с шипением к трону, на котором восседал он сам...»

Проснулся падишах в страхе и тревоге за странствующую дочь свою: не случилось ли что?! Позвал он везиров, поведал им страшный сон и стал ждать, что они скажут ему по этому поводу.

И сказал первый везир так:

– О, почтенный падишах, первую половину сна нетрудно разгадать: горе пришло в твой дом, дочь твоя, радость глаз твоих, в опасности.

То же самое сказали второй, и третий везиры.

Помрачнели глаза падишаха, слезами наполнились.

– В чём разгадка второй половины сна? – спросил он, утирая слёзы.

Везиры поклонились в пояс и отвечали:

– Этого мы не знаем, почтенный падишах! Но знаем, что нужно что-то придумать, чтобы спасти светлую радость дворца нашего.

Но самая страшная загадка сна таилась во второй его половине. О, если бы знал падишах, что его ждёт впереди, он лучше бы сам выколол себе глаза, вырвал бы язык свой! Но он ничего этого не знал и не мог знать!

Составил падишах такой текст: «Кто вернёт мне дочь мою, тому в знак вознаграждения обещаю следующее. Если он старый – будет мне отцом; если старуха – матерью; если он моих лет – будет мне братом; если женщина моих лет – будет мне сестрой; если она молодая – будет мне второй дочерью; если юноша – отдам ему в жёны свою дочь и назначу его своим везиром!»

Едва только занялась заря, отправились глашатаи во все концы, чтобы зачитать послание своего падишаха. Во многих местах побывали они, множество раз повторяли этот текст, но всё было, что крик для себя: никто ничего не знал, углом глаза не видел, краем уха не слышал. Но в один из ясных дней прибыли глашатаи в тот самый шумный город, куда прискакал вместе с дочерью падишаха разбойник Наджас. Идут глашатаи по городу, в барабаны бьют и громко кричат:

– Имеющие уши – услышат, у кого есть язык – да скажет, у кого есть душа – поможет... Почтенный падишах далёкой горной страны оповещает, что у него пропала единственная дочь, светоч его очей, которая отправилась странствовать и пропала без вести. Тому, кто поможет падишаху в его горькой беде, падишах в знак вознаграждения обещает следующее... И в который раз, потеряв всякую надежду, стали громко читать послание, составленное падишахом.

Услышал Наджас слова глашатаев – а был он в это время в караван-сараях и показывал дочери падишаха свои покупки, – обрадовался, но радость свою не выдал: знал разбойник, как вести себя в подобных случаях. Закрыв он дочь падишаха на замок, пригрозив ей, чтобы молчала, а сам вышел на хейвун караван-сарая и, как бы шутя, крикнул проезжавшим на верблюдах путникам:

– Эй, глашатаи падишаха далёкой горной страны, а правда, что падишах ваш отдаст в жёны свою дочь за того, кто найдет её?.. Не откажется, сдержит слово?

Остановили глашатаи своё усталое шествие и ответили:

– Могилами наших предков клянёмся, наш падишах слов на ветер не бросает, и он никогда не обманывал... О, добрый юноша, быть тебе зятем нашего почтенного падишаха и его везиром, если ты найдёшь его красавицу-дочь.

Забегали глаза у Наджаса, затряслись руки мелкой дрожью, сдавило грудь, а в голове его уже завертелись коварные планы будущих дней. Уже видел себя Наджас падишахом далёкой горной страны.

– Я знаю, где дочь падишаха, и я доставлю её целой и невредимой, – сказал он, стараясь придать голосу возвышенную радость, – но прежде принесите мне бумагу с подписью и печатью падишаха далёкой горной страны.

Мигом поскакал гонец со светлой вестью к своему падишаху. Много ли дней прошло, или немного, кто знает, но вернулся он со свитком, где стояла подпись самого падишаха, заверенная его же печатью, да и карету золотую с собой привёз.

Вскоре Наджас вместе с будущей своей невестой в сопровождении глашатаев и нукеров предались дороге.

Пусть они едут, взбивая резво дорожную пыль, а я расскажу вам о том, как же готовятся к встрече молодых во дворце падишаха далёкой горной страны.

Едва только гонец привёз светлую весть о том, что дочь падишаха уже в пути, и только эта весть коснулась слуха падишаха, как просветлевший отец тут же приказал готовиться к торжественной встрече.

Сказано – сделано. Зарезали сто самых крупных баранов из падишахской отары, содрали с них шкуры и стали вкусные обеды готовить. Выкатили из падишахских подвалов сто бочек самых лучших вин и стали ждать приезда молодых.

Долго, как кишка шагаду, тянулось время для истомившегося ожиданием отца. Но вскоре настал тот радостный миг, когда карета в сопровождении нукеров подъехала ко дворцу. Весь город вышел встречать молодых. Падишах был так опьянён благополучным возвращением дочери, что и подумать не мог, что радость встречи обернётся для него горем страшных перемен, которые принесла в его дом по воле Наджаса его любимая дочь. Разве мог добренький и малодушный падишах почувствовать угрозу, о которой пытались рассказать ему грустные, неподвижные глаза его дочери.

Три дня и три ночи шёл пир по случаю возвращения дочери падишаха, и всё это время разбойник Наджас не уставал при случае рассказывать всем свою подлую выдумку.

– Вот как мне удалось спасти дочь нашего падишаха от грязных рук разбойников, – говорил он и тут же добавлял, – я знаю, они замыслили надругаться над её красотой, а потом и убить! – При этом он старался выглядеть непосредственно и просто, и никто не мог уловить в его писклявом, как у мышонка, голосе подлую ложь! И никто не мог прислушаться к стуку его сердца, которое все эти дни и ночи спешило уйти, убежать в падишахские покои, чтобы совершить там свою низкую, гнусную подлость.

«Тук-трук!.. Тук-трук!.. Скорее расходитесь, люди!.. Скорее расходитесь, люди...» – твердило его чёрное сердце, неумолимо и настойчиво.

«Ничего на свете вечного нет, всему приходит конец», – гласит народная молва. Подошла к концу и радостная встреча. Разошлись и гости по домам своим, погрузились в заботы и дела свои.

Только на четвёртый день обошёл разбойник Наджас весь дворец, всё осмотрел, во все закоулки заглянул, а в конце, уставший, пришёл в тронный зал, где восседал падишах.

– Добрый день, уважаемый отец! – сказал он, смущаясь и скрепив на груди руки, как этого требует этикет во дворцах, и низко поклонился.

Радости падишаха не было предела, её глубину было не измерить. Он, добродушно улыбнувшись, предложил будущему зятю сесть на падишахское кресло и сказал:

– Хорошо, что ты пришёл, сын мой! Мне пора обещания исполнить, а тебе за работу браться! Я сейчас созову совет старейшин: назначу дату свадьбы, а тебя своим везиром.

Наджас также милостиво, как и в первый раз, отбил поклон и робко сел в кресло, покрытое персидскими коврами. Никогда ему ещё в жизни не приходилось сидеть в падишахском кресле, а многим ли вообще приходилось сидеть?! – а вот разбойнику Наджасу пришлось. Он даже заважничал, сделал суровый властный вид, но тут же втолкнул в себя выползавшее наружу чёрное нутро своей души и принял робкий прежний вид.

Вскоре в тронном зале собралась все везиры и векилы падишаха. Когда вельможи заняли свои места, падишах открыл совет старейшин и, обращаясь к Наджасу, сказал:

– Хвала тебе, сын мой!.. Ты, вижу, смелый юноша... Назначаю тебя третьим везиром.

Только падишах произнёс эти слова, третий везир ужаснулся, словно к его телу поднесли раскалённую кочергу, но сразу же спохватился и, нехотя улыбнувшись в ответ, посмотрел на будущего падишахского зятя виновато.

«Ух, кинжал, от кинжала и подохнешь!» – с гневом подумал Наджас о третьем везире. Но, сдержав свой гнев и злую обиду,

сделался вдруг вежливым и внушительным, пристально посмотрел на третьего везира, который остался стоять, сжавшись в комок, подобно напуганному ежу, и, отбив трижды общий поклон, сказал:

– Нет, отец, не хочу быть третьим везиром.

Третий везир поклонился в сторону Наджаса, медленно выпрямил спину и сел. А падишах, тем временем, обратился к Наджасу с такими словами:

– Хвала тебе, сын мой!.. Вижу, ты и умом не обижен... Назначаю тебя вторым везиром!

Едва слова падишаха коснулись слуха второго везира, как тот бросил злой взгляд в сторону будущего зятя падишаха и нервно задвигал скулами.

«Ух, гадюка, от гадюки и умрёшь!» – зло подумал Наджас о втором везире и также зло посмотрел на него. Из глаз второго везира неуловимо, но зримо сыпались тысячи ядовитых стрел. Но Наджас сдержал свою злую обиду, сделался вдруг вежливым и, отбив трижды общий поклон, сказал:

– Нет, отец, не хочу быть и вторым везиром.

Встреппенул падишах, вскинул свою голову, подобно удивлённому петуху, произнёс гордо и учтиво:

– Хвала тебе, сын мой! Хвала!.. По всему видно, что ты можешь справиться с обязанностью и первого везира... Быть по-твоему: назначаю тебя первым везиром!

Прикрыл первый везир глаза рукой и медленно стал опускать руку на подбородок, а опустив, сжал свои челюсти пальцами и, глядя на Наджаса зло и лукаво, остался сидеть так в ожидании чего-то страшного.

«Ух, крысиный яд, от яда и умрёшь!» – подумал Наджас о первом везире и, улыбнувшись ехидно в жидкие усы, ударил своего недруга пристальным взглядом.

– Нет, отец мой, не хочу быть и первым везиром, – наконец сказал он, отбив трижды общий поклон.

Первый везир освободил свои челюсти и мило раскланялся во все стороны.

А падишах тем временем ухмыльнулся, косо посмотрел на будущего зятя и полусердито спросил:

– А хотел бы ты, сын мой, стать казначеем?

У казначея задрожали руки, затряслись ноги, глаза судорожно забегали по стенам, будто искали убежище.

«Хозяин казны – голова!» – подумал Наджас, но тут же улыбнулся тонко и ехидно и, приняв внушительный вид, сказал:

– Нет, почтенный отец мой, не хочу!

Рассердился, наконец, падишах, приставил сжатые кулаки к бёдрам, выставил нижнюю губу вперед и косо, спустив левую ногу, что означало: «Да я тебе голову сейчас велю отрубить!» – раздражённо спросил:

– Кем же ты хочешь стать, сын мой?! – Последние два слова он произнёс так тихо и жалостливо, словно обращался к покойнику.

И вот тут-то Наджас, с достоинством отбив поклоны – три низких поклона падишаху и по одному поклону в правую и левую стороны, – смущённо и робко заговорил:

– Почтенный отец мой, великий падишах горной страны! – Он сделал общий поклон. – Я с детства любил играть в военные игры, а потому научился метко стрелять из ружья и крепко держать в руке любое оружие. Все говорили мне в нашем ауле: «О, Наджас, хороший из тебя нукер будет...» Прошу вас, почтенный отец, и вас, почтенные везиры и векилы, назначить меня старшим нукером...

Как услышал старший нукер – гроза всех и всему, – зло и резко повернулся в сторону Наджаса, коснулся рукояти кинжала и, покручивая свои длинные усы, вздохнул в злобе и ярости, подобно льву, готовому броситься на своего противника. О нет, не растерялся разбойник Наджас! Он то давно для себя решил, что, только охраняя падишаха, сможет его убить и остаться незамеченным! Улыбнулся он своей тонкой улыбкой, легко кивнул в сторону старшего нукера и, обращаясь к падишаху и придворной знати, продолжил в том же тоне свою речь:

– ...А старого нукера, уважаемого всеми, назначьте казначеем. А казначея ко мне – нукером... Я сказал всё, почтенный отец мой! – Наджас поклонился низко-низко и сел.

Разве мог добренький и малодушный падишах отказать своему будущему зятю и спасителю его единственной дочери, возразить или не уважить его просьбу? Конечно же, нет!

– О, сын мой! – многозначительно произнёс он, полный радости за умного и смелого Наджаса.

– Быть, по-твоему: назначаю тебя старшим нукером, а уважаемого нами нукера Али – казначеем, а казначея Вали – твоим нукером. Свадьбу сыграем через семь дней, – закончил совет старейшин падишах.

Все низко поклонились падишаху и стали расходиться. Наджас, Вали и Али ушли вместе.

Вот так разбойник Наджас стал старшим нукером падишаха далёкой горной страны. О, если бы всё на этом и закончилось! Но нет! Это было только началом чёрных и коварных планов разбойника Наджаса. Готовился он во что бы то ни стало скорее расправиться с падишахом.

Шесть дней с утра и до вечера, семь ночей с вечера и до утра, с высоких дворцовых башен до хрипоты в голосе возвещали хундекучи волю падишаха, созывали гостей, чтобы пожаловали они на свадебное торжество. Все дворцовые – от мала до велика – готовили вкусные яства и разливали по дорогим кувшинам изысканные вина. Где уж тут было им увидеть печаль в глазах дочери падишаха? Где уж тут было им заметить подлый огонёк в глазах будущего зятя падишаха?

На седьмой день вечером закатали неслыханный свадебный пир. В разных местах, начиная от самого порога падишахских покоев и кончая входными воротами дворца и даже за дворцовыми воротами, на всех семидесяти лестничных ступенях звенела зурна, гремели бубны, барабаны; их сменяли нежные звуки тара и саза, все плясали до полной, но приятной и радостной усталости.

Столы ломились от всевозможных яств! – плов, епраги, шашлык, жареные бараньи туши, яблоки, груши и виноград, сладости и вина – всего было в изобилии; до самой последней ступени мраморной лестницы были поданы угощения. Все знакомые и незнакомые, все родственники и придворные принимали участие в этих торжествах. Был на этом пиру и уважаемый всеми местными жителями ашуг Агулменд со своей прекрасной женой, которую он очень любил и которой дорожил больше, чем самим собой.

А в центре дворца, подобно круглой луне на огромном небе, сияла неслыханной красотой невеста, озаряя своей доброй, прелестной

улыбкой всех, кто смотрел на неё. Не сходила улыбка и с тонких бледных, как майский воск, губ подлого и коварного Наджаса. Временами он азартно рассказывал собравшимся выдуманную им ложь о том, как он хитро и незаметно пробрался в логово лесных разбойников и похитил, рискуя жизнью, из-под самого их носа красавицу, которую он впервые увидел, когда она проезжала в карете через их аул. «Увидел и сразу полюбил пылом тысячи юношеских сердец!» – говорил он и лукаво подмигивал своей невесте. А дочь падишаха молча кивала белокурой, как ясный день, головой: а что она могла сказать, если разбойник Наджас крепко повязал её словом? Все смотрели на молодых умилёнными, восторженными взглядами, и никто не подозревал, какую ядовитую гадюку привела под отцовский кров бедная красавица.

И только чуткий и разбирающийся в людях Агулменд заподозрил в поведении Наджаса что-то подлое, страшное. Он как раз сидел напротив жениха и невесты и внимательно наблюдал за ними.

Много песен пропел Агулменд, и все благодарили его возгласами «Машалла!», говорили в его адрес и в адрес его супруги добрые пожелания. А сидящая рядом с ним супруга, скромная и чуткая женщина, всей душой гордилась своим милым и любимым Агулмендом. Не сидел безучастным к ашугу и жених. Он сдержанно улыбался своей холодной улыбкой, благодарил кивком головы певца и нет-нет да посмотрит на его супругу. И было в этих урывчатых взглядах что-то необъяснимое, подозрительное, грязное.

Насторожился Агулменд, задумался и решил пропеть такую песню:

*Если невеста на свадьбе своей
Только улыбку безвольно роняет,
Если жених после длинных речей,
Пламенный взор на неё не кидаёт...
Зачем же тогда свадьба нужна?
Будет ли счастлива мужа жена?*

Услышал Наджас эту песню Агулменда, и кровь бросилась ему в голову, опьянённую вином и близким успехом коварного замысла.

Схватил он кинжал и хотел по своей разбойничьей привычке перерезать ашугу горло, но не устоял на ногах, поскользнулся и упал, да так, что нож прямо в подлое сердце вонзился!

Как увидела такую смерть от руки самого Худо дочь падишаха, так и разрыдалась. Только слёзы её были слезами радости и освобождения.

Немедленно рассказала она всем присутствующим правду: как её разбойник Наджас в подземелье прятал, и как она дала ему слово хранить тайну о его подлом прошлом, чтобы вернуться домой. Все замолчали. А ашуг Агулменд сказал:

– И слава Богу, что так всё кончилось! Кто знает, какие чёрные планы могли созреть в разбойничьей голове Наджаса и каких подлых дел мог он ещё натворить. Верно говорит народ: «Безграничную подлость только смерть укоротит!» Так и случилось в этой истории.

Младший сын падишаха

В одном падишахстве жил падишах уже немолодых лет. И было у него трое сыновей. Двое старших отличались умом и трудолюбием, а самый младший – легкомыслием и ленью. Поэтому падишах и все его придворные считали юношу ненормальным и не обращали на него внимания. С годами падишах стал замечать, что начинает стареть. Глаза его стали с трудом различать окружающий мир; уши – слышать плохо; ноги – сдавать; тело – дряхлеть, да и движения стали замедленными, неуклюжими, а временами старость вынуждала этого падишаха целыми днями возлежать на троне и напрягать притупляющуюся память, чтобы давать нужные распоряжения своим подданным. Такое угрожающее состояние здоровья постоянно тревожило падишаха, и он, не желая больше откладывать на потом заботу о своём здоровье, пригласил мудрецов и стал просить совета как ему избавиться от постигшего его недуга.

Один из мудрецов, учтиво поклонившись и приложив к сердцу руку, сказал:

– О, почтенный падишах, да продлятся годы твои!.. Избавиться от всех твоих недугов есть одно средство, но для этого нужно,

чтобы один из твоих сыновей, и советник посмотрел в сторону братьев, которые сидели неподалёку, отправился в Гюлистанский сад и нарвал в этом саду с чудотворного дерева листья. Листья эти надо высушить и, связав в узелок, опустить в бассейн, в котором ты, почтенный падишах, купаешься. Сок листьев растворится и сделает воду бассейна чудотворным бальзамом. Стоит тебе несколько раз искупаться, как все твои недуги исчезнут, как бы и не было, и ты станешь здоровым, бодрым и даже помолодеешь.

Выслушал падишах внимательно и спрашивает:

– А где же этот самый Гюлистанский сад?

– Жить тебе и здравствовать, почтенный падишах, но я этого не знаю. Правда, я читал в древних книгах, что такой сад есть, но никто из живущих на земле людей не ведаёт, где находится этот волшебный сад, – ответил советник.

Расстроился падишах и, даже не поговорив с детьми, уединился в своих покоях. Как бы там не было, братья посовещались между собой и решили отправиться на поиски Гюлистанского сада.

Первым вызвался старший брат. Он взял с собой хурджун с едой, хорошее оружие, сел на коня и, попрощавшись, отправился в дорогу.

За три дня и три ночи он проехал бурные реки и зелёные леса и на четвёртый день очутился между двумя горными вершинами, где находился необыкновенный сад. Юноша прошёл по его аллеям и подумал: «Видимо, это и есть тот самый Гюлистанский сад, о котором мудрец говорил отцу».

Обрадовался он своим мыслям, наполнил хурджун листьями и вернулся во дворец. Отдал он листья лекарям, а те тщательно высушили их, завязали в узелок и опустили в бассейн, где купался падишах. Но падишаху от этого лекарства стало ещё хуже.

Настала очередь среднего брата. Он тоже взял с собой хурджун с едой, хорошее оружие, сел на доброго коня, попрощался со всеми и отправился в дальний путь.

За семь дней и семь ночей перевалил юноша через семь гор и семь долин и на восьмой день очутился у подножия снежного хребта, на вершине которого он увидел благоухающий необыкновенный сад и подумал: «Это, видимо, и есть тот Гюлистанский сад, где растут деревья с чудотворными листьями».

Обрадовался юноша такой удаче, быстро пробрался туда и наполнил хурджун зелеными листьями, а вернувшись домой отдал их лекарям. Те умело высушили листья, завязали их в узелок и опустили в бассейн. Падишах выкупался в водах бассейна, но ему не стало легче. С каждым днём его всё больше одолевала старческая слабость.

Теперь настала очередь младшего брата... За много дней и много ночей он перевалил через горы и ущелья, через моря и реки и очутился в лесу у прохладного источника. Дав волю своему коню, он умылся после нелёгкой дороги и сел в тени ветвистой чинары. Только вытащил он чурек из хурджуна, как неожиданно перед ним возник седобородый старик с дорожным посохом в руке.

– Салам аллейкум, отец, – сказал ему юноша. – Не отведаешь ли ты со мной чурека?

– Ваалейкум ассалам, – ответил старик. – С хорошим человеком можно утолить и жажду и голод.

Юноша разломил чурек на две части и одну из них протянул старику. После еды младший сын падишаха рассказал ему, кто он родом и какая беда привела его в эти края.

Выслушал старик младшего сына падишаха и сказал:

– Сын мой, дорога к Гюлистанскому саду слишком опасна и полна неожиданностей. До тебя туда отправлялось много юношей, и все погибли. Боюсь, что и тебя ждёт та же участь. Но пока цела твоя голова, лучше садись на своего коня и возвращайся домой.

В ответ юноша возразил:

– Нет! Домой я не вернусь! Или погибну, или же достану чудотворные листья из волшебного сада!

Понравилась старику смелость и доброта юноши, и он сказал:

– Тогда слушай меня внимательно. К Гюлистанскому саду ты выбрал верный путь. Скачи по этой дороге и никуда не сворачивай. Через день ты увидишь Гари-Нене. Она ростом и телом похожа на огромную слониху. Когда ты подъедешь к Гари-Нене, она будет сидеть посреди дороги с пудовой жвачкой во рту. Будь очень осторожен. Если Гари-Нене заметит тебя, лучше распрощайся с жизнью. Поэтому, прежде всего, незаметно подкрадись к ней на четвереньках и припади к её груди и не выпускай изо рта грудь до тех пор,

пока Гари-Нене не поклянется могилой своих родителей, что не лишит тебя жизни, и ты станешь её молочным сыном. После такой клятвы можешь смело спуститься на землю. Гари-Нене приласкает тебя, словно родного, и сделает всё, что тебе захочется. А теперь прощай! – Старик ударил посохом о землю и тут же пропал.

Юноша мысленно поблагодарил его и, вскочив на коня, быстро поскакал в сторону Гюлистанского сада. Через день он увидел посреди дороги Гари-Нене, она и вправду была похожа на слона. Младший сын падишаха незаметно подполз к ней и сделал так, как советовал ему старик. Сначала Гари-Нене подумала, что её беспокоят кровожадные насекомые, но увидела юношу необыкновенной красоты и сразу же поклялась могилами своих родителей, что не убьет его, а наоборот, полюбит как родного сына и сделает всё, что тот пожелает.

Поверил юноша клятве старой женщины и рассказал ей о себе и своём больном отце.

Выслушала его Гари-Нене и сказала:

– Эх, сынок, выбрал ты для себя самую опасную дорогу! Продолжишь путь – не вернешься назад! Мой совет: пока цела твоя голова, лучше садись на своего коня и скачи к дому!

– Нет, дорогая Гари-Нене, – воскликнул юноша, – или погибну, или же достану чудотворные листья из Гюлистанского сада!

– Что ж, – сказала Гари-Нене, – поступай по зову сердца! Но прежде выслушай мой совет. По дороге к Гюлистанскому саду ты увидишь огромного дэва. Он недавно занозил себе ногу и очень страдает от боли. Поэтому пройти мимо него не так-то легко. Но спрячься за деревом и дождись, пока страшный дэв не повернется к тебе спиной. В этот момент подползи к нему на четвереньках и вырви занозу величиной с ветку из его опухшей ноги. А когда ему станет легче, дэв побратается с тобой и выполнит твою просьбу.

Поблагодарил юноша старую женщину за добрый совет и сел на коня. Гари-Нене дотронулась ладонью до его плеча и сказала:

– Отныне у тебя сила и крепость семи гор!

Взмахнул плетью юноша и поскакал в сторону Гюлистанского сада.

На следующий день он встретился с раненым дэвом и вырвал занозу из его ноги, как посоветовала ему Гари-Нене. Дэв, успокоившись немного, побратался с юношей и строго сказал:

– Если ты хочешь остаться в живых, лучше возвращайся домой!

Но юноша ответил:

– Дорогой брат, или погибну или же спасу своего отца!

Тогда дэв сказал ему:

– Хорошо, брат мой, поступай по велению своей души! Но прежде отдохни и выслушай мой совет. Дорога будет нелёгкой, и на своём пути ты увидишь три гранитные крепости. Они принадлежат злым дэвам, из которых один – трёхглавый, другой – пятиглавый, а третий – семиглавый. Эти дэвы очень жестоки и держат у себя в плену трех прекрасных дочерей падишаха Чиме-Чина. Если их никто не освободит из плена, то они должны будут выйти замуж за злых дэвов, и по этому случаю каждый дев припас для своей пленницы свадебное платье, к которому не прикасалась ни иголка, ни ножницы портного. Слушай дальше. Самая старшая из них находится у трёхглавого дэва, средняя – у пятиглавого, а младшая – у семиглавого. Если эти милые девушки помогут тебе, хотя бы советом, ты сможешь одержать победу над этими страшилищами и продолжить путь к Гюлистанскому саду. Но тут ты увидишь собаку и лошадь, они прикованы железными цепями к скалам, по разным сторонам дороги и от голода бросаются друг на друга. А все из-за того, что перед лошадью лежат кости, а перед собакой – стог сена. Ты не бойся их и смело поменяй еду местами: сено положи возле лошади, а кости – возле собаки. И та и другая с жадностью набросятся на свою еду и перестанут обращать на тебя внимание. Ты воспользуйся моментом и проскочи между ними. Не пройдёт и часа, как ты подъедешь к железным воротам Гюлистанского сада. Но не вздумай их отворить руками. Сначала найди железный прут и толкни им ворота. Перед тем, как будешь входить в сад, оберни свои ноги травой. Там очень много деревьев с чудотворными листьями. Но не смей их рвать руками. Вначале расщепи палку и срывай ею листья, сколько тебе хочется, а после нигде не задерживайся и быстро отправляйся домой.

Внимательно выслушал юноша советы дэва и от всей души поблагодарил.

Тот вырвал волосок из своей головы, протянул юноше и сказал:

– Брат мой, когда тебе будет нужна моя помощь, сожги его, и я тут же предстану пред тобой!

Попрощался юноша с добрым дэвом, сел на коня и поехал в сторону Гюлистанского сада. За два дня и две ночи он миновал множество рек, лесов и гор, а на третий день приблизился к гранитной крепости трёхглавого дэва. В это время кровожадный дэв находился на охоте. Старшая дочь падишаха Чиме-Чина сидела у окна и смотрела на пустынную дорогу, где внезапно появился скачущий всадник. Она увидела его, радостно захлопала в ладоши и выбежала к нему навстречу.

– Милый юноша, – ласково сказала красавица, – очень жаль, что ты прискакал сюда на свою погибель. Ведь, боясь гнева трёхглавого дэва, мимо его крепости не пролетает птица и не проходит даже верблюд. И ты уходи подальше. С минуты на минуту придёт дэв и уничтожит тебя.

– О, добрая красавица, – воскликнул юноша, – если ты поможешь мне, я быстро одолею трёхглавого дэва и освобожу тебя из плена!

Девушка указала взглядом вдаль и сказала:

– На вершине той горы, что видна за лесом, стоит сухое дерево. На его верхушке находится воронье гнездо, а в нём лежит единственное яйцо. В яйце находится душа трёхглавого дэва. Ты должен взобраться на это дерево, достать яйцо из гнезда и раздавить его. Если ты сделаешь, как я говорю, ты сможешь победить дэва.

Выслушал юноша красавицу, вскочил на своего коня и понёсся к высокой горе. Достигнув её вершины, он начал взбираться на безжизненное дерево, которое своими ветками касалось облаков.

А тем временем трёхглавый дэв, возвращаясь в крепость, почувствовал, что его жизнь в опасности, и, задрожав всем телом, помчался к вершине горы.

Между тем юноша уже добрался до вороньего гнезда и вытащил яйцо. Увидев приближающегося дэва, он с силой раздавил яйцо, и его содержимое потекло по веткам. Дерево ожило и зашелестело зелёными листьями. А трёхглавый дэв схватился за грудь и замертво упал к подножию горы.

Обрадовался юноша такой лёгкой победе, спустился на землю, сел на коня и поскакал к крепостным воротам, где с тревогой его ожидала красавица. Увидев юношу целым и невредимым, она подошла к нему и сказала:

– О, храбрый юноша, не оставляй меня одну в этой страшной крепости! Возьми с собой, умоляю тебя!

– Потерпи немного, милая, – сказал ей юноша. – Я должен спасти твоих сестёр и достать чудотворные листья из Гюлистанского сада.

Девушка покорно кивнула головой и, вырвав волосок из гривы чёрного коня трёхглавого дэва, протянула ему:

– Если тебе будет нужна помощь, сожги этот волосок и чёрный конь предстанет перед тобой.

Попрощался юноша со старшей дочерью падишаха Чиме-Чина, вскочил на своего коня, взмахнул плетью и поскакал к Гюлистанскому саду.

Через день он доскакал до гранитной крепости пятиглавого дэва и постучался в ворота. На стук вышла средняя дочь падишаха Чиме-Чина, подбежала к юноше и радостно сказала:

– О, юноша, пусть твой приход будет счастливым! Уже более трёх лет я не видела в этих краях живого человека. Мне известно, что ты вызволил из плена мою старшую сестру. Будь добр, помоги и мне...

– Я за этим и приехал сюда, – сказал юноша, и не успел он высказаться до конца, как задрожала земля и поднялся ураганный ветер.

Красавица побледнела и попятилась к воротам.

– Пятиглавый дэв приближается к нам! – закричала она. – Пока он не заметил тебя, поверни своего коня к лесу и спрячься в каком-нибудь дупле. Ну скорее же, милый!

Рассердился юноша на красавицу и громко сказал:

– Я прискакал сюда не в прятки играть, а биться насмерть с жестоким дэвом!..

Он хотел что-то добавить, но тут появился пятиглавый дэв и свирепо закричал ему:

– Эй, юноша, что ты делаешь возле моей крепости? Здесь почти тысячу лет не пролетала птица, а верблюды не ступали ногой. Ты же, паршивец, посмел прискакать сюда, да ещё заговорить с моей пленницей. Меня все боятся, ну держись!

Услышав угрозу, юноша выхватил свою саблю из ножен и сказал ему с гневом:

– О, пятиглавое страшилище, я приехал к твоей зловонной крепости не ради твоего гостеприимства, а чтобы убить тебя и спасти среднюю дочь падишаха Чиме-Чина из плена!

Пятиглавый дэв расхохотался и полушутливо сказал:

– Из-за такой малявки, как ты, я не пошевелю даже своим мизинцем, а только слегка подую на тебя, подниму на воздух и проглочу, словно жалкого воробья.

Подул пятиглавый дэв на юношу, поднял его высоко над собой, подержал немного в воздухе и, широко разинув пасть, проглотил вместе с оружием и одеждой.

Но юноша, оказавшись в желудке дэва, не растерялся и тут же начал рубить остроконечной саблей его утробу. Пятиглавый дэв от страшной и невыносимой боли стал метаться из стороны в сторону, а вскоре изо рта у него хлынула фонтаном кровь, и он замертво упал на землю. Юноша, поняв, что дэв теперь не страшен, раскрыл ему пасть и спокойно выбрался на свободу.

Велика была радость средней дочери падишаха. Увидев юношу живым и здоровым, она начала умолять:

– О, смелый юноша, не оставляй меня в этой мрачной крепости, возьми с собой, увези отсюда!

Но юноша в ответ сказал девушке то же самое, что и её старшей сестре. Красавица согласилась с ним, вырвала волосок из гривы красного коня пятиглавого дэва и сказала:

– Если тебе будет нужна помощь, сожги этот волосок и красный конь предстанет пред тобой.

Попрощался юноша с девушкой, сел на своего коня и поскакал к Гюлистанскому саду. На утро следующего дня он остановился у гранитной крепости семиглавого дэва и постучал в железные ворота.

Выбежала младшая дочь падишаха Чиме-Чина к нему навстречу и тревожно сказала:

– О, милый юноша, жить тебе и здравствовать! Мой мучитель – семиглавый дэв вот-вот вернётся с охоты. Пока он не застал нас вместе, посади меня на своего скакуна и увези куда нибудь.

Рассердился юноша на неё и сказал:

– Я пришёл сюда, чтобы убить семиглавого дэва, а не пятиться назад!

Тем временем семиглавый дэв почувствовал чужой запах и стремительно помчался к крепости. Ещё издали он увидел юношу рядом с пленницей и бросился на них. Но юноша имел силу и крепость семи гор и не побоялся его. Он выхватил острую саблю из ножен и начал наступать на семиглавого дэва. Не успел тот сделать и десяти шагов, как юноша отрубил ему шесть голов. Все же дэв не ослаб духом и начал биться с противником ожесточённо и грозно.

В первую минуту девушка следила за боем с любопытством и страхом, но потом поняла, что юноше не одолеть могучего дэва. Тогда она вынесла из тайника свою отточенную саблю и стала биться на стороне юноши. Вдвоём им было намного легче сражаться с чудовищем. К вечеру страшный дэв, наконец, потерял седьмую голову и упал бездыханным у крепостных ворот. Юноша оттащил его останки к пропасти и сбросил их вниз. Только после этого он взглянул на девушку и облегчённо вздохнул.

Младшая дочь падишаха Чиме-Чина повела его в дом, накормила досыта и уложила спать. На рассвете юноша разбудил красавицу, вышел во двор и начал прощаться. Девушка вырвала волосок из гривы синего коня семиглавого дэва и, протянув своему спасителю, сказала:

– Если тебе будет нужна помощь, сожги этот волосок и синий конь тут же предстанет пред тобой.

Юноша поблагодарил красавицу, сел на своего коня и отправился к Гюлистанскому саду.

Через день-другой он подъехал к тому месту, где по двум сторонам дороги гремели тяжёлыми цепями собака и лошадь. Юноша слез с коня, подошёл к ним и поменял их еду местами: сено положил возле лошади, а кости – возле собаки. Они с жадностью набросились на еду и перестали обращать на него внимание. Юноша воспользовался моментом и быстро проскочил между ними.

Прошёл ровно час. Юноша замедлил бег коня и остановился у железных ворот Гюлистанского сада. Вскоре он нашёл небольшой железный прут и толкнул им ворота. Те широко распахнулись и заскрежетали человеческим голосом:

– О, хозяйка, нас открыли!

Услышала хозяйка скрежет ворот, протёрла сонные глаза и спросила:

– Кто посмел вас открыть?

– Железный прут, – ответили ворота.
– Врёте вы, железный прут не может открыть ворота! – рассердилась хозяйка и закрыла глаза.

Поняв, что хозяйка Гюлистанского сада уснула, юноша обернул ноги травой и вошёл в сад. Но не успел он пройти и десяти шагов, как цветы закричали:

– О, хозяйка, проснись, нас безжалостно давят!
Хозяйка проснулась и хмуро спросила:
– Кто посмел вас давить?
– Травы, – ответили цветы.
– Врёте вы, трава не может давить цветы! – гневно сказала хозяйка и повернулась на другой бок.

А тем временем юноша расщепил палку и начал срывать с деревьев листья, но те, что остались на ветках, зашелестели и жалобно закричали:

– О, хозяйка, нас срывают!
Услышала хозяйка голоса листьев и спросила:
– Кто посмел вас срывать?
– Дерево, – ответили листья.
– Врёте вы, дерево не может срывать листья! – грозно сказала хозяйка и снова заснула.

Тем временем юноша наполнил свой хурджун чудотворными листьями и хотел было уже возвращаться домой, но подумал: «Как же это я, находясь в Гюлистанском саду, не увижу его хозяйки? А ну-ка пойду и взгляну на неё!»

Сказано – сделано. Пошёл он по главной аллее волшебного сада и вскоре очутился у сказочного дворца, стены которого были выложены золотыми и серебряными плитами, и поэтому казалось, что дворец залит солнечными лучами. Юноша ахнул от удивления и вошёл внутрь. Тут он посмотрел внимательно и видит: на медном гвозде висит связка ключей. Их было ровно сорок. Юноша понял, что эти ключи от сорока комнат, снял связку с гвоздя и пошёл дальше.

За два часа он побывал в тридцати девяти комнатах и ни в одной из них не встретил человека. Вошёл он тогда в сороковую комнату и видит: на золотой кровати спит хозяйка волшебного сада. Она до того прекрасна, что если у человека есть два глаза, то надо иметь

ещё столько же, чтобы налюбоваться ею. Словом, не ешь, не спи, а только восхищайся красотой этой девушки.

Не выдержал юноша и поцеловал красавицу в щеку, затем снял с её пальца бриллиантовое кольцо и заменил своим. Потом он съел часть плова с бараниной, что стоял на мраморном столике, посмотрел ещё раз на красавицу и поспешно покинул дворец.

Возле ворот Гюлистанского сада его поджидал верный конь. Юноша вскочил на него, взмахнул плетью и поскакал к трем дочерям падишаха Чиме-Чина. Посетив все крепости злых дэвов, он посадил девушек на выносливых лошадей и отправился вместе с ними к родному краю.

Долго ли ехали они – неизвестно, но только говорят, что наконец, добрались они до ворот одного гостеприимного караван-сарая. Юноша протянул его хозяину горсть золотых монет и сказал ему:

– Обеспечь нас свободными комнатами для отдыха.

За всю свою длинную жизнь хозяин не видел столько золотых, сколько дал ему щедрый юноша. Поэтому он тут же предоставил ему и его прекрасным спутницам четыре просторные комнаты, принёс туда же вкусную еду и великолепные вина, увёл их усталых коней под навес, положил перед ними овёс и налил воды.

Пусть молодые люди отдыхают пока в караван-сараяе, а я расскажу вам об отце юноши и двух его старших братьях.

Тем временем, не зная ничего о дальнейшей судьбе младшего брата, двое сыновей падишаха сели на своих коней и отправились на его поиски. И вот через день они доехали до того караван-сарая, где остановился юноша с дочерьми падишаха Чиме-Чина, и стали переговариваться с его хозяином.

Услышав знакомые голоса, юноша выбежал навстречу братьям, обнял их и коротко рассказал о том, как он добрался до Гюлистанского сада, а затем повёл их в комнаты красавиц и познакомил с ними. После ужина они легли спать.

В эту ночь старшие братья, охваченные пламенем зависти, задумали недоброе дело:

– Если брат вернётся во дворец с чудотворными листьями и с тремя прекрасными девушками, нам никогда не видать отцовского трона. А чтобы этого не случилось, мы должны убить его, пока он спит!..

Сказано – сделано. Они свалили брата с кровати на пол и начали топтать его ногами. А когда юноши увидели, что брат лежит бездыханным, взяли из его комнаты все чудотворные листья, прихватили с собой дочерей падишаха Чиме-Чина и тайком отправились домой.

На следующий день они прискакали во дворец, отдали листья лекарям и пошли переодеваться. Лекари не стали медлить. Они тут же высушили привезённые листья, завязали в узелок и опустили в бассейн. Вода стала чудотворной, и, когда падишах выкупался в ней, в тот же миг к больному вернулось зрение, исчезла старческая слабость, он стал здоров и крепок. Падишах обрадовался, ему больше не нужно было лежать в постели, он стал бодрым и полным сил, сел на свой трон и завёл беседу с сыновьями. Юноши рассказали отцу, как они вызволили дочерей падишаха Чиме-Чина из плена, как достали чудотворные листья из Гюлистанского сада и, под конец, добавили:

– Младшего брата мы нигде не встречали. Он, видимо, погиб или же его съели дикие животные.

Выслушал их падишах, погоревал сорок дней, а затем вызвал к себе старшую дочь падишаха Чиме-Чина и сказал ей:

– Ты и твои сестры должны готовиться к свадьбе. Я выдаю вас замуж за моих сыновей и за единственного сына главного везира!

Девушка смело посмотрела ему в глаза и твёрдо сказала:

– Я не выйду замуж до тех пор, пока мне не сошьют венчалное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой!

Пусть они на время останутся здесь, а я расскажу вам о хозяине караван-сарая и младшем сыне падишаха, которого братья сонного жестоко растоптали ногами.

Рано утром хозяин караван-сарая стал обходить своё заведение и вскоре оказался у двери комнаты, где остановился юноша. Дверь почему-то была слегка приоткрыта. Хозяином овладело любопытство. Он тихо зашёл в комнату и видит: юноша лежит в кровавой луже и еле дышит. Вспомнил хозяин щедрость и доброту своего молодого постояльца, побежал к лекарю и привёл его в караван-сарай. Осмотрев юношу, лекарь обнадежил хозяина, что тот будет жить, и принялся за лечение. Через четыре недели юноша почувствовал себя вполне здоровым, отблагодарил хозяина и лекаря

и начал собираться в дорогу. Хозяин приготовил ему еду, обнял, как сына, и провёл до окраины города. Здесь юноша попрощался с ним, сел на своего коня и поскакал в сторону родного края.

На следующий день он достиг ворот столичного города отцовского падишахства и, переодевшись в одежды странника, вошёл в город. По совету жителей юноша остановился в доме старого портного, который взял у него три золотых и сказал:

– Сын мой, живи у меня, пока не найдёшь себе другое место.

Прошла неделя. Потом другая. Как-то поутру пришли к портному слуги падишаха и сказали ему так:

– Старший сын нашего повелителя женится на одной из прекрасных дочерей падишаха Чиме-Чина, но невеста сказала, что не выйдет за него замуж до тех пор, пока ей не сошьют венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой. Если ты возьмёшься за эту работу, то падишах даст тебе за труд полную шкатулку золотых.

Выслушал их старый портной и удивленно спросил:

– Разве можно сшить такое платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой?

Тут подошёл к нему юноша, отвел в сторону и тихо сказал:

– Дорогой портной, не отказывайся от счастья. Ты только прими заказ, а остальное – моё дело. Но прежде не забудь попросить у слуг целый мешок фундука.

Не поверил портной своему постояльцу, но всё же принял заказ.

Через час слуги падишаха внесли мешок, набитый фундуком, поговорили с портным о том, о сём и ушли. Но не успели они покинуть двор, как юноша сел у порога и начал есть орехи. Ел он вкусные ядра целый день и весь вечер. Старый портной ждал момента, когда юноша прекратит своё занятие и примется за дело, но так и не дождался. В полночь он лёг на кровать и крепко заснул.

Тогда юноша вышел во двор, вытащил из кармана волосок из гривы чёрного коня трёхглавого дэва и сжёг. В тот же миг перед ним появился вороной конь. На его золотом седле лежало чёрное венчальное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой. Юноша подошёл к коню, взял с седла платье, принёс домой, положил на стол и лёг спать.

Чуть свет проснулся старый портной и видит: юноша спит, а на столе лежит чёрное венчалное платье, до которого не касались ни ножницы, ни иголка с ниткой. Удивился он такому необыкновенному чуду и стал дожидаться прихода слуг.

А между тем слуги падишаха не замедлили явиться. Они взяли чёрное венчалное платье, дали портному полную шкатулку золотых монет и отправились во дворец.

Как только принесли старшей дочери падишаха Чиме-Чина венчалное платье, она сразу же поняла, что юноша жив и находится где-то вблизи от дворца. Узнав об этом, её средняя сестра пришла к падишаху и твердо сказала:

– Я не выйду замуж до тех пор, пока мне не сошьют венчалное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой!

Снова пришли падишахские слуги к старому портному и заказали ему сшить новое венчалное платье. Портной поговорил с юношей и согласился.

Ровно в полночь, когда хозяин дома крепко заснул, юноша вышел во двор, вытащил из кармана волосок от гривы красного коня пятиглавого дэва и сжёг. В тот же миг перед ним появился красный конь с красным венчальным платьем на золотом седле. Юноша взял платье, отпустил коня и вошёл в комнату. Положив его на стол, он лёг на свою кровать и быстро заснул...

Наутро пришли слуги падишаха к старому портному, дали ему вторую шкатулку с золотыми монетами, забрали венчалное платье и ушли.

Узнав своё красное платье, средняя дочь падишаха Чиме-Чина теперь тоже убедилась, что юноша жив и находится где-то вблизи от дворца, и рассказала об этом младшей сестре. Та, в свою очередь, пришла к падишаху и заявила:

– Я не выйду замуж за сына главного везира до тех пор, пока мне не сошьют венчалное платье, до которого не прикасались ни ножницы, ни иголка с ниткой!

И на этот раз пришли падишахские слуги к старому портному и заказали ему третье венчалное платье. Портной снова поговорил с юношей и принял заказ.

В полуночный час, когда хозяин дома находился в объятиях сна, юноша вышел во двор, вытащил из кармана волосок из гривы синего коня семиглавого дэва и сжёг. Не успел он даже моргнуть глазом, как перед ним появился синий конь, с синим венчальным платьем на золотом седле. Юноша взял платье, отпустил коня на волю, вошёл в комнату, положил платье на стол, лёг на своё место и сразу же заснул крепким богатырским сном.

С первыми лучами солнца пришли слуги падишаха к старому портному, дали ему третью шкатулку с золотыми монетами, взяли с собой синее венчальное платье и отправились во дворец.

Получив от них и это платье, дочери падишаха Чиме-Чина полностью уверились, что юноша в полном здравии, и стали готовиться к торжественному пиршеству.

Вечером следующего дня падишах сыграл самую богатую свадьбу. Во дворец понаехало много кунаков. Там были высокопоставленные вельможи из дружественных стран, купцы и крупные торговцы. Не забыл падишах пригласить и старого портного.

Узнав об этом приглашении, юноша попросил хозяина дома взять его с собой, чтобы хоть краем глаза посмотреть на танцующих людей, но портной ехидно усмехнулся и сказал:

– Нечего оборванцу делать во дворце падишаха! Ты лучше сиди дома и доедай свои орехи!

Юноша стыдливо опустил голову и вышел во двор. Дождавшись ухода портного, он вытащил из кармана волосок с головы доброго дева и сжёг его. Но не успел он свободно вдохнуть свежий воздух, как перед ним появился дэв и спросил:

– Брат мой, что тебе надобно?

Рассказал ему юноша о всех своих горестях и бедах и попросил доставить его на свадьбу.

– Слушаю и повинуюсь! – сказал дэв, посадил его на плечи и за несколько секунд доставил к воротам дворца.

А тем временем свадьба была в полном разгаре. Повсюду горели большие костры и жарились шашлыки из баранины и дичи. Журначи и бубнисты с азартом играли весёлую танцевальную музыку. Падишах, его родственники и знатные гости сидели во главе широкого стола и ели изысканные яства, запивая их лёгкими и крепкими винами.

Между тем дэв опустил юношу на землю, встал во весь могучий рост и, прикрыв своим телом ворота, со всей силой подул в сторону пирующих людей. За какую-то долю секунды вокруг поднялся ураганный ветер и разразился ливень с крупным градом.

В этот миг юноша встал между ногами дэва, внимательно присмотрелся и видит: костры потухли с шипением, и в воздухе завертелись белоснежные скатерти. Столы, блюда и золотые кувшины с вином упали на землю, а испуганные гости побежали врассыпную.

Но на этом их беда не закончилась. Дэв посмотрел на них торжествующе и вытянул руку вперёд. В ней тут же появилась увесистая дубинка. Он с гиком выпустил её на свободу, и дубинка заплясала по спинам бегущих людей. Несколько ударов достались и старому портному.

Одним словом, весёлая и роскошная свадьба превратилась в место побоища и больше не возобновилась. Довольный дэв схватил дубинку и отошёл от ворот. Гости от мала до велика, охая и ахая, выскочили со двора и побежали прочь от дворца падишаха. Вместе с ними, чуть припадая на ногу, побежал и старый портной. Юноша посмотрел ему вслед и беззлобно засмеялся.

Пусть останется всё, как есть, а я расскажу вам о хозяйке Гюлистанского сада. Сколько прошло времени нам того не ведомо, но однажды она проснулась от какой-то жгучей боли на щеке. Протирая глаза, девушка встала с кровати и видит: на пальце блестит чужое кольцо, а на щеке алеет пунцовое пятно, похожее на след поцелуя. Удивилась она такому непонятному явлению, подошла к мраморному столику и заметила, что часть плова с бараниной кем-то съедена.

Подошла тогда красавица к зеркалу, протёрла его платком и спросила:

– О, милое зеркало, кто сегодня был в моей комнате?

Зеркало помолчало, а потом рассказало обо всём.

Выслушав его, красавица переоделась в доспехи богатыря, села на своего скакуна и отправилась в падишахство юноши. Не успела она трижды взмахнуть плетью, как очутилась во дворце, где жил тот самый падишах, некогда одолеваемый недугами. Пробралась она во дворец падишаха и, пригрозив, сказала ему:

– Я хочу узнать, кто пробрался в мой волшебный сад и сорвал чудотворные листья!

Первым подошёл к ней старший сын падишаха и сказал:

- Это я пробрался в твой сад и сорвал чудотворные листья.
- Как же ты их рвал? – спросила красавица.
- Руками, – коротко ответил юноша.
- Врёшь ты, – рассердилась хозяйка Гюлистанского сада. – Уйди прочь!

Вторым к ней подошёл средний сын падишаха и сказал:

- Это я пробрался в твой сад и сорвал чудотворные листья.
- Чем ты их рвал?
- Зубами, – ответил юноша.
- Врёшь ты, – гневно сказала хозяйка Гюлистанского сада. – Уйди прочь с моих глаз! – Она повернулась к падишаху и добавила: – Я хочу знать правду. Обратись к народу, может, кто из твоих горожан был в моём саду и рвал чудотворные листья.

Падишах согласился и тут же издал приказ созвать всех горожан на дворцовой площади. Когда горожане собрались возле дворца, он сказал им:

- Кто тот герой, который пробрался в Гюлистанский сад и сорвал для меня чудотворные листья?

Люди безмолвствовали. А между тем среди них находился младший сын падишаха и всё слышал. Он вышел из толпы, подошёл к красавице и сказал:

- Я сорвал чудотворные листья в твоём волшебном саду!
- А как ты их рвал? – спросила девушка.

Юноша рассказал, как он перехитрил сторожей Гюлистанского сада, и что случилось с ним после встречи с братьями в караван-сараяе, затем снял со своего пальца кольцо девушки и протянул ей.

Взяла хозяйка волшебного сада своё кольцо, рассмотрела его со всех сторон и поняла, что этот юноша и есть тот самый смельчак, который поцеловал её и съел часть плова. Тогда она подошла к нему поближе, сняла с себя мужской богатырский наряд и распустила по плечам сорок золотистых кос.

Увидели горожане в облике богатыря красавицу и возликовали от радости, а когда немного успокоились, стали требовать от падишаха, чтобы он приказал казнить своих нерадивых сыновей за обман

и коварство.

Падишах решил, что они правы, и вызвал палачей. Но тут подошёл к нему младший сын и умоляюще сказал:

– О, добрый отец, пожалуйста, не убивай моих братьев! Я знаю, что они совершили подлость и по закону нашего падишахства должны быть казнены. Но я прощаю их! Как-никак мы кровные братья!..

– Как скажут горожане, так и будет! – подытожил падишах, обращаясь к горожанам.

– Пусть исполнится желание твоего младшего сына, – сказали те и разошлись по своим домам.

По велению падишаха новую свадьбу сыграли прямо на дворцовой площади. Двое его сыновей женились на старших дочерях падишаха Чиме-Чина, а единственный сын везира – на их младшей сестре. А прекрасная хозяйка Гюлистанского сада вышла замуж за младшего сына падишаха, совершившего все эти подвиги.

Спустя некоторое время у всех молодоженов родились дети – девочки и мальчики. А когда они подросли, родители стали то и дело брать их с собой в те края, где некогда хозяйничали трёх-, пяти- и семиглавый дэвы, а также и в Гюлистанский сад: теперь все это принадлежало им.

А дочери Чиме-Чин падишаха посетили отцовский дом и тем самым безмерно обрадовали своих родителей, которые считали дочерей погибшими.

Как гласит народная мудрость: смелость и доброта одного примиряет многих.

Словарь терминов, собственных имён и непереводаемых слов

- Аббас** Реальный персонаж: Аббас I (27.1.1571 – 19.1.1629), шах Ирана (с мая 1587) из династии Сефевидов, крупный военачальник. Популярный персонаж сказаний и легенд, где выступает, как правило, в качестве положительного героя
- Адат** Обычное право, совокупность обычаев обязательных к исполнению
- Аждага** Мифологический персонаж, исполинский дракон с огнедышащей пастью, образ которого восходит к иранским эпическим традициям. В иранской мифологии Ажи-дахака – трёхглавый или шестиглавый дракон или иноземный царь – узурпатор, захвативший власть над Ираном. В наиболее распространённых мифах Аждага угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает Аждага, спасая очередную жертву (обычно падишахскую дочь), на которой и женится
- Азраил** Также Хазреил: распространённый мифологический персонаж у джугури; Ангел Смерти, чей образ, скорее всего, заимствован у соседей-мусульман.
- Амалдан** Также дан-Амалдан: сказочный персонаж, всегда добрый и хитроватый мудрец, принимающий обычно образ бородатого гнома или старца
- Ашуг** У некоторых народов Кавказа: народный поэт-певец
- Бахлюль** Историческая личность средневекового Ирана; мудрец, персонаж фарсоязычного фольклора

Баши	Главный атаман
Бухлеме	Национальная еда, также буглеме: студень из рыбы. К бухлеме подается варёный рис, откинутый на дуршлаг и предварительно остуженный
Векил	Вельможа, высокопоставленное лицо
Везир	Также визирь: титул министров и высших чиновников
Гаравош	Стражник, охранник
Данусменд	Сказочный персонаж: всезнающий мудрец
Дервиш	Нищенствующий монах-аскет, факир. В народном фольклоре стал носителем как доброго, так и злого начал. Олицетворял всевозможных чудовищ, людоеда, колдуна, чародея, оборотня и т.д.
Джай	Восточная игра в бабки. Бабка – у животных: надкопытный сустав ноги, кость которого употребляется для игры. Играть в бабки – броском сбивать бабки, установленные на расстоянии
Долма	Национальная еда: мясной фарш, завёрнутый в виноградные листья
Дэвы	В иранской мифологии: злые духи, звероподобные великаны, обитающие под землёй и владеющие несметными сокровищами. Им противостоят добрые духи – ахуры. Дэвов бесчисленное множество, они служат верховному духу зла Ангро-Майньо. Знаменитые богатыри борются с дэвами и побеждают их
Зиндан	Подземная темница
Зурна	Духовой язычковый музыкальный инструмент
Ингар	Национальная еда: кусочки пресного теста, приготовленные из кукурузной или пшеничной муки, сваренные в мясном бульоне. Подаётся с варёной говядиной или бараниной и чесночной приправой, разбавленной сметаной, кефиром, томатом
Инчегуз	Девушка из свиты сына или дочери падишаха, обязанная развлекать своего господина или госпожу
Кадий	Также кади, кадия: духовный судья у мусульман
Кайф	Также кейф: устаревшее и разговорно-шутливое – приятное безделье и отдых
Калам	От греческого «тростник»: тростниковое перо, широко распространенное у народов, пользовавшихся арабским алфавитом

Калым	Также калын: по обычаю выкуп, который должен заплатить будущий муж родителям невесты
Кунак	У кавказских горцев: друг, приятель
Куш	Большая сума денег
Ловловиго	Люди, в основном женщины, которые лечили заговорами, священными молитвенными амулетами, внушением и т.п.
Машалла!	Восточное восклицание, выражающее удивление
Меошиерах	Также Миширахуно: у горских евреев имя библейского персонажа – пророка Моисея
Момой	У горских евреев: бабка-повитуха
Нимаз	Синагога
Нукер	У народов Кавказа: служитель, отрок при господине, телохранитель
Овсунечи	У джугури: сказочник, сказитель, искусный рассказчик историй
Ошир	Богатый человек
Пахлеван	Акробат, канатоходец, смельчак, наездник, а в военное время воин-богатырь
Саз	Струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни
Сакля	Русское название жилища кавказских горцев
Тар	Струнный щипковый инструмент, распространенный на Кавказе
Тарантас	Крытая повозка
Тонур	Круглая глинобитная печь с узким устьем для выпечки лепёшек
Туме	Счётно-денежная единица, а с конца XVIII в. также золотая и серебряная монеты
Хейвун	Балкон
Худо	Имя Творца в джугурском эпосе
Худо хармах ту!	Бог тебе в напарники!
Хундекучи	На Востоке: зазывала, приглашающий гостей на пиршество
Хурджун	Дорожная ковровая перемётная сума

- Чарьики** Вид обуви (род сандалий): кожаные полусапожки с загнутыми носками и завязками вокруг голени, тип поршней. Поршни: обувь, которая не шьётся, а гнётся (загнуть поршни) из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью). Поршни носят летом, налегке или на покое
- Чимечин** Сказочная страна от искажённого названия китайской династии Цинь
- Чинар** Платан восточный – дерево рода платановых. Иногда чинарой называли бук
- Чурек** На Кавказе: плоский пресный белый хлеб
- Шагаду** Относится к неиудейским синкретическим верованиям горских евреев: нечистый дух, принимающий всевозможные образы. В подчинении Шагаду множество других духов, которые по его приказу вселяются в душу, и человек сходит с ума. Духи представляют собой существа, похожие на людей, но имеющие кривой рот с клыками по бокам, рожки и хвост, широкие ноги и руки с шестью сильными пальцами, расположенными веерообразно друг над другом, и длинными когтями
- Шербет** Фруктовый прохладительный напиток
- Эдем** Мифологическая страна, где, по библейскому рассказу, находился рай – место пребывания Адама и Евы, до изгнания их оттуда по повелению Бога в наказание за то, что они «вкусили плоды древа познания добра и зла»
- Эршефи** Золотая денежная монета, имевшая хождение на Востоке (Иран)

Идиомы и примечания к сказке...

Бессмертный Немюрюм

... он ни на минуту не отходил от постели больного...

Народный обычай, когда было принято, во время болезни посещать дом недомогающего. Обычно около больного ни днём, ни ночью не бывает менее двух-трех сиделок, потому как односельчане, как правило старики и старухи, заботливо ухаживают за больным, исполняя его малейшее желание, и даже остаются ночевать.

... и юноша незаметно для самого себя оказался на самой вершине горы, у самого Поднебесья...

По поверью джугури рай находится на седьмом табага – этаже. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

...добрый юноша, для этого тебе надо много старинных книг прочитывать, в душу Небесную истину вобрать, и жить с любовью ко всем и даже к врагам своим...

Парафраз изречений из Ветхого и Нового Заветов. Дословно: «Люби ближнего, как самого себя» и «... любить, как самого себя, надо не только ближнего, но и врага, и если тебя ударят по одной щеке, подставить и другую...».

Бежон и Менежон

...пусть подойдут, выпьют со мной чашу шербета и дадут клятву верности...

Древний обычай, сопровождающий приношение клятвы верности и непоколебимости между джигитами.

...облачился в траур, обсыпал себя золой и сел у холодного очага...

Народный обычай, выражающий горе, отчаяние. Связан с трагическими событиями, когда внешние обстоятельства превосходят возможности человека их преодолеть.

... сняла Менежон с головы платок, бросила его к ногам дервиша...

У джугури для женщины считается позором показаться простоволосой мужчине. Если же она бросает свой головной платок к ногам мужчины, это значит, что она, унижая себя, о чём-то просит. В таких случаях отказ недопустим.

Три сына старого ошира

... иногда, говорят, он помышлял привести в дом вторую жену, дабы иметь ребёнка, но совесть и чувства, которые он питал к своей красавице-жене, да к тому же законы его религии не позволяли ему решиться на такой недостойный шаг...

В общине горских евреев, также как и в других восточных еврейских общинах, не существовало запрета на многожёнство. Наличие двух жён было распространённым явлением. Однако к середине XIX века общественное мнение горских евреев постепенно склонялось к моногамии. Известно, что в еврейских общинах, находящихся в Дербенте и его окрестностях, многожёнство считалось нежелательным. Основной причиной, по которой горские евреи гораздо чаще, чем окружающие народы, предпочитали иметь лишь одну жену, было то, что они считались с мнением женщины.

... женщины плакали, причитали, восхваляя покойника...

Знак глубокого траура у джугури. Когда умирает кто-то из родственников, женщины отправляются в его дом. Мужчины уступают им место в комнате умершего, и женщины, окружив постель, оглашают саклю раздирающими душу криками, восхваляя покойника, чтобы увековечить его заслуги перед небесами.

...то желала, чтобы он исчез в седьмом подземелье...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли (см. также комментарии к сказкам «Хитрая жена бедняка» и «Лиса и плешак»).

...возьми с собой этот амулет. Он сохранит тебя...

Универсальным средством предупреждения и лечения болезней у горских евреев было использование амулетов, защищающих их обладателей от духов болезней.

... семь рек и семь лесов прошёл, на семи дорогах побывал...

Видимо, подчёркивает особое расположение Бога к осуществляемому юношей делу. По представлению иудеев, числа «три» и «семь» – святы, отсюда происходит тройная семерка 777 как выражение святого святых.

... когда рождение девочки считалось величайшим позором...

У джугури особенно желанным ребёнком является мальчик. В этом случае момой (см. комментарии к сказке «Младшая дочь шаха Аббаса») требует за «бешерей» – радостную весть – подарок. Отец новорождённого с удовольствием исполняет её просьбу и, пригласив присутствующих и утешающих его в кунацкую комнату, начинает угощать вином и закусками. Особенно радуется веселью мать, т.к. при рождении сына все начинают питать к ней особое уважение. Совсем не так встречают евреи новорождённую девочку. Муж, родственники и даже момой оставляют мать безо всякого внимания и не прислуживают ей.

... известно, у каждого начала есть и свой конец...

Парафраз Когелета: «Всему свой час, и время всякой вещи под небом...».

**... старших сыновей любви на расстоянии,
а с младшим – не расставайся...**

Народное поверье, когда младший сын, на долю которого выпадает больше добрых дел, обычно считается умнее и смелее старших братьев и более любимым в семье, поэтому вся надежда родителей на обеспеченную и спокойную старость возлагается именно на младшего сына.

Истории мудрого странника

... на теле своём живого места не оставил...

Знак глубокого горя, как правило, по умершему у горских евреев. Когда покойник снаряжен для погребения, начинаются общие причитания женщин, сопровождающиеся ударами в лоб, в лицо, в грудь, вырыванием волос на голове, царапаньем щёк, кусанием рук и другими выражениями печали и сочувствия.

... говорят, что в её животе змея живёт...

Горские евреи верили, что главной причиной любой болезни является злой дух, который нужно умиловать, уговаривать отпустить на свободу свои жертвы.

... у него нет денег на свадьбу и на калым...

Женитьба сопряжена с многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы для того чтобы, по обычаю, будущий муж мог заплатить родителям невесты выкуп. Сумма, как правило, весьма значительная, кроме того, поскольку свадьба продолжается обыкновенно около четырех суток и справляется за счёт жениха и подвенечные одежды, богато обшитые серебряными и золотыми галунами, тоже должны быть оплачены им же; то в итоге выходит, что горский еврей, чтобы жениться должен иметь приличную сумму денег.

... покупаю живность, режу, как учил меня мой дед, и продаю...

Ремесло резника было одним из самых уважаемых в среде горских евреев. Обычно правила по ритуальному убою животных и птиц изучались на высших ступенях школы (хедера), закончить которую удавалось далеко не всем. Зачастую в общинах горских евреев раввин сочетал в себе многие обязанности, при этом важнейшей среди прочих была функция, связанная с ритуально-правильным забоем скота. Существенно, что круг духовной элиты у горских евреев был достаточно замкнутым: часто пост раввина и соответствующие знания переходили от отца к сыну. По тексту сказки указание профессии (мясник) особо подчёркивает в глазах странника горе рассказчика, ибо сын мясника, в первую очередь, опозорил ремесло резника.

... быть мне твоей жертвой...

Клятва джугури, возможно, отражающая верования иудеев в то, что можно подарить часть своей жизни другому человеку. Известно, что Адам, провидя смерть царя Давида в младенчестве, подарил ему семьдесят лет из своей жизни.

Хитрая жена бедняка

... да гореть отцу моему в аду...

Клятвы, связанные с огнём и солнцем, видимо, появились у джугури с зороастрийского периода. Горские евреи считали, что между адом и раем находится толстая накалившаяся проволока, по которой должна идти душа, чтобы окончательно очиститься от грехов и попасть в рай. Душа несколько раз пытается, доходит до середины длинного пути, спотыкается под тяжестью грехов и падает на проволоку, которая с шипением и свистом разрывает тело пополам. Тело летит вниз и попадает в огонь, где превращается в пепел. После этого тело опять возобновляется, и душа продолжает терзаться, пока на ней не останется ни одного греха. После очищения она благополучно доходит до седьмого неба, где её встречают добрые ангелы, показывают ей всё величие Бога и сопровождают её в рай.

... нет бороды – людям показаться стыдно...

Все почтенные люди обязаны были носить бороду – безбородые считались неверными Богу.

Кривой Якуб и шах Аббас

...связать обиду в узел...

Распространенное выражение, означающее набраться терпения, довериться судьбе.

...Якуб читал мальчикам древние книги...

Образование у горских евреев было традиционно религиозным. Только в конце XIX века появляется и светское образование. В этнографической литературе отмечается, что профессиональная подготовка большинства учителей, особенно в небольших аулах, оставляла желать лучшего.

... как хорошо было бы построить в нашем ауле школу для детей на те деньги, которые я за это время получал за их учёбу...

Горско-еврейская община никогда не содержала хедер (еврейская школа), он всегда принадлежал учителю, как правило местному раввину, и существовал за счёт платы, которую вносили родители учеников как деньгами, так и продуктами. Также было принято после окончания курсов подносить подарки – вино, муку, соль, кур. Учение из-за общей бедности горских евреев стоило дёшево, а материальное положение учителя чаще всего было очень тяжёлым. Успехи Якуба по тексту сказки лишь подчёркивают его незаурядные способности.

... и стал Якуб строить на окраине аула школу ...

Горские евреи для школ строили специальные помещения возле синагоги или прямо в помещении синагоги. Иногда занятия проходили в доме учителя. В этнографической литературе отмечается, что по внешнему виду было трудно отличить горско-еврейский хедер от тюркского китаба (мусульманская школа). Та же домашняя, комнатная обстановка, то же расположение учащихся – вокруг учителя, на полу; то же ритмическое раскачивание; та же громкая, экзотическая напевность. Даже приёмы наказания те же: длинной тростью учитель дотягивается до любого ученика; мальчики часами стоят в углу лицом либо к «классу», либо к стене, в зависимости от проступка.

... вспахали поле, засеяли его кукурузой, овсом и подсолнухом...

Основными занятиями горских евреев были: сельское хозяйство – обработка земли и возделывание полей, где сеяли пшеницу, ячмень, маис, рис и т.д.; разведение виноградных и фруктовых садов; культивирование марены, табака и овощных растений; шелководство; обрабатывающее производство – выделка сафьяна, кож из сырых шкур, которые получали от местного населения или от своих домашних животных; тканьё, вязание и вышивание различных материй, приготовление сыра, масла и т.п. из буйволиного и овечьего молока; торговля – преимущественно корабейная.

... решил поехать по делам государства в страну франков...

Франками на Востоке называли европейцев.

... когда Миширахуно, спасая своих единоверцев от преследования фараона...

Почти дословный пересказ Торы (Исход 15:1-21): фараон, раскаявшись, что отпустил израильтян, вместе со своим войском пустился в погоню и настиг беженцев у Красного (Тростникового) моря. Но море расступилось, евреи (общим числом около 600 тыс. человек) прошли по сухому дну, не замочив ног. Египтяне же, погнавшись за израильтянами, утонули – Моисей ударил посохом и воды Красного моря сомкнулись. О чудесном спасении народа была сложена «Песнь Моисея» и хвалебная «Песнь Мариам».

... на земле всегда вёлся и ведётся счёт...

Раввины у горских евреев, кроме всего прочего, занимались переписью населения, выдачей метрических свидетельств, исполняли роль духовных судей, т.е. решали семейные тяжбы, выдавали разводы и т.д.

...нужно, чтобы кто-нибудь ... принёс в жертву своего единственного сына...

Почти дословный пересказ Торы (Бытие 22): Аврааму было почти сто лет, когда Сарра родила сына Исаака, имя которого переводится, как «дитя смеха», – оттого, что девятилетняя Сарра рассмеялась, когда Бог предсказал Аврааму рождение их ребёнка. Когда Исаак подрос, Бог, испытывая веру Авраама, приказал принести ребёнка ему в жертву. Авраам, не раздумывая, был готов положить своего сына на жертвенник, но, в последнюю минуту, ангел воззвал к нему с неба и сказал, что это испытание, которое послал Бог. Авраам пожертвовал вместо сына агнца.

... не смолкали звуки барабанов и зурны...

Традиционная музыка джугури: сочетание гармонии и тепа, либо зурны и барабана

... и бросал на голову невесты, по древнему обычаю, золотые монеты ...

Элемент сложного свадебного обряда у горских евреев. Сохранившиеся описания свадебных обрядов имеют существенные отличия в деталях в зависимости от места горско-еврейского поселения.

Младшая дочь шаха Аббаса

...бедняк позвал мамой...

Как только женщина чувствует время разрешения от бремени, домашние приглашают мамой. Из этнографической литературы известно, что горская еврейка рождает или стоя или на коленях, поддерживаясь посредством верёвки, перекинутой через брусья в потолке, или лежа на земле, где готовится ей соломенная постель (липовая доска). Женщины из всего аула постепенно собираются в комнате рожавшей, принося с собою в больших чашках и тарелках, покрытых платками, муку, крупу, яйца, чеснок и проч. Все это собирается для мамой. После того, как женщины собрались, одна из родственниц роженицы берёт кусок белого полотна, бязи или другой белой материи и перевешивает через дверь так, чтобы одинаково ровно было видно как снаружи, так и внутри. Материя остаётся до тех пор пока роженица не станет совсем здоровой и потом дарится мамой. Полагают, что белый цвет материи служит для удаления нечистого духа. При сильных болях посылают кого-нибудь на кладбище, чтобы принести горсть земли из могилы покойника – родственника или уважаемого при жизни человека. Выкопанную землю, смешав с водой, дают страдающей. Если и это средство не помогает, то муж приглашает учеников раввина, из которых одни трубят в «шофар» – трубы, употребляемые в Судный день и на Новый год при общественной молитве, другие читают псалмы, третьи стреляют из ружей. Все начинают молиться: «Единый Боже! Дай ей радость разрешиться...»

...землёй не пахнет, а мертвецом лежит...

Народная поговорка по смыслу аналогичная фразеологическому обороту «ни жив – ни мёртв».

...исполнилось мальчику тринадцать лет...

По еврейскому обычаю возраст религиозного совершеннолетия для мужчин тринадцать лет плюс один день. Бармицва – обряд, посвященный достижению этого возраста, у джугури называется «тефилин».

Лиса и плешак

...расскажу-ка я вам про плешака и лису...

Плешак, также можно встретить кечел или кечал: в горско-еврейских сказках обычно, плут, пройдоха. Образ лисы в сказках джугури имеет дуалистическую природу. По отношению лисы к зверям она предстаёт то хитрой, то ловкой, то коварной, то находчивой, то обманщицей, то злопамятной и т.д. Но для человека лиса довольно часто становится помощником в делах. Выбор таких персонажей в сказке не случаен: особо подчёркивается её авантурный сюжет через альянс двух ловких мошенников.

...длинной, как кишка шагаду, показалась эта ночь...

Народное поверье, о том, что кишки шагаду не имеют ни конца и ни края. По тексту сказки подчёркивается томительность, длительность ожидания действия.

... душой отца клянусь...

Клятва джугури. Считается, что клятва именем отца или именем собеседника самая крепкая, а ложная клятва оборачивается проклятием для того, кто клялся.

... сквозь семь пластов земли провалиться...

Народное поверье, согласно которому ад находится в глубине земли под семью пластами, а рай – над седьмым небом. Небо представлялось воздушной массой, состоящей из семи «табага» – этажей. Каждый этаж отделяется от другого плотной перегородкой «перде» и предназначен для звёзд, планет и ангелов. Над седьмым этажом стоит постоянный трон Всевышнего.

... и стала осыпать жениха с невестой сахаром и рисом ...

Элемент сложного свадебного обряда у горских евреев. Известно, что в некоторых горско-еврейских поселениях было принято осыпать жениха сарачинским пшеном, т.е. рисом и мукою, символами благосостояния, плодородия и чистоты семейного счастья. Также на новобрачную по дороге в дом жениха женщины бросали рис в пожелание плодородия (чтобы она родила много детей).

Оглавление

Предисловие	6
Бессмертный Немюрюм	12
Бежон и Менежон	20
Три сына старого ошира	36
Истории мудрого странника	80
Хитрая жена бедняка	106
Кривой Якуб и шах Аббас	116
Младшая дочь шаха Аббаса	138
Лиса и плешак	148
Фагир и мошенники	156
Наджас, сын разбойника.	163
Младший сын падишаха	178
Словарь терминов, собственных имен	196
Идиомы и примечания	200

Фольклор. Литературоведение

Амалдан Кукуллу

ИСТОРИИ МУДРОГО СТРАННИКА
Книга 2

Ответственный за выпуск Д.А. Кукулиев
Художник А.А. Сенин
Компьютерный набор И. Никулина
Компьютерная верстка В. Васильев

Сдано в набор 10.05.06. Подписано в печать 25.07.07.
Формат 70х100/16. Бумага мелованная. Гарнитура korrina.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 1000 экз.

Издательство «Амалданик». 117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б
Отдел распространения: 506-45-09

